12+

Литературно-художественный журнал

1
2020
(107)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Герой номера
Олег Качалов

На обложке
Катерина Калюжная

В главной рубрике
Четвероногие друзья
Мир под луной

Редколлегия

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь и редактор:
С. А. Чалый

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **С. А. Чалый**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел.: 8-800-301-2620
E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 31.03.2020
Журнал вышел в свет 10.04.2020
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
128 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 1/2020 (107)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Открытая дверь в литературную вселенную 3

Литературный календарь

Юбилеи 4
События 10
Конкурсы 11

Герой номера

Если творить, то без ограничений. Интервью с писателем фэнтези Олегом Качаловым 13

Диалог с писателем

В мире детства и зимней сказки – в гостях у Натальи Шараповой 19
Истоки фэнтези, или Где искать корни новой книги Наталии Мосиной 22

Рецензии и критика

Концепт «семья» в романе Катерины Калюжной «Тайны тёмной цитадели» 24
Жанровое своеобразие романа Софии Эззиати «Дневник революции» ... 26

В фокусе

МДЛК «Озарёнок» отмечает первый юбилей 29

Гоголевский вестник

Звезда по имени Ольга. К юбилею Ольги Дмитриевны Анчоковой 31

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

Как построить планы по РОСТу, или Ваши 20 новых целей 34

Виват, победители!

Сергей Балиев
Стихотворения 36
Гвоздодёр
Стихотворения 37
Анжелика Лаврентьева
Стихотворения 38
Владимир Литвишко
Стихотворения 39
Сергей Лобанов
Стихотворения 40
Татьяна Оленева
Стихотворения 41
Елена Оскина
Стихотворения 42
Виктор Сапиро
Стихотворения 43

Тема номера. Четвероногие друзья

Людмила Денисова
Стихотворения 44
Александр Коломийцев
Кеша 45
Валерий Лепов
Стихотворения 49
Андрей Пучков
Котя 51
Константин Реннер
Бельчонок Кеша и тайна лесного дуба 56
Иоланта Сержантова
Молитва 62
Матвей Тукалевский
Манька 66
Елена Яровая
Стихотворения 71

Тема номера. Мир под луной

Светлана Дотц
Полнолуние 73
Валерий Лепов
Стихотворения 74
Виктория Никитина
Стихотворения 75

Поэзия

Алексей Абрамов 76
Инна Андрианова 78
Евгений Волков 79
Игорь Исаев 80
Александр Норенков 81
Виталий Свирин 85
Александр Степанов 86
Ольга Фомичева 89
Рената Юрьева 90

Проза и публицистика

Лариса Агафонова
Мечты сбываются 91
Приручила 92
Надежда Васик
Следы 95
Турнир 96
Евгений Поздняков
Краски 97
Валерий Ременюк
Гомеостазис 101
Валерий Рубин
С чего начинается роман. Совет начинающему писателю 105

Неординариум

Наталья Ведищева
Пасечник 107
Елена Нестерова
Оглушение 110
Юлия Титова
Элия 112

Комната отдыха

Владимир Соколов
Продавцы и покупатели 119

Цветные зонтики

Наталья Шарапова
Стихотворения 123

Уголок читателя

Слово об «Уральских сказаниях» 124

Открытая дверь в литературную вселенную

Быть настоящим библиофилом – значит не только знать классику и прочитать парочку популярных бестселлеров, разрекламированных опытными пиарщиками. Это значит всё время держать руку на пульсе и оставаться в курсе последних литературных тенденций. Именно поэтому журнал «Союз писателей» из года в год знакомит читателей с современными авторами, пишущими стихи и прозу. Они живут в разных часовых поясах, обладают разной степенью известности, разным жизненным багажом и разными взглядами на мир. Но объединяет их желание и возможность создавать литературные произведения, «творить красоту, нести свет и утешение людям».

Героем номера стал Олег Качалов, молодой писатель из Санкт-Петербурга, работающий в жанре фэнтези. Интервью с автором романов «Чернокнижники», «Колдун из Чёрной Перчатки» и книжного цикла «Вихрь судеб», получившее название «Если творить, то без ограничений», корреспондент пресс-службы «СП» Екатерина Кузнецова взяла специально для поклонников фэнтезийных миров, которые хотели бы узнать, как создаются их любимые истории.

Рубрика **«Диалог с писателем»** знакомит с двумя выдающимися женщинами. «В мир детства и зимней сказки» зовёт всех желающих Наталья Шарапова, а углубиться в фантастику и поговорить о «Любви на просторах вселенной» приглашает Наталия Мосина.

Кандидат филологических наук Любовь Калинина приготовила разбор сразу двух литературных произведений для рубрики **«Рецензии и критика»**. Не пропустите её статьи «Концепт “семья” в романе Катерины Калюжной “Тайны тёмной цитадели”» и «Жанровое своеобразие романа Софии Эззиати “Дневник революции”».

Писательство – это непросто. Как и любое творчество. Иногда авторам требуется поддержка, которую они найдут в рубрике **«Психология творчества с Ларисой Агафоновой»**. В этот раз речь пойдёт о планировании.

Гордо открывают собственно литературную часть журнала призёры XV сезона конкурса «Союзники» – поэты Сергей Балиев, Гвоздодёр, Анжелика Лаврентьева, Владимир Литвишко, Сергей Лобанов, Татьяна Оленева, Елена Оскина и Виктор Сапиро.

Тематическая рубрика выпуска разделила авторов на два лагеря – большие любители животных представили стихотворения и прозу к теме **«Четвероногие друзья»**, а поэты, воспевающие романтику тёмного времени суток, нашли своё место в **«Мире под луной»**.

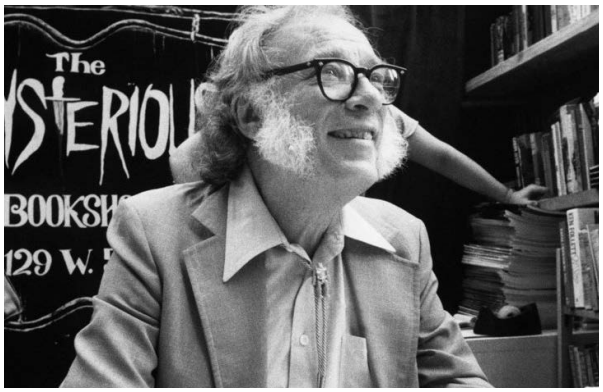
На крупных разделах **«Поэзия»** и **«Проза и публицистика»**, названия которых говорят за себя, журнал не заканчивается. Перевернув очередную страницу, вы перенесётесь в **«Неординариум»**, обитель всего загадочного, мистического и необъяснимого. Три разные истории, прекрасные в своей непохожести, представили для рубрики Наталья Ведищева, Елена Нестерова и Юлия Титова. Возможно, после их прочтения захочется переключиться на что-то более лёгкое. В этом непременно поможет **«Комната отдыха»** и размещённый в ней рассказ Владимира Соколова. А на совершенно весёлую ноту настроят стихотворения Натальи Шараповой, спрятавшиеся от хмурости мира под **«Цветными зонтиками».**

Читайте, узнавайте что-то новое, удивляйтесь и просто получайте удовольствие от хороших историй с «Союзом писателей» № 1/2020!

Литературный календарь

Юбилеи

2 января – 100 лет назад в Петровичах Гомельской губернии родился американский писатель-фантаст **Айзек Азимов** (1920–1992), автор книг «Основание», «Сами боги», «Конец Вечности», популяризатор науки, многократный лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла».



4 января – 80 лет назад в Ганьчжоу родился китайский писатель **Гао Синцзянь** (1940). В произведениях автора прослеживается тема плачевного положения человека в современном мире. Яркие образцы его творчества – «Чудотворные горы», «Автобусная остановка». Писатель является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 2000 года.

6 января – 115 лет назад родился английский писатель-фантаст **Эрик Фрэнк Рассел** (1905–1978), автор произведений «Оса», «Космический марафон» и прочих. Считается признанным мастером короткого иронического рассказа.

7 января – 95 лет назад в Джамшедпуре родился английский зоолог, путешественник и писатель **Джеральд Даррелл** (1925–1995), младший брат английского писателя-романиста Лоуренса Даррелла. Фонд охраны дикой природы, основанный писателем, спас от полного исчезновения не один вид редких животных. Даже названия произведений Даррелла – «Перегруженный лес», «Под пологом пьяного леса», «Моя семья и другие звери», «Птицы, звери и родственники», «Говорящий свёрток», «Сад богов» – говорят о его любви к дикой природе.

9 января – 130 лет назад родился чешский писатель **Карел Чапек** (1890–1938), написавший книги «Фабрика абсолюта», «Кракатит», «Война с саламандрами» и прочие. Чапек – один из самых известных чешских писателей XX века.

15 января – 225 лет назад в Москве родился русский поэт, драматург **Александр Сергеевич Грибоедов** (1795–1829), прославившийся комедией «Горе от ума». Александр Сергеевич появился на свет в Москве. Его семья была родовитой и происходит от поляка Яна Гржибовского, который перебрался в Россию в начале XVII века, да так и пустил тут корни. По свидетельствам близких людей, маленький Саша был мальчиком одарённым и очень развитым. С ранних лет он проявлял склонность к языкам и уже к шести годам свободно говорил на трёх, помимо русского. Подростком он знал шесть иностранных языков: английский, французский, немецкий, итальянский, латынь и древнегреческий.

В восемь лет мальчика отправили в пансион. Там он провёл всего три года, после чего поступил в университет, где изучал словесность, и в тринадцатилетнем возрасте выпустился в звании кандидата словесных наук, что можно считать очень большим достижением. Однако недаром тема ума стала одной их главных в культовом произведении автора. Достигнув немалых результатов в учёбе и имея возможность оставить её, Грибоедов предпочёл продолжить образование. Он поступил на философский факультет, где постигал тонкости юриспруденции. Став кандидатом прав, Александр Сергеевич перешёл к изучению математики и естественных наук. И лишь в 1812 году, когда войска Наполеона подошли к Москве, он оставил студенческую скамью ради гусарского полка.

В этот период он свёл знакомство с золотой молодёжью своей эпохи. Окончив службу в 1815 году, Грибоедов отправился в северную столицу. Именно в это время он впервые попробовал себя в роли писателя. В начале 1816 года его статья, представлявшая собой отзыв на критические замечания Гнедича о балладе Катенина «Ольга», была опубликована. Она и принесла своему создателю известность в литературных кругах.

Вскоре Грибоедов занялся дипломатией, начав с должности губернского секретаря. Позже он неоднократно отправлялся с заданиями в Персию и на Кавказ. Свободно овладел персидским, турецким и грузинским языками. Параллельно не оставлял своего увлечения – писательства. Перу автора принадлежат многочисленные статьи, а также ряд комедий («Притворная неверность», «Студент», «Замужняя невеста»). Однако наибольшую известность Грибоедову принесла пьеса в стихах «Горе от ума», отразившая особенности общества XIX века, поставившая акцент на угнетении народа, предложившая философские рассуждения вкупе с парочкой романтических интриг, обнажившая пороки современников автора и даже предсказавшая скорую войну. По сей день это произведение изучают в школах и ставят на больших сценах в России и за рубежом.

Умер Александр Сергеевич на чужбине, когда в персидском городе Тавриз обезумевшая толпа напала на русское посольство и убила практически всех, кто там находился.

15 января – 85 лет назад в Нью-Йорке родился американский писатель-фантаст **Роберт Силверберг** (1935). В числе его произведений «Человек в лабиринте», «Замок лорда Валентина», «Хроники Маджипура», «Вертикальный мир», «Время перемен» и другие. Писатель является неоднократным обладателем престижных литературных премий «Хьюго» и «Небьюла».

22 января – 95 лет назад родилась американская писательница-фантаст **Кэтрин Маклин** (1925–2019), лауреат премии «Небьюла». Среди известных произведений автора рассказы «Изображения не лгут», «Эффект снежка», романы «Потерянный», «Космические шахматы», «Тёмное крыло».

29 января – 160 лет назад в Таганроге родился русский писатель и драматург **Антон Павлович Чехов** (1860–1904), автор культовых произведений «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад».

Будущий писатель был сыном купца, державшего бакалейную лавку. Во время учёбы в школе Антону часто приходилось помогать отцу. Это занятие казалось ему крайне утомительным – как из-за самого рода деятельности, так и из-за большого количества пьяных клиентов, наблюдая за которыми юноша написал свои первые анекдоты и

фельетоны. Став старше, Чехов оставил отчий дом и перебрался в Москву, где поступил в медицинский институт. Впоследствии работа, а также пациенты, с которыми сведёт его судьба, станут неисчерпаемым источником вдохновения для русского классика.

В студенчестве, параллельно с изучением анатомии и других врачебных премудростей, Чехов стал развивать свой писательский дар. Его короткая проза начала появляться на страницах журналов. Первая знаковая публикация состоялась в «Новом времени», когда Антон Павлович уже получил диплом и приступил к практике. Примечательно, что первые произведения автор всегда издавал под псевдонимами, причём каждый раз под разными. Дело в том, что он боялся критики и не желал, чтобы его узнавали. Эта скромность была присуща ему до конца дней. Впрочем, опасаться Антону Павловичу было решительно нечего. Его работы быстро оценили по достоинству. Хотя не обошлось без замечаний: его часто упрекали в отсутствии чёткой гражданской позиции, что в преддверии революции считалось пороком.

Чехов полагал, что настоящая жизнь скрывается под маской обыденности, а состоит из многочисленных эмоций, чувств и ощущений. Сам он был человеком, способным очень остро воспринимать действительность. Эта особенность передалась многим его героям – людям маленьким и часто неудачливым, но способным на глубокий внутренний конфликт. Мелкость человека и величие готовящихся событий отражены в его творчестве. Герои, бессильные перед обстоятельствами, предстают то смешными в глазах читателей, то глубоко драматичными. Чувствительность автора и присущий ему юмор имеют место в каждом произведении, хотя многие считали, что над темами, которые затрагивал Чехов, смеяться не стоит.

Кумиром Чехова был Лев Толстой. Хотя далеко не во всём Антон Павлович соглашался со своим современником. Позже Чехов и вовсе стал считать Толстого идеалистом и наивным романтиком, во многом оторванным от реальной жизни простого народа. Таким его мнение стало после внезапного побега на Сахалин, где он вёл медицинскую практику, впервые столкнувшись с трудностями быта простого человека и своей невозможностью помочь пациентам, не имея ни лекарств, ни нормальных условий для врачевания.

Жизнь на Сахалине, отражённая в одноименной книге, подорвала здоровье писателя, обострив его проблемы с лёгкими. Он вернулся в Петербург, где пожил очень недолго, прежде чем перебраться в Ялту, где заботу о нем возложила на свои плечи сестра Мария. В постсахалинский период Чехов всё чаще стал обращаться к серьёзной прозе. Он хотел рассказать о том, как живёт народ вдали от крупных городов, отразить характеры и быт, которые видел. К числу произведений «обновлённого» Чехова можно отнести «Палату № 6», «Мою жизнь», «В овраге» и ряд других. Одним из последних творений Антона Павловича стал рассказ «Архиерей», написанный в преддверии скорого конца. Эта тема поднимается и в самом произведении, так как его герой знает, что жить ему осталось недолго.

Умер классик отечественной литературы на чужбине, в Германии, куда ездил на лечение. Долгое время считалось, что его свёл в могилу туберкулёз. Однако более поздние исследования показали, что причиной мог послужить оторвавшийся тромб.

31 января – 85 лет назад родился японский писатель **Кэндзабуро Оэ** (1935), лауреат Нобелевской премии в области литературы 1994 года. Главная тема его творчества – попытки преодолеть нигилизм, отрешённость и безответственность, присущую людям XX и XXI веков, которые, по мнению автора, достигли своего максимума в лихую годину Второй мировой войны. Среди романов и повестей наиболее известны «Личный опыт», «Футбол 1860 года», «Родственники жизни», «Башня исцеления», «Кульбит», «Прекрасная Аннабель Ли», «Смерть от воды».

7 февраля – 365 лет назад в Париже родился французский драматург **Жан Франсуа Реньяр** (1655–1709). Пьесы автора («Серенада», «Бал», «Игрок», «Демокрит», «Менехмы»), начиная с 1694 года и по сей день ставятся на сценах французских театров, в том числе в легендарном «Комеди Франсез».

135 лет назад родился американский писатель **Синклер Льюис** (1885–1951). Его перу принадлежат произведения «Закат капитализма», «Наш мистер Ренн», «Страх американцев перед литературой», «Эрроусмит», «У нас это невозможно». В 1930 году получил Нобелевскую премию в области литературы «за мощное и выразительное искусство повествования и за редкое умение с сатирой и юмором создавать новые типы и характеры».

9 февраля – 95 лет назад родился политический обозреватель, писатель, историк **Валентин Сергеевич Зорин** (1925–2016), лауреат Государственных премий СССР и РСФСР. Классические образцы работ автора – «Монополии и политика США», «Некоронованные короли Америки», «Мистеры миллиарды», «Доллары и власть в Вашингтоне».

80 лет назад в Кейптауне родился южноафриканский писатель **Джон Максвелл Кутзее** (1940), автор книг «Сумеречная земля», «В сердце страны», «Осень в Петербурге», «Дневник плохого года», «Бесчестье». Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 2003 года и первым в истории двукратным лауреатом Букеровской премии (1983, 1999).

10 февраля – 130 лет назад в Москве родился русский поэт, прозаик **Борис Леонидович Пастернак** (1890–1960), прославившийся во многом благодаря произведению «Доктор Живаго». За своё творчество он получил множество наград, в том числе стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1958 года.

Борис Пастернак вырос в творческой семье. Его отец занимался живописью, мать играла на пианино. С ранних лет искусство и философия были основами, на которых строилась личность будущего писателя. Несмотря на то, что не сразу Пастернаку удалось определиться со своим предназначением, в будущем он уже не мыслил своего бытия без поэзии. Она являлась для него не просто отражением жизни, а чем-то гораздо большим. Писатель считал, что стихотворения впитывают Добро и Истину из реальности, обнажая и раскрывая их. Первая публикация Бориса Леонидовича состоялась в 1914 году. Сборник назывался «Близнец в тучах».

Пастернак боролся за свободу искусства, будучи уверенным, что именно в нём спасение человечества, а поэт должен иметь право голоса, возможность говорить то, что думает. Живя в сумбурную эпоху больших перемен, Пастернак не чувствовал единения с ними, ощущал внутреннюю конфронтацию, но не желал вступать в открытый конфликт, как делали некоторые его коллеги. Он был убеждён, что герой нового времени одновременно является жертвой. Это особенно хорошо отражено в поэме «Лейтенант Шмидт». Революцию и её идеи

Борис Леонидович никогда не оценивал однозначно, осуждая любые крайности. Тема человека и революции стала одной из главных в творчестве классика и имеет место во многих произведениях, написанных в стихах и прозе. Его мечта о том, чтобы отразить революционную реальность и показать жизнь России на протяжении последних сорока лет, воплотилась в легендарном «Докторе Живаго».

Ещё одной важной темой творчества Пастернака стала природа. Она выступает не в качестве объекта, а становится субъектом, отражающим переживания лирического героя. Через пейзажную лирику Борис Леонидович показывает одиночество, говорит о переменах. В ней звучит грусть от понимания конечности собственной жизни, поднимаются очень серьёзные социальные и философские проблемы.

Борис Леонидович прожил семьдесят лет и умер в 1960 году. Причиной стал рак лёгких.

14 февраля – 165 лет назад родился русский писатель **Всеволод Михайлович Гаршин** (1855–1888). Является автором ряда сборников рассказов и собраний сочинений. Известность обрёл с первым же опубликованным рассказом («Четыре дня», 1877).

17 февраля – 65 лет назад родился китайский писатель **Мо Янь** (1955), автор произведений «Сад Шэнь», «Страна вина», «Стальной ребёнок» и многих других. Мо Янь работает в жанре мистического реализма. Многие критики причисляют его творчество к «литературе поиска корней» Писатель является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 2012 года.

19 февраля – 120 лет назад в городе Урла Оманской империи родился греческий поэт **Йоргос Сеферис** (1900–1971), лауреат Нобелевской премии в области литературы 1963 года. Написал множество знаковых произведений, наибольшей популярностью из которых пользуются «Судовой журнал» (I–III), «Роман-миф», «Кихли». Считается родоначальником новых канонов в греческой поэзии.

2 марта – 220 лет назад родился русский поэт **Евгений Абрамович Баратынский** (1800–1844). Современники видели в нём талантливого поэта, однако нелёгкий, взыскательный характер и особые творческие задачи (Баратынский не ориентировался на «широкого читателя», ему было достаточно «своего») ставили его в обособленное положение и в жизни, и в литературе.

Поэт долго работал над своими стихотворениями и часто коренным образом переделывал уже опубликованные. К примеру, сравнение окончательной редакции «Эды» (1835), с первоначальной (1826) показывает последовательное стремление поэта отойти от романтической коллизии, стремление к прозаизации, к совершенной простоте. Творчество автора дошло до нашего времени в сборниках стихотворений, сочинений и писем.

5 марта – 70 лет назад в Оренбурге родился русский писатель-фантаст, филолог **Евгений Юрьевич Лукин** (1950), автор произведений «Катали мы ваше солнце», «Алая аура протопарторга», «Когда отступают ангелы», «Миссионеры».

12 марта – 95 лет назад в Стэмфорде родился американский писатель-фантаст **Гарри Гаррисон** (1925–2012). Среди культовых произведений автора «Стальная Крыса», «Запад Эдема», «Неукротимая планета», «Билл, Герой Галактики». Примечательно, что Гаррисон являлся активным сторонником языка эсперанто, который во многих своих романах использовал как язык будущего. Лауреат премии «Небьюла» и обладатель премии «Локус».

14 марта – 95 лет назад в Сток-он-Тренте родился английский писатель **Джон Уэйн** (1925–1994). Его перу принадлежат романы «Спеши вниз», «Живя настоящим», «Убей отца», «Меньшее небо» и другие.

90 лет назад в селе Орлово родился советский писатель и журналист **Василий Михайлович Песков** (1930–2013), автор книг «Записки фоторепортёра», «Шаги по росе», «Ждите нас, звёзды», «Таёжный тупик». Заслуги автора были отмечены орденом «За заслуги перед отечеством», премией «Золотое перо России» и несколькими другими значимыми наградами.

16 марта – 185 лет назад в Ленинграде родилась советская писательница **Ольга Николаевна Ларионова** (1935). Самое известное произведение автора – повесть «Чакра Кентавра». Писательница является лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита» 1987 года.

20 марта – 115 лет назад в Ростове-на-Дону родилась русская писательница и драматург **Вера Фёдоровна Панова** (1905–1973). Произведения писательницы неоднократно экранизировались, первой этой чести удостоилась повесть «Серёжа» (1960).

21 марта – 180 лет назад родился поэт **Франциск Бенедикт Богушевич** (1840–1900), основоположник критического реализма в белорусской литературе. Творчество Богушевича неразрывно связано с белорусским фольклором. Автор сборников «Дудка беларуская» и «Смык беларускі».

25 марта – 95 лет назад родилась американская писательница **Фланнери О'Коннор** (1925–1964). Вошла в литературу как один из наиболее ярких и глубоких мастеров «южной готики». Имя писательницы носит Премия Фланнери О'Коннор за короткий рассказ.

29 марта – 285 лет назад в Йене родился немецкий писатель, филолог и критик **Иоганн Карл Август Музеус** (1735–1787). В последние годы жизни был поглощён собиранием произведений народного творчества, итогом чего стало издание пятитомного сборника литературных сказок «Народные сказки немцев».

31 марта – 220 лет назад родился русский писатель **Осип Иванович Сенковский** (1800–1858), основатель первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения».

60 лет назад родился ирландский писатель-фантаст **Иен Макдональд** (1960). Стал обладателем премии «Локус» 1989 года в номинации «Лучший дебютный роман» за произведение «Дорога отчаяния», в котором прослеживаются веяния «Марсианских хроник» Брэдбери и «Ста лет одиночества» Маркеса. Предпочитает работать в жанре киберпанка.

События

2 января – Международный день научной фантастики. Праздник призван почтить любителей этого увлекательного литературного жанра и приурочен ко дню рождения писателя Айзека Азимова.

12 января – 240 лет назад (1780) в Цюрихе начала выходить газета «Цюрхер цайтунг» (ныне носит название «Нойе цюрхер цайтунг», «Новая цюрихская газета»).

13 января – 190 лет назад (1830) вышел первый номер «Литературной газеты».

Также 13 января отмечается День российской печати. Праздник приурочен к первой публикации известной газеты «Ведомости».

18 января – День толкового словаря. Приурочен к дате подписания В. И. Лениным в 1920 году указ о создании настоящего русского словаря, который через пятнадцать лет был издан Дмитрием Ушаковым.

1 февраля – День Робинзона Крузо. Именно в этот день в далёком 1709 году на одном из островов посреди Тихого океана английское судно подобрало моряка по имени Александр Селкирк. В будущем ему суждено было стать прообразом знаменитого литературного героя.

8 февраля – 115 лет назад (1905) открылись первые в России курсы для обучения журналистов, организованные профессором Леонидом Ефстафьевичем Владимировым.

9 февраля – 135 лет назад (1885) в Москве открылась первая в России бесплатная библиотека-читальня им. Ивана Сергеевича Тургенева.

10 февраля – День памяти А. С. Пушкина. Именно в этот день в городе на Неве знаменитейший русский поэт умер от раны, полученной на дуэли с Дантесом.

13 февраля – 80 лет назад (1940) Михаил Булгаков закончил роман «Мастер и Маргарита».

14 февраля – Международный день дарения книг. В этот день принято дарить книги родным и близким, жертвовать их библиотекам или благотворительным организациям, а также просто оставлять на видном месте в общественных местах. Изначально праздник призван объединить всех, кто дарит книги детям и прививает им любовь к чтению.

21 февраля – Международный день родного языка. Праздник учреждён ЮНЕСКО, отмечается с 2000 года.

27 февраля – 195 лет назад (1825) была опубликована первая глава романа Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин».

1 марта – 60 лет назад (1960) вышел в свет первый номер воскресного приложения к газете «Известия» – «Неделя».

3 марта – Всемирный день писателя. Праздник был основан Международным ПЕН-клубом в 1986 году. Цель организаторов – уменьшить давление на прессу и обеспечить свободу печати.

6 марта – 95 лет назад (1925) вышел первый номер газеты «Пионерская правда».

10 марта – 310 лет назад (1710) вышла в свет первая печатная географическая книга на русском языке, которая получила название «География, или Краткое земного круга описание».

21 марта – Всемирный день поэзии. Праздник организован по инициативе ЮНЕСКО. Соответствующее решение было принято в 1999 году.

В этот же день 140 лет назад (1880) «Письмо к учёному соседу» Антона Чехова было опубликовано в журнале «Стрекоза». Это был его дебют в печати.

25 марта – День работника культуры. Праздник организован в 2007 году по инициативе А. С. Соколова, занимавшего должность министра культуры.

Конкурсы

Международный литературный конкурс «Пролёт Фантазии»

Актуально до **20 апреля**

К участию приглашаются авторы рассказов в жанре фэнтези. Ограничений по возрасту и месту проживания нет. Объём конкурсной работы – от 7 до 40 тыс. знаков. Принимаются только ранее не публиковавшиеся тексты, написанные на русском языке.

Для победителя предусмотрен денежный приз в размере 100 долларов, а также именной памятный знак с символикой конкурса.

Подробнее: *fancon.ru*

Всероссийская литературная премия «В начале было слово»

Актуально до **25 апреля**

Премия проводится в трёх номинациях: «Поэзия», «Проза», «Литература для детей». На соискание премии от одного автора может быть представлено:

– не более десяти стихотворений в номинации «Поэзия»;

– одно или несколько произведений общим объёмом не более 25 тыс. знаков в номинации «Проза»;

– не более десяти стихотворений, либо одно или несколько прозаических произведений общим объёмом не более 25 тыс. знаков в номинации «Литература для детей».

Количество лауреатов премии определяется жюри в ходе подведения итогов премии. Лауреаты премии будут награждены дипломами, статуэтками и ценными призами, а их произведения попадут в сборник по итогам конкурса. Все авторы, приславшие свои произведения на соискание премии, получат дипломы участников.

Подробнее: *eshulepov.ru/work/gorod/literaryprize/premiya-2019*

Международный литературный конкурс им. Фёдора Достоевского

Актуально до **28 апреля**

К участию приглашаются поэты, прозаики, драматурги, пишущие на русском, украинском, казахском, белорусском, киргизском, английском, чешском, польском языках.

От автора принимается по одному произведению в номинациях:

– «Большая проза»;

– «Малая проза» (рассказы, новеллы, драматургия, эссе до 25 тыс. знаков);

– «Поэзия».

Для всех финалистов предусмотрены дипломы номинантов конкурса. Участники, занявшие III и II места в каждой из трёх категорий, получат сертификаты лауреатов соответствующей степени.

Победитель в категории «Большая проза» получит сертификат лауреата I степени и денежный приз в размере не менее 3 тыс. долларов.

Победители в категориях «Малая проза» и «Поэзия» получат сертификаты, возможность бесплатно издать сборник своих произведений и 50 экземпляров книги на руки.

Подробнее: *dostoevskij-awards.ru/usloviya*

Открытый всероссийский литературный конкурс «ЛиФФт»

Актуально до **1 мая**

«ЛиФФт» – масштабный просветительский проект, проводящийся при поддержке Литературного института им. А. М. Горького, Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина и Государственного лингвистического университета. Участниками конкурса могут быть профессиональные и непрофессиональные литераторы в двух возрастных категориях (18–35 лет и от 36 лет). Номинации:

– «Поэзия» (стихотворение в технике авангарда; стихотворение «Традиции серебряного века»; стихотворение «Разные голоса»; стихотворение «Национальная поэзия»; поэтический перевод; стихотворение для детей);

– «Проза» (малая проза; самый короткий рассказ; фантастика; детектив; драматургия; сказка; эссе; критическая статья; переводы).

– специальная номинация «75 лет Победы» (поэзия и проза).

Лауреат конкурса награждается изданием книги в серии «Золотой ЛиФФт. Писатели России»; дипломанты – изданием книги в серии «Серебряный ЛиФФт. Писатели России» на особых условиях. Работы лауреата и дипломантов войдут в антологию «Писатели современной России. Том 1».

Победители конкурса получат рекомендации для поступления в Литературный институт им. А. М. Горького. Также предусмотрены ценные подарки и сувениры от партнёров конкурса.

Всем участникам будут выданы конкурсные сертификаты.

Подробнее: ***lifft.ru/news/v-vserossijskij-literaturnyj-konkurs-lifft-2020***

Конкурс рассказов в жанрах хоррора и мистики «Чёрная весна»

Актуально до **20 мая**

Принимаются страшные и/или загадочные рассказы объёмом до 40 тыс. знаков с пробелами. Произведения на иностранных языках должны сопровождаться переводом на русский. Рассматриваются только новые (написанные в текущем году) и ранее не публиковавшиеся рассказы. Ограничений на количество работ от одного автора нет.

Десять лучших рассказов войдут в сборник по итогам конкурса и будут опубликованы на сайте «#ПишуКнигу.рф», их авторы получат дипломы победителей. Для лауреатов конкурса предусмотрены памятные призы – футболки и кружки.

Подробнее: ***clck.ru/MmCzK***

Если творить, то без ограничений

Интервью с писателем фэнтези Олегом Качаловым

Магия… как хотелось бы думать, что она существует. Как мечталось бы получить в один прекрасный миг особые способности и – чем чёрт не шутит – вдруг перенестись в чудесный мир, на просторах которого слова «невозможно» не существует. Иногда воображение так разыграется, что его уже не удержать. Оно несётся галопом к далёким горизонтам и манит невероятными обещаниями, от которых кружится голова. И запустить этот процесс помогают книги в жанре фэнтези. Такие, как романы нашего современника Олега Качалова «Чернокнижники», «Колдун из Чёрной Перчатки», цикл «Вихрь судеб».

Мы обратились к Олегу, чтобы узнать, как рождаются чудесные миры меча и магии. А может быть, существует некий портал, открывающийся для избранных и позволяющий им заглянуть за непроницаемую для других завесу между реальностью и материализованной фантазией?

– Олег, какое место литература занимает в Вашей жизни?

– Полагаю, что большое, так как в свободное время я предпочитаю заниматься именно литературой. Это касается не только написания книг, но и их чтения или прослушивания. Когда куда-то иду, я стараюсь слушать аудиокниги, а если чего-то жду, то читаю текстовые варианты. Мне кажется, чтобы интересно писать, необходимо знакомиться с работами других авторов.

– Можете ли Вы назвать себя профессиональным писателем? И кто такой профессиональный писатель в контексте современного мира?

– Это хороший вопрос! Могу ли я считаться профессиональным писателем или нет? Честно говоря, я сам себе его иногда задаю. Впрочем, почему бы так себя не назвать? Если книги регулярно выходят, а люди их читают, думаю, этого достаточно, чтобы называться писателем. В любом случае, называться им или нет, лично я решаю по погоде. Когда холодно, называюсь. Когда жарко, тоже называюсь. Ну, а когда дождь… то тоже называюсь *(улыбается)*.

Говоря о современном обществе, отнести человека к писателям можно по многим критериям: маркировка на книге, свидетельствующая об авторских правах, или же популярность автора, произведения которого читает большое количество людей. Однако лучше я дам более романтичный ответ. Профессиональный писатель, как и в прошлом, так и в наши дни, – это тот, кто создаёт качественный продукт. Книги которого не содержат сюжетных дыр, где события развиваются динамично, а герои не являются кальками с других произведений, при этом за ними интересно наблюдать, а их мотивы понятны не только писателю, но и читателю.

– Расскажите об эмоциях, которые Вы испытываете, когда выходит новая книга. Притупляются ли они со временем?

– Это всегда событие и праздник! На самом деле, держа в руках уже созданное произведение, я чувствую большую радость и благодарность к тем, кто также работал над ней. Ведь помимо писателя над книгой трудятся и другие люди, остающиеся, так сказать, за кадром.

– Все Ваши романы – в жанре фэнтези. Чем обусловлен этот выбор?

– Жанр фэнтези имеет меньше всего ограничений. Когда я пишу книгу, я обычно сосредоточиваюсь на характерах персонажей и ярких событиях, а мир создаётся уже под них, его правила подстраиваются так, чтобы удивлять и будоражить воображение читателя. События в фэнтези удобнее описывать, чем реальные, так как только в этом жанре автор является творцом не только истории, характеров и каких-то фактов, но и целого мира, его правил, традиций, народов, да что там говорить, он и только он решает, по каким законам мир будет существовать, какие создания будут его населять. Это даёт куда больше инструментов для выстраивания повествования, создания интриги и экшна.

В фэнтези такие вещи, как грабежи, убийства, быстрые исцеления, а иногда даже и воскрешения, – обычное дело, в то время как в рамках других жанров многие из этих явлений станут излишне утяжелять книгу – разрешить или объяснить их будет либо сложно, либо скучно. Например, если в битве герой ломает руку, то в фэнтези он глотнёт нужного зелья, восстановится и пойдёт дальше убивать драконов. Однако если мы отметаем магию, то герою, по-хорошему, надо бы в больницу, и ни о какой следующей битве речи быть не может. Если в реальной жизни герой убил злостного врага, покушавшегося на его жизнь, тот тут же к нему в гости пожалует полиция. И где же тогда приключения, если в жизнь героя вечно будут впутываться правоохранительные органы, а с переломами он будет лежать в больнице месяцами?! Хотя некоторые наши книги и фильмы на эту тему очень напоминают фэнтези…

Таким образам, в данном жанре я, как автор, ограничен разве что своей фантазией. Не имея оков в виде законов физики или устоев общества, я могу создавать любые новые миры. А самое главное, что эти миры создаются под персонажей, события и истории. Другими словами, мне проще удивить читателя, совершить нечто, чего он не ожидает.

– Какие инструменты используются для создания образа героя? Быть может, у писателей, работающих в жанре фэнтези, есть какой-то особый набор?

– На мой взгляд, любая художественная книга рассказывает некую историю. Автор рисует её разными красками. Где-то он использует несправедливое отношение к главному герою. Где-то автор лениво подталкивает героя совершить поступок, после которого читатель точно к нему проникнется и будет за него болеть до конца произведения (например, герой может спасти ребёнка. Это очень часто используется, особенно в начале книги, чтобы продемонстрировать, какой он хороший, добрый и отзывчивый. Вот все стоят, а он ринулся спасать, так как ему больше всех надо!). К чему я это? Да к тому, что, хотя подобные приёмы и легко обнаружить, пока они цепляют людей и работают, ими стоит пользоваться. В разных жанрах свои инструменты, но в фэнтези этот арсенал самый большой.

– Вы пробовали себя в других литературных направлениях или, быть может, планируете это сделать? Какие ещё жанры потенциально могли бы Вас привлечь как автора?

– Я пробовал написать детектив в жанре фэнтези. Но он не особо удался. Мне было жутко скучно придумывать улики и то, как детектив их разыскивает. Куда интереснее было показать тот мир и то, как герои друг с другом взаимодействуют. Поэтому в итоге я решил забросить детективы и никогда к ним не возвращаться (хотя кто знает, мне в голову часто приходят интересные идеи для книг в данном жанре). Вероятно, чтобы писать детективы, нужно иметь какой-то уникальный ход мышления.

Планирую немножечко изучить хоррор, чтобы добавлять его в нужных местах в свои произведения. Мне очень интересны механизмы, благодаря которым мастера этого жанра умудряются нагнетать обстановку. То, как у них получается создать такое напряжение, что его можно уже ножом резать, хотя при этом на страницах книги, по сути, ничего не произошло, очень впечатляет. Мастера комедий и хорроров вызывают у меня самое большое уважение. Трагедию написать, как по мне, проще – там все механизмы понятны. А вот создавать напряжение или не переставая смешить читателя – это я считаю даром небес!

Если к комедии я не знаю, как подступиться, то в хорроре более или менее что-то понимаю. Однако писать чистый хоррор навряд ли когда-нибудь буду.

Мне кажется, каждая книга – это небольшой эксперимент. А проводить эксперименты с фэнтези можно бесконечно, поэтому не вижу смысла для себя перебираться в другой жанр, разве только вдохновляться ими, дабы привнести что-то новое.

– А что насчёт фантастики? Этот жанр во многом близок к фэнтези. Насколько он Вам интересен?

– Я сразу поясню, что разница между этими жанрами в том, что фэнтези использует мифические и сказочные элементы, жанр ограничен правилами, которые создал автор. Что до фантастики, то она основывается на реальной науке. Если какая-то технология в теории возможна, то её можно использовать в фантастике. Конечно же, это тоже очень интересный жанр. Но с ним намного сложнее работать. Необходимо хорошо разбираться в разных областях науки и постоянно учитывать всевозможные факторы (если, конечно, автор хочет написать шедевр, в чему, как я полагаю, любой из нас стремится). В итоге: хотя фантастика и интересное направление, для меня

оно неоправданно сложное! Но, упоминая о фантастике, нельзя не затронуть жанр космооперы. Фактически это жанр, который прикидывается фантастикой, но в угоду зрелищности и интриге не соблюдает всех правил нашего мира (например, звуки взрывов или выстрелов в космосе). Этот жанр, безусловно, ещё более увлекателен. Хоть я и тяготею больше к магии и мечу, чем к бластерам и космическим кораблям, и пока что планирую продолжать экспериментировать с классическим фэнтези, космоопера кажется мне перспективным и интересным направлением. Хотелось бы однажды попробовать свои силы в нём.

– Как долго длится работа над одной книгой?

– Важно понимать, что значат слова «работа над одной книгой». Если имеется в виду простое написание произведения, то это, разумеется, более быстрый процесс, чем если подразумевать работу, предшествующую выходу книги в печать. Многое я пишу не для печати, а скорее в качестве эксперимента, дабы опробовать новую идею, новый сюжет, стиль подачи. Точнее, я все произведения пишу подобным образом. Одни в итоге оказываются достойными печати, и их я отшлифовываю до блеска, а другие так и остаются только в памяти ноутбука. Однако работа над ними всё равно позволяет мне узнать что-то новое, чем я потом смогу пользоваться. Если говорить о разнице между простым написанием и работой для печати, со всеми шлифовками, то в первом случае процесс в среднем занимает месяцев пять-шесть, а во втором – год или чуть больше.

Но, вообще, нельзя грести под одну гребёнку. У меня была книга, которая написалась за три месяца, а была такая, над которой я работал почти год. Конечно, помимо объёма, они различаются и качеством… Первая, по сути, была лишь пробой пера, в то время как вторая, полагаю, обязана увидеть свет.

– Из каких этапов складывается рабочий процесс?

– У каждой книги всё по-своему. Но если бы я разбирал по пунктам, то сделал бы это так:

1. Появление идеи (обычно появляется несколько идей, которые никак друг другом не связаны).

2. Соединение разрозненных идей в единый сюжет. Лишь объединив всё и решив, кто будет главным героем, что он станет делать, чем книга принципиально отличается от других, а также закидав в сюжет выжимку из уже отвергнутых идей, я и выплавляю единую историю.

3. Доставание окружающих пересказом краткого сюжета для новой книги. Здесь я ожидаю критику и уточнения, чтобы найти несостыковки, а также всегда спрашиваю, насколько идея нравится. Так как идей для новых книг всегда очень-очень много, а написание книги может занять уйму времени, мне приходится отбрасывать иногда даже очень хорошие идеи – ради превосходных *(улыбается)*.

4. Написание пролога и первой главы – самый трудный этап, на котором у меня как-то подряд умерло четыре произведения. Каждый раз идея казалась захватывающей, но у меня не получалось начать её воплощать. Либо начало слишком затягивалось, либо просто больше не цепляло.

5. Основные 80 % произведения. Это самый лёгкий и приятный, медитативный этап в написании.

6. Последние главы книги – тоже очень тяжёлый этап, как и начало. Обычно я уже знаю, чем всё кончится, кто победит, кто проиграет, кто поженится и будут ли у них дети, и… Да мне уже это и не особо интересно, а в голове крутится много новых идей! Однако приходится, сжав зубы, всё заканчивать. И от того, что книга подходит к концу, всегда как-то грустно. Не говоря уже о ситуации, когда это цикл книг.

7. И вот произведение готово. Теперь с ним надо что-то делать. Либо я его забрасываю и приступаю к новому, либо отшлифовываю его до идеального состояния. А всё для того, чтобы отправить окончательный вариант издательству и дожидаться решения.

– Есть ли у Вас особые писательские ритуалы, которые помогают призвать вдохновение?

– Хм… У меня есть целый список ритуалов:

1. Я стараюсь выспаться перед тем, как браться за книгу (иначе можно просто уснуть).

2. Я пишу в кровати, правда, она у меня трансформируется в удобное кресло-ложе, так проще получить вдохновение.

3. Стараюсь писать каждый день (это уже стало привычкой и частью моей жизни).

4. Я стараюсь читать или слушать хоть что-нибудь, созданное другими авторами, каждый день, дабы постоянно чему-то учиться и самосовершенствоваться.

5. В свободное время обдумываю в деталях сюжет или баталии из книг.

– Можете представить кого-то из своих героев без всех их сверхъестественных способностей, живущих в реальном мире? Кто мог бы вписаться в обыденную действительность? Давайте пофантазируем, как сложилась бы его судьба здесь и сейчас, окажись он попаданцем, но не с Земли в мир меча и магии, а наоборот.

– О! Вот это действительно классный вопрос! Если хорошенько подумать, то многие персонажи могли бы прижиться в нашем мире, но добиться в нём успеха и почувствовать себя полноценными могли бы немногие. Так почему бы не разобрать персонажей по книжным вселенным? Думаю, это будет интересно.

Возьмём для начала мир «Вихря судеб». Тут, я думаю, сложнее всего пришлось бы Элюцию, другим башенникам и вообще магам, которые привыкли жить за счёт своего дара. Честно говоря, я не уверен, что они в принципе смогли бы выжить в мире без этих способностей.

Что до других персонажей, то они, по сути, обычные люди. Пусть у них и не было бы представлений о гаджетах и технологиях, но они смогли бы быстро адаптироваться.

Гелеантропий мог бы стать популярным ютуб-блогером. Он умеет привлекать внимание людей, и нравится им.

Дэйман, вероятно, мог бы быть чуток отброшен в качестве проектировщика кораблей, а его навыки фехтования были бы неактуальны в нашем мире, но он всё ещё оставался бы гениальным архитектором наподобие Гауди. Уверен, он бы смог прославиться и заработать себе на жизнь именно с помощью этой профессии, а затем, подучив кораблестроение, лет через двадцать, может, тридцать (ему пришлось бы изучать электронику, так что это непросто) после попадания в наш мир он бы создал новые невероятные виды кораблей.

Ужасающими персонажами для нашего мира стали бы Иоанн и Арин. Для начала, наша действительность – просто идеальная площадка для такого манипулятора как Иоганн. Он проворачивал бы такие пирамиды, такие махинации, что земля содрогнулась бы от этого. Интернет бы этот хитрец использовал на полную, как и остальную часть масс-медиа. Возможно, он бы и не стал президентом какой-нибудь страны, но что управлял бы как минимум несколькими государствами через марионеточные правительства – это точно! Что до Арин, то вначале она бы себя мало проявляла. По большей части эта девчушка бы только и делала, что читала и познавала мир, однако лет через двадцать она бы потрясла все научные сообщества. А затем эти потрясения посыпались бы на них, словно капли воды во время затяжного ливня. Лишь Арин и Иоганн

по-настоящему могли бы подмять под себя нашу вселенную, вместо того чтобы бесконечно приспосабливаться под существующие реалии. Даже более того: здесь они были куда могущественнее и успешнее, чем в мире меча и магии.

Теперь возьмём роман «Колдун из Чёрной Перчатки». Ситуация с наставником главного героя, Эрис, очень неоднозначная. С одной стороны, она высокомерна, амбициозна, полагается на магию. С другой стороны, она умна, хитра и изворотлива. В нашем мире она и без магии могла бы пробиться далеко, если б на какое-то время смогла подавить в себе высокомерие. А удалось бы ей это или нет, зависит от обстоятельств. Так что она либо будет жить как кто-то значимый и важный, либо не сможет выжить вообще. Что до главного героя, Тейлора из семьи Моров, то он однозначно сможет приспособится к жизни, но не факт, что многого достигнет. Думаю, более вероятно то, что он останется рядовым членом общества, если, конечно, по стечению обстоятельств у него не появится шанс забраться повыше.

Говорить о мире «Чернокнижников» в приложении к реальности намного проще, так как там магический мир и наш связаны между собой. Вероятно, каждый из четырёх главных героев смог бы спокойно и комфортно жить. Алиса – спортсмен и в этом качестве уже выигрывала соревнования по биатлону. Андрюша имеет пытливый ум. С его любовью к книгам он мог бы стать библиотекарем, хотя, возможно, предпочёл бы заниматься наукой. Эдик имеет свои увлечения: байки, драки, спорт. Он бы смог заниматься любимыми вещами. А Пётр… Этот стопроцентно пошёл бы в политики.

– В какой последовательности Вы бы рекомендовали читателям знакомиться с Вашим творчеством?

– В любом, за одним исключением. Во вселенной «Вихря судеб» лучше в начале прочесть книги «Кровавый клинок» и «Кровавое солнце с семью лучами», а только потом читать третью, ещё только готовящуюся книгу, так как в ней события будут происходить в будущем. Два других романа цикла можно читать в любом порядке, так как действия в них происходят параллельно. При этом обе книги друг друга дополняют.

– Как вы считаете, существует ли магия в реальности или, может быть, есть какие-то параллельные миры, где сюжеты Ваших книг могли бы звучать в новостях? Есть ли способ найти сверхъестественное обычному человеку?

– Я бы хотел, чтобы она существовала. По крайне мере, это сделало бы мир интереснее. Впрочем, мне кажется, большинство людей не отказались бы от появления нашем мире магии! Ну а по факту… возможно, где-то в параллельных вселенных что-то и есть. Но лично я по жизни старюсь придерживаться подхода «пока не доказано, не существует». В нашем мире магией можно наслаждаться только в книгах, фильмах и мечтах.

– Тогда остаётся поблагодарить Вас за то, что дарите мечты своим читателям и расширяете границы их фантазий.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

В мире детства и зимней сказки – в гостях у Натальи Шараповой

Новогодние праздники остались в прошлом. Только тёплые воспоминания сохранились о недавнем волшебстве да добрые книги, читая которые, дети и их родители в любое время года могут погрузиться в особую атмосферу, полную чудес и приключений. К ним относится сказка Натальи Шараповой «Приключения Морковкина, удивительные и невероятные…». Страницы несут добро, совмещают познавательное и развлекательное, рассказывают о дружбе и отвлекают ребят от гаджетов, наглядно показывая, как замечательно всем вместе выйти во двор и посвятить время весёлым забавам.

Мы решили узнать, кто такой Морковкин, чем он отличается от других персонажей известных сказок, как появился на свет и чему может научить мальчишек и девчонок. А началась беседа с обсуждения того, кто такой писатель. Возможно, чтобы создать сказку, автор и сам должен оставаться ребёнком, хотя бы в душе? Послушаем, что по этому поводу думает человек, подаривший миру немало волшебных историй в стихах и прозе!

– Наталья, что Вам кажется наиболее привлекательным в писательстве?

– Никогда не задумывалась над таким вопросом. Наверное, возможность создать что-то необыкновенное… чего ещё нет. А если попросту, когда в голову приходит занимательный сюжет, хочется так написать, чтобы это было и захватывающе, и красиво, и неожиданно, и… в общем, чтобы оторвать ребёнка от книги было невозможно. А кроме того, и я в процессе написания чему-то учусь и приобретаю некий навык, опыт. В общем, это увлекательно, интересно и просто здорово!

– Правда ли, что детский писатель и сам должен немного быть ребёнком? Как считаете, Вам удалось сохранить в душе частичку детства? В чём это проявляется в Вашей повседневной жизни?

– Думаю, каждый человек в душе ребёнок! А уж детский писатель и подавно.

Я, например, до сих пор радуюсь восходящему солнышку и частенько,

стоя на крыльце, кричу: «Доброе утро, солнышко!» Бывая на море, рассказываю ему, какое оно необыкновенное, а плыть по солнечной или лунной искрящейся дорожке – это просто волшебно! Я могу пуститься с детворой наперегонки или забраться на какое-нибудь раскидистое дерево, огромный камень или скалу. Восхищаюсь каждый раз, наблюдая, как преображается природа ранней весной, бегаю за снежинкой (на юге это редкость), чтобы сфотографировать эту красавицу. Впрочем, наверное, это все делают.

– Ваши сказки для малышей всегда волшебные. Но волшебство в книге и волшебство в жизни – по определению разные вещи. Приведите примеры волшебства в обыденной реальности. Можем ли мы сами стать волшебниками и творить его собственными руками?

– Конечно, можем! Каждый может стать волшебником! Ведь волшебство – это труд. Мы с восхищением смотрим на фокусника и говорим: «Он волшебник! Один взмах руки, и…» И никто не задумывается, что за этим волшебством стоит огромная работа. А если разобрать все движения его рук, волшебство исчезнет. И таких примеров можно привести очень много.

– Какие эмоции Вы испытываете, когда пишете новую историю? Есть ли какие-то негативные моменты, или всё исключительно интересно, весело и приятно?

– Обычно история так захватывает, что больше ни на что не обращаешь внимания и ни о чём не думаешь. Ведь в это время я вместе с героями попадаю в какую-нибудь историю, из которой порой выбраться не так-то просто. И нужно придумать интересный, увлекательный, поучительный и… достойный выход. Правда, бывает, что на самом интересном моменте кто-нибудь отвлекает неподходящими вопросами или просьбами… обычно это так некстати. Но приходится возвращаться в реальность… Пожалуй, это самый негативный момент. А в остальном это удовольствие.

– Ваша новая книга называется «Приключения Морковкина, удивительные и невероятные…». Кто такой Морковкин и чем он отличается от героев других детских книг? Есть ли какие-то особенности, по которым малыш тут же узнает его и скажет: «Точно! Это тот самый Морковкин, я сразу понял»?

– Морковкин – это снеговик, которого слепили ребята, как только выпал первый снег. Но, несмотря на то, что он сделан всего лишь из снега, это очень добрый, умный и надёжный друг, готовый прийти на помощь в любую минуту. От других персонажей, безусловно, отличается тем, что умеет не только ходить и разговаривать, но и сочинять весёлые песенки, находить выход, казалось бы, из безвыходных ситуаций, ценить красоту, а также внимание и заботу других. Увидев снеговика с ярко-красным ведром-шляпой на голове, в модной курточке на двух пуговицах, с пушистым синим шарфом на шее, с обаятельной улыбкой до ушей и выразительными глазами-пуговицами, каждый скажет: «Да это же тот самый Морковкин!» Так было со мной, когда моя подруга Юлия Сахно связала мне в подарок снеговика. Первое, что я сказала, взглянув на него: «Да это же сам Морковкин!» *(Улыбается.)*

– Как родилась идея написания книги?

– Как обычно, идею подсказали внуки. Когда выпал снег, они около дома слепили снеговика. Да такого красивого!.. Умные глаза, смешной нос-морковка, ярко-красная шляпа-ведро, счастливая улыбка до ушей… Они прислали мне фото, подписав: «Это наш Морковкин». И меня так вдохновил этот снеговик!.. И как-то сразу возник сюжет. Открою секрет: мои внуки с недавних пор как-то стали сомневаться в существовании Деда Мороза и в том, что подарки под ёлочкой оставляет именно он. Я мгновенно загорелась идеей написать сказку и несколько дней не выходила из-за компьютера. И вот… Ситуация исправлена! Морковкин ожил!.. Разве это не волшебство?

– Согласны ли Вы с утверждением, что сказка обязательно должна быть поучительной? Чему ребята могут научиться на примере Вашего героя и его друзей? Насколько эти качества пригодятся им в реальности?

– Сказка обязательно должна быть поучительной. Все мы помним, как в детстве нам читали сказки, как мы сопереживали героям. Но о том, какой должна быть сказка, мы начинаем задумываться, только когда выбираем, что же прочитать ребёнку. И нам хочется, чтобы сказка была не просто интересной, но ещё и донесла до ребёнка, что добро всегда побеждает злые силы, хорошие поступки всегда приносят пользу, что ребёнок и сам может побороть свои страхи и стать таким же, как герой сказки – смелым и находчивым. Вот и мой герой, Снеговик Морковкин, отправляется вслед за мальчиками в лес, понимая, какое опасное путешествие они задумали. И, конечно же, в трудные минуты приходит им на помощь: вызволяет из плена, помогает убежать от Бабы-яги, спасает от Змея Горыныча. Своими поступками он учит дружбе, смелости, взаимовыручке. А такие качества в жизни ещё никогда не были лишними.

– А что насчёт развлекательного компонента: из каких составляющих он складывается в новой книге?

– О! Развлечений множество! Вместо гаджетов и телефонов можно вместе с героями выйти на улицу и слепить Морковкина или построить снежную крепость, подготовить к приходу Деда Мороза необыкновенный номер, и чтобы непременно он был самым интересным, самым запоминающимся, самым-самым… а ещё можно написать письмо Деду Морозу и рассказать, какие добрые дела были сделаны, какой подарок хотелось бы от него получить (листочек для письма и конверт прилагается к книге), а кроме того, вместе с героями можно отправиться в поход навстречу приключениям и получить массу удовольствия от прочтения книги и многочисленных чудесных иллюстраций Алисы Дьяченко – не перестаю восхищаться её рисунками!

– Есть ли какой-то секрет, раскрыв который, писатель сумеет добиться гармонии между развлекательным и поучительным?

– Я думаю, секрета никакого нет, всего должно быть в меру. В меру развлекательного, в меру поучительного, и тогда книга станет самой любимой.

– Может ли история Морковкина получить продолжение? Возможно, следующей зимой добрый снеговик переживёт новые приключения? Или это совершенно исключено?

– Сегодня для меня это лёгкий вопрос *(улыбается)*. Ответ на него мне подсказал внук. Сказать честно, я совершенно не задумывалась над продолжением истории. Но на Новый год я по традиции отправилась в гости к внукам. 31-го декабря ко мне подбежал Макарка и с округлёнными глазами протараторил: «Бабушка, мама слышала, передали по телевизору, что обоз Деда Мороза перевернулся, и теперь подарки придут с опозданием. Как ты думаешь, мой щит, о котором я просил, тоже в этом обозе?» В тот самый миг я поняла, что продолжение или самостоятельная сказка с участием Морковкина, скорее всего, будет!..

– Это дарит надежду на продолжение волшебства, а его так хочется! И вовсе не только в новогодние праздники.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Истоки фэнтези, или Где искать корни новой книги Наталии Мосиной

Выход книги – подарок для автора. Сколько ни готовься к этому событию, всё равно в день официального рождения новой литературной вселенной писатель испытывает ни с чем не сравнимые ощущения. Но что же происходит до этого? О том, как проходит работа над рукописью, откуда берут свои корни идеи и каким образом воплощаются на страницах, расскажет Наталия Мосина, автор нового произведения «Любовь на просторах Вселенной».

Фэнтезийная повесть стала не первой в копилке писательницы. На её счету такие книги, как «Волшебные истории дедушки Георгия», «Не так давно», «Тётя Катя», «Православные истории», «Рассказы», «Мяч», «Сказочное Васино солнышко», «Беличья шубка», «Олины чудеса», «Сказки для Наденьки», «Как Катенька и Машенька в сказку ходили».

Итак, готовы узнать, как рождаются фэнтезийные миры и какие тайны хранят их создатели?

– Наталия, поздравляю с выходом книги. Как долго шла работа над «Любовью на просторах Вселенной» от момента появления идеи и до выхода в тираж?

– Спасибо за поздравление! Книгу «Любовь на просторах Вселенной» я писала около года. Всё это время велась работа над рукописью. Спустя несколько месяцев я отправила её в издательство по программе «Новые имена». Мне было предложено доработать материал, что я и сделала.

– Ваша книга написана в жанре фэнтези. Насколько мне известно, раньше Вы не работали в этом направлении. Есть ли на страницах отголоски реальных событий, возможно, из Вашей жизни? Или вся история от и до – вымышленная?

– Романтическое фэнтези, действительно, – новый для меня жанр, но… возможно, удивит то, что я могла бы написать эту книгу в ранней молодости. В детстве я обожала фильмы про индейцев, которые также любила моя мама. Часто по выходным мы ходили с ней в кино. Фенимор Купер стал одним из интересных для меня авторов, а Гойко Митич, прекрасно игравший главных героев в этих фильмах, – одним из любимых актёров. Что касается мотоциклов (правда, не летающих) и светловолосых мускулистых красивых мужчин – всё это привлекало меня, особенно в те времена. Прибалтика до сих пор остаётся одним из любимых мест отдыха. Я там была несколько раз именно в молодости, и на душе остались очень яркие впечатления. Так что да, кое-что из моей реальности попало на страницы.

– Как родилась идея создания повести?

– Наверное, мне захотелось поговорить о любви. О самом чистом в ней. И тогда я стала вспоминать то, что было в юности…

– Есть ли прототипы у героев? Возможно, какие-то качества характера роднят Вас с Рэйен?

– Наверное, у меня двадцатилетней было много общего с Рэйен. Очень хотелось настоящей, верной любви. И она была. К сожалению, парень, бывший моей первой любовью, немного не дожил до 25 лет. Он погиб, спасая других ценой собственной жизни. Но не на войне. Конечно, это оставило глубокий след в моей памяти.

– Можно ли сказать, что Актомвер – Ваш идеал мужчины? Какие качества Вы цените особенно в представителях сильной половины человечества?

– Актомвер во многом является идеалом мужчины моей молодости. Я до сих пор считаю, что мужчина должен быть сильным. Возможно, Актомверу не хватает доброты и мягкости. Но мне симпатичен этот персонаж.

– Что такое любовь? Как бы вы описали это чувство?

– Без любви жизнь мне представляется бессмысленной. Любовь – это когда ты чувствуешь другого человека даже на расстоянии, почти как самого себя. Любовь в долгом браке видоизменяется. И если не рушится через два-три года, часто остаётся на всю жизнь. Дети и внуки скрепляют это чувство.

– Во время чтения книги создаётся впечатление, что огневики – это наше будущее. Так ли это? Есть ли шанс не ухнуть в пропасть, которая сгубила этот народ?

– Я не считаю, что огневики – это наше будущее. Во всяком случае, мне бы этого не хотелось. Возможно, огневики – это предостережение. И надежда на лучший исход. Потому что один-то из них смог стать опять человеком. И помогла ему в этом именно любовь.

– Верите ли Вы в существование множества других миров? Или многомирье есть только на страницах Вашей книги, но не в Вашей персональной картине мира?

– Во множество миров я не верю, но вижу, что и в окружающей нас действительности многие люди живут настолько по-разному, что создаётся впечатление, будто они из разных миров. Поэтому в моих фантазиях – несколько планет…

– В чём, как Вы считаете, главная ценность книги «Любовь на просторах Вселенной»?

– Главная ценность этой книги в том, что в ней воплотились лучшие девичьи мечты автора, никак не противоречие тому, что может происходить между людьми. Хочется, чтобы люди любили друг друга! Приходили на помощь, спасали… и выживали благодаря этой любви.

– Книга была выпущена по программе «Новые имена». В чём преимущество этой программы с точки зрения автора?

– Программа «Новые имена» мне нравится в первую очередь тем, что можно получить рецензию на книгу. Очень важно узнать мнение профессионала. И, если надо, произвести работу над ошибками. Есть возможность получения издательского гранта. И это здорово!

– Очень хорошо, что сегодня есть авторы, которые действительно готовы делиться личными переживаниями даже в развлекательных жанрах, а также серьёзно и вдумчиво работать над своими произведениями рука об руку с профессионалами.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Концепт «семья» в романе Катерины Калюжной «Тайны тёмной цитадели»

Понятие «семья» является одним из базовых, концептуально значимых понятий в культуре русского народа. Вся многовековая история его развития утверждает идею ценности семьи как основы нравственных и духовных сил человека. Эта идея запечатлена в фольклоре («Человек без семьи что дерево без плодов», «Семьёй дорожить – счастливым быть» и др.), в древнерусской литературе (в образах Петра и Февронии Муромских, Ярославны и Игоря), в произведениях русских поэтов и писателей (достаточно вспомнить «мысль семейную» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»).

Слово «семья» в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова определяется следующим образом: «1. Группа живущих вместе близких родственников. 2. *перен.* Объединение людей, сплочённых общими интересами». В первичном номинативном значении слова подчёркиваются семы родства, множества и совместности, что соотносится с традиционным представлением о семье, где люди, объединённые родственными связями, живут под одной крышей. В русском языке насчитывается около пятидесяти названий близкого и дальнего родства. Синонимами к слову «семья» в этом значении выступают «род», «дом», «фамилия» и др. Во вторичном производном значении (переносном, метафорическом) на первый план выходит сема общих интересов, при этом семы множества и совместности сохраняются. Названия участников «семьи» в этом смысле жёстко не регулируются, хотя иерархия часто устанавливается. Синонимами являются слова «коллектив», «группа», «сообщество», «компания», «команда».

Рассмотрим, как реализуется концепт «семья» в романе «Тайны тёмной цитадели» талантливой современной писательницы Катерины Калюжной. В произведении читатель знакомится с историей нескольких семей: Линды (Лиды) и её брата Макара, Алины, Антона, Стаса, Лизы и др. Семья даёт им главное – ощущение заботы, любви, защищенности; понимание полноты жизни. Потеря семьи, разрыв с близкими болезненно переживается героями. Вспомним эмоции маленькой Лиды, которая осталась без любимого брата и его поддержки; или чувства Стаса, волею судьбы дважды ставшего вдовцом и потерявшего

детей; или страдания Антона, косвенно явившегося причиной гибели (пленения) брата-близнеца, который оказался в руках Сантьяго; или воспоминания Сони о жизни с родителями в замке тёмного мага. Но особенно пронзительно и полно идея семьи звучит в мучительных размышлениях Олега-вампира с самим собой, в желании вспомнить прошлое и обрести покой: «Он мечтал выяснить, была ли у него семья: жена, девушка, братья, сестры, мать, отец, дети…» Примечательно, что в этой фразе писательница даёт современное понимание слова «семья»: как известно, в традиционном представлении «девушка» не является членом семьи. Но поскольку в современном обществе распространён так называемый «гражданский» брак, то «девушка» («возлюбленная») воспринимается как член семьи.

В целом тематическое поле «семья» в романе представлено лексемами «мать», «отец», «дочь», «сын», «брат», «сестра», «жена», «муж», «супруг», «супруга», «девушка» («возлюбленная», «любимая»), «парень» («возлюбленный», «любимый»), «сноха», «тётя», «дядя», «племянник», «внучатый племянник», «бабушка», «дедушка», «внук» и некоторыми другими. При этом вертикаль семьи показана в основном уровнем «родители – дети» (вертикаль «дедушка (бабушка) – внук (внучка)» представлена скупо, что объясняется, вероятно, продолжительной молодостью героев), а горизонтальный уровень представлен отношениями «муж – жена» (расширение его иногда происходит за счёт включения лексем «брат», «сестра», однако оно является нерегулярным). Таким образом, определяется ядро семьи в романе: это семейная пара, являющаяся мужем и женой по отношению друг к другу, и дети этой пары.

Герои К. Калюжной проходят испытание семьёй. Их поступки, мысли оцениваются через отношение к родным людям. Так, Аким, брат Лиды, остался чужим ей, потому что она не видела от него любви и тепла. А братья-близнецы Антон и Максим с самого детства ясно понимали, что они должны поддерживать друг друга, причём каждый готов рисковать своей жизнью и счастьем ради жизни и счастья брата. И Алина постоянно заботится о родителях, помогает им, старается оградить от переживаний, что особенно ярко проявляется в финале романа.

Герои проходят проверку и умением строить собственную семью. Главные персонажи книги – Стас, Лиза, Алина – способны в сложных обстоятельствах, даже потеряв любимых, вновь и вновь находить в себе душевные силы, жизненные ресурсы, чтобы открыть своё сердце новой любви и создать семью.

Интересно, что связь героев с семьёй родительской, воспитавшей их, иногда оказывается сильнее, чем связь с собственной, созданной ими семьёй. Тёплое отношение Макара к сестре заставляет его предать тёмного мага, именно за Лиду переживает он, когда решается сбежать из дома. Дети же Макара (шесть дочерей Аглаи и пять детей Лейлы) так и остались ему чужими, так как они выросли без его участия и любви. Чтобы не доставить душевной боли брату, Антон готов отказаться от любимой, потому что уважает его чувства и не может позволить ему страдать.

Таким образом, семья – это не просто люди, создающие её ядро. Ассоциативный ряд, который выстраивает К. Калюжная, включает понятия «любовь», «жизнь», «забота», «тепло», «помощь», «поддержка», «счастье», «дом», «ответственность», «отношения».

В романе «Тайны тёмной цитадели» концепт «семья» реализуется и через переносное значение слова. Семья – это коалиция «светлых», которую возглавляет могущественный маг Линда.

Тематическую группу слова в этом значении образуют лексемы «коалиция», «подразделение», «группа», «глава», «подчинённый», «защитник», «воитель», «воин», «львы», «демоны мрака», «стрелы», «сокрытые», «коты», «летучие». Слово «семья» в этом понимании имеет иерархичес-

кую организацию (вертикальный уровень) не на основе семы «возраст» (как у лексемы «семья» в первичном номинативном значении), а на основе семы «власть», «сила», «могущество». Заметим также, что горизонтальный уровень этого понятия дан более масштабно, представлен включением широкого круга членов «семьи».

Отношения внутри такого коллектива дружеские, приятельские. Каждый понимает своё место в системе и чётко следует установленным правилам. Индикатором состояния воителей, отношений внутри группы является нить, связывающая членов группы друг с другом, и каждый может чувствовать состояние другого даже на большом расстоянии.

Линда также чувствует любого из своей коалиции и, подобно матери, проявляет заботу, придумывая и создавая новые и новые защитные артефакты.

Ассоциативный ряд лексемы «семья» в переносном значении включает понятия «сплочённость», «дружба», «сообщество», «обязанность», «взаимопонимание», «взаимопомощь», «связь», «союз».

Таким образом, концепт «семья» в романе К. Калюжной реализуется на уровне «микросемьи» и «макросемьи». Писательница напоминает о значимости этого понятия и подчёркивает важную мысль: истинная любовь, настоящая дружба, семейные связи сильнее магии, страха наказания, страха смерти и даже самой смерти.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Жанровое своеобразие романа Софии Эззиати «Дневник революции»

Роман «Дневник революции» талантливой писательницы Софии Эззиати вышел в свет в 2017 году. Книга сразу привлекла внимание читателей необычным сюжетом, особым слогом, идейно-композиционным, тематическим и жанровым своеобразием. В произведении причудливо соединились, тесно переплетясь друг с другом, признаки нескольких жанров: антиутопии, фэнтези и классического романа.

Как известно, антиутопия – это жанр, в котором представлен пессимистический взгляд на будущее. В книге Софии Эззиати уже в самом названии – «Дневник революции» – подчёркнута идея хаоса, бунта, противостояния. Роман показывает страшное будущее, в котором человек оказывается лишённым наиболее значимых, концептуальных для него ценностей: дома, семьи, любви, свободы, дружбы. Жизнь его подчинена воле «Единого Ока» («ЕО»). Это с горечью осознают главные герои – Сольвейг и Аск: «“Единое Око” лишает нас этого мира. Лишает нас жизни». Мощная система подавляет любое проявление свободы – и политической (принцепс не избирается, как прежде, а назначается, причём на неограниченный срок), и социальной (человек не имеет права быть собой). Но самое страшное – «ЕО» разрывает связи между людьми, лишая их естественных привязанностей: друзей, любимых, родных. И нередко бра-

тья оказываются на разных планетах, дети живут в уверенности, что их родители погибли, а родители не имеют понятия о судьбе своих чад. В связи с этим примечательно наблюдение, касающееся особой политики «Единого Ока» в отношении военных: «С определённой периодичностью меняется место службы, они (“ЕО”) расформировывают отряд, рассылая солдат в разные уголки секторов. Так теряется связь между ними, и все они становятся друг другу чужими. И вряд ли когда-нибудь снова ты встретишь того, с кем служил раньше».

Автор подчёркивает мысль, что политика «Единого Ока» безнравственна, направлена против человека, а значит, она обречена.

Произведение Софии Эззиати пронизано аллюзиями, которые также характерны для жанра антиутопии. Наиболее яркие связи обнаруживаются с романом Е. Замятина «Мы». Их замечаешь сразу, как только открываешь книгу. Они проявляются и в использовании общих слов, понятий: «Единое государство» и «Единое Око»; и в том, что действие происходит после значимых социальных катаклизмов – Двухсотлетней войны и Великой войны; и в форме изложения (дневниковые записи); и в том, что у каждого героя есть «номер». Думается, что жанр дневника писательница выбрала неслучайно: он помогает раскрыть внутренний мир персонажей, показать их духовный рост. Герои Софии Эззиати выписаны более живыми, чем у Е. Замятина, думающими, переживающими, чутко отзывающимися на несправедливость, подлость, предательство. Они знают, что такое любовь, дружба. В процессе испытаний Сольвейг и Аск приходят к пониманию важной идеи, заключённой в следующих строчках:

«Я смотрел на дерево и думал, как же ему удалось до сих пор выжить тут.

– Оно живёт потому, что растёт из корня Великого Древа. Оно – его часть».

Герои понимают, что успех любого дела заключается в объединении сил, в поддержке друг друга, в обретении «истинного союзника».

В книге масштабно поставлена проблема экологии, свойственная жанру антиутопии. Технический прогресс неизбежно влечёт за собой уничтожение природной среды: «Ввысь уходили давно заржавевшие трубы непрерывно работающих заводов. Тучи дыма и смога висели над городом. Казалось, сам воздух впитал в себя память о той войне. Дожди здесь всегда токсичны, осенью они шли почти каждый день. На одежде оставались разводы от капель, иногда они прожигали даже металлизированную ткань – единственную защиту от этих токсинов».

Несмотря на то что автор приглашает нас заглянуть в далёкое будущее, нельзя не признать, что любое произведение является отражением эпохи, в которую живёт писатель. И, безусловно, аллюзии к современности прослеживаются в романе.

Жанровые особенности фэнтези в произведении «Дневник революции» проявляются, прежде всего, в символике образов. Например, ясень является талисманом Аска и символом жизни и силы. Именно ясень спасает от смерти Сольвейг. Птица, подаренная Сандаром Сольвейг, олицетворяет свободу. И на пути к этой свободе девушка не останавливается ни перед чем.

Своеобразие фэнтези заключается также в использовании мифов для объяснения каких-либо ситуаций, явлений. Особенно показателен следующий пример:

«…если вы помните легенду, *Тор* хитростью забрал его. Долгое время считалось, что Мед утерян навсегда. Но это не так. Один из корней Великого Древа Иггдрасúль находится здесь, в Ётухейме. И источник Меда находится в этом корне, там вы найдёте Хранителей.

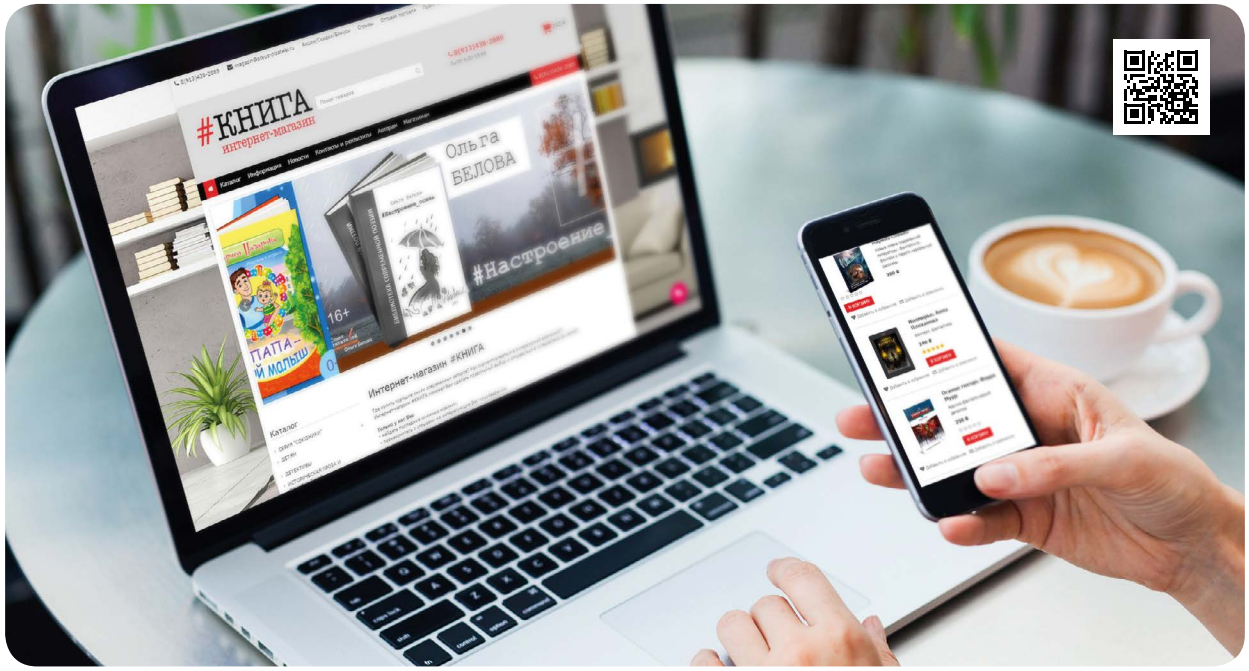
Мы были растеряны. Она говорила о древних легендах так, как будто бы они были правдой. Всё казалось сном. Я посмотрел на Барни. Он усмехнулся, явно не восприняв это всё всерьёз, но, поймав на себе удивлённый и немного хмурый взгляд женщины, понял, что она говорит абсолютно серьёзно. Улыбка покинула его лицо».

Считается, что мифологическое пространство – это пространство души. Через мифологию, через отношение к ней проще разглядеть современное состояние общества – и социально-культурное, и идеологическое, и эстетическое. Обращение к легендам позволяет Софии Эззиати ненавязчиво подвести читателя к идее бесконечной мудрости природы и тесной связи человека с природным миром, а также выразить отношение к описываемым событиям.

В книге ярко проявляются и признаки классического романа: разветвлённость сюжета, значительный охват художественного времени, глобальность проблематики. Форма дневниковых записей способствует погружению в прошлое героев, позволяет услышать их мысли, над которыми мучительно размышляют герои.

Таким образом, роман Софии Эззиати удачно объединяет признаки разных жанров. При помощи них писательница словно протягивает нить сквозь эпохи, связав классический роман 19-го века, антиутопию 20-го века и фэнтези, получившего распространение в 21-м веке.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»



#КНИГА | Интернет-магазин современной литературы

МДЛК «Озарёнок» отмечает первый юбилей

Сегодня очень много говорят о том, как важно быть творческой личностью: нельзя оставаться просто безынициативным человеком и механически выполнять чужие распоряжения, надо буквально фонтанировать креативными идеями и создавать нечто удивительное и прекрасное в любой области по своему выбору. И, конечно, отдельно рассматривается искусство. Скептики уверяют, что всё гениальное давно родилось на свет, а в двадцать первом веке ни настоящих поэтов, ни художников, ни музыкантов уже нет. Но возникает вопрос: откуда же им взяться, если с раннего возраста детей натаскивают на написание однотипных тестов и создают в их сознании культ материальных ценностей? Ведь талант – из области духовного, а творчество не терпит никаких шаблонов!

О воспитании творческого начала в мальчишках и девчонках в 2014 году задумались писатели, которые поняли, что подготовить к передаче эстафеты будущие поколения – их первостепенная задача. При поддержке Ирины Игоревны Малковой, поэта, члена Союза писателей России, основателя издательства «Союз писателей» был организован Международный детский литературный клуб «Озарёнок», куда мог прийти каждый малыш и проявить свои способности, познакомиться с классической и современной литературой, поговорить со старшими товарищами и понять: созидать очень приятно, интересно, весело.

С тех прошло пять лет. Настал момент, когда «Озарёнок» отметил свой первый юбилей. Возраст это очень даже солидный, ведь за минувшее время многие воспитанники раскрыли себя и стали настоящими юными поэтами и прозаиками, готовыми покорять вершины литературного Олимпа. Произведения некоторых из них печатались в журнале «Союз писателей», а также на страницах авторских и коллективных сборников. Ребята участвовали в конкурсах художников в рамках проекта «Новые сказки». Знакомились с творчеством великих классиков Михаила Ломоносова, Михаила Лермонтова, Шарля Перро, Сергея Есенина, Сергея Михалкова, Агнии Барто, Расула Гамзатова, Юлии Ивлевой. А также с произведениями вологодских авторов: Алексея Ганина, Василия Белова, Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Натальи Мелёхиной, Нины Гавриковой, Татьяны Трубаковой. Принимали участие во множестве творческих вечеров, фестивалей, заседаний и тематических экскурсий, выступали на больших сценах, одерживали победы на премиях и конкурсах. Совместными усилиями организаторов и руководителей было проведено 17 конкурсов (15 всероссийских и 2 международных), а также 27 мероприятий, 2 экскурсии и 32 заседания. Трудно спорить, что это очень значительные достижения, которые позволили мальчишкам и девчонкам почувствовать свою принадлежность к миру искусства и стать его неотъемлемой частью.

Среди важных вех в 2019 году – помощь нашей современнице и наставнице клуба Нине Гавриковой в публикации книги «Задушевный разговор», куда вошли автобиографические истории, а также произведения о выдающихся людях и простых жителях Вологодской области. Книга выпущена в память о Людмиле Николаевне Афанасьевой, внёсшей огромный вклад

в развитие МДЛК «Озарёнок». Людмила Николаевна – педагог с огромным стажем. Она не сомневалась, что только через творчество воспитывается Личность. Руководствуясь этим убеждением, на протяжении всех лет существования клуба она принимала активное участие в раскрытии творческого потенциала воспитанников, занималась организацией литературных праздников и презентаций, встреч ребят с профессиональными писателями и поэтами, экскурсий в музеи и литературные места родного края, творческих мероприятий в разных библиотеках Сокола. При её поддержке мальчишки и девчонки участвовали в городских, областных и всероссийских литературных конкурсах.

На сегодняшний день клуб существует в нескольких уголках России. МДЛК «Озарёнок» начал свою историю с образования Сокольского отделения, уверенно шедшего в будущее под руководством Нины Павловны Гавриковой, Марины Георгиевны Окуличевой и Людмилы Николаевны Афанасьевой. Руководителями других отделений – в Казани, Уфе и Липецкой области – являются Надежда Леонидовна Захватова, Наталья Сергеевна Нестерова, Людмила Михайловна Родионова. Помимо руководителей, у клуба есть президенты, которые сами некогда вышли из рядов его воспитанников. Первый президент «Озарёнка» – Поздняков Евгений Игоревич, второй президент – Нестерова Анастасия Александровна. Без любого из этих людей существование, а главное – развитие клуба стало бы невозможным. Энтузиасты своего дела, искренне любящие детей и литературу, они делают всё, что в человеческих силах, чтобы воспитать новое поколение писателей, которых когда-нибудь, в пока ещё далёком будущем, возможно, назовут классиками второй половины двадцать первого столетия.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Звезда по имени Ольга

К юбилею Ольги Дмитриевны Анчоковой

Ольга Дмитриевна Анчокова (Ларина) более 30 лет служит на благо просвещения и культуры России, Кузбасса и Новокузнецка.

У Ольги Дмитриевны накоплен колоссальный профессиональный опыт, ведь в её служебном портфолио – работа в библиотеках почти всех типов. Ещё обучаясь в Томском культурно-просветительном училище, она начала работать в библиотеке-филиале № 5 Тоской ЦБС (1988). А в 1989-м получила распределение в Томскую областную библиотеку для слепых, где проработала три года. После возвращения в Новокузнецк в 1992 году устроилась в библиотеку ДЮЦ «Орион». В 1995 году пришла в ЦГБ им. Н. В. Гоголя, где сразу попала на абонемент – «самый читающий» из всех отделов Гоголевки. Уже в те годы ведущий библиотекарь О. Д. Анчокова отличалась активной профессиональной позицией и блистала в качестве ведущей на крупных мероприятиях Гоголевки.

По семейным обстоятельствам Ольга Дмитриевна сменила место работы на библиотеку школы № 91, где, возможно, и задержалась бы до сего времени, если бы не личная трагедия (в аварии погиб муж). Став кормилицей семьи, она нашла учреждение, где в те годы платили больше, чем в других библиотечных системах. С 2004 по 2008 год местом её работы стала научно-техническая библиотека ЗСМК. Там ей поручили курировать два цеха: коксохим и доменный. Профессионал – он и в Африке профессионал. Её заметили и полюбили читатели. А когда Ольгу вдруг решили перевести на другое место, встали на её защиту. Чем, впрочем, слегка навредили. Директор библиотеки побоялась конкуренции с молодым талантливым специалистом и, воспользовавшись своими полномочиями, сократила должность. В то

время в библиотеке ЗСМК под раздачу попал не один толковый специалист, что, вероятно, и стало для неё впоследствии крахом (библиотека была оптимизирована и соединена с НТБ КМК, а возглавила её Людмила Ивановна Ботнева).

Крутой поворот судьбы вернул Ольгу Дмитриевну в Гоголевку. С 2008 года она вновь начала работать на абонементе, где стала незаменимым помощником, а иногда и идеологом всех начинаний заведующей абонементом Татьяны Владимировны Прокопьевой (ныне заместитель директора библиотеки НФИ КЕмГУ).

Библиотеки, в которые попадала Ольга Дмитриевна, доставались ей с требующими огромной работы фондами. Верная расстановка, формуляры, разделители, системати-

зация, создание каталогов и картотек – эти направления деятельности были изучены вдоль и поперёк. Что характерно, но и вернувшись в Гоголевку в 2008 году, Ольге Дмитриевне вместе с Татьяной Владимировной вновь пришлось всерьёз заниматься фондами, которые сильно пострадали из-за непродуманной и неоправданной оптимизации ЦГБ им. Н. В. Гоголя в 2006-м, когда был ликвидирован Юношеский отдел и реорганизован библиографический (из него изъяли сектор краеведения).

Сегодня фонд абонемента – один из самых образцовых в МБУ «МИБС», а всё это заслуга славного коллектива отдела, который работает под чётким и выверенным руководством и по прогрессивным инициативам Ольги Дмитриевны.

В октябре 2012 года, когда Т. В. Прокопьева перешла на работу в библиотеку педакадемии (куда позвала её я, будучи директором этой библиотеки), Ольга Дмитриевна заслуженно заняла должность начальника отдела «Абонемент» МБУ «МИБС».

Работа в школьной и научно-технической библиотеках стала огромной профессиональной школой для Ольги Дмитриевны. Именно там она научилась гиперответственности за порученное дело и необходимости постоянно совершенствовать профмастерство, изучать и внедрять новые формы работы.

Ключевым направлением её профессиональной деятельности сегодня, безусловно, является организация работы по обслуживанию читателей на абонементе Гоголевки. Эта сухая производственная фраза не может в полной мере передать искренней заинтересованности Ольги Дмитриевны, неутомимо стоящей на страже интересов наших читателей. Её активнейшими усилиями добывается подписка на журналы, так горячо любимые постоянными пользователями Гоголевки. А сколько нужно труда, инициативы, проворности, чтобы раздобыть новинки литературы?! На этом пути применяются все возможные традиционные и онлайн-технологии. Именно Ольга Дмитриевна на свой страх и риск стала инициатором городской акции «Купим книгу вместе». Она же стоит у истоков самых востребованных на сайте МБУ «МИБС» разделов. Если вы посмотрите раздел сайта, предназначенный читателям, «Будь в тренде. Читай!», наверняка удивитесь, как сотрудники вверенного Ольге Дмитриевне отдела создают инициированные ею формы трансформированной современной рекомендательной библиографии: афиши одной книги и ежемесячный топ книг абонемента.

Опираясь на интересы своих читателей, в 2015 году, объявленном в России Годом литературы, Ольга Дмитриевна придумала интернет-проект «Живое слово», который я с удовольствием поддержала, став членом команды, занимающейся его реализацией (наша команда: О. Д. Анчокова, Е. Э. Протопопова, С. В. Загнухин, И. В. Кручинина). Проект снискал популярность среди новокузнечан, интересующихся литературой и краеведением.

Большое внимание и почти материнскую заботу ощущают со стороны Ольги Дмитриевны не только читатели абонемента, но участники клубных объединений, действующих на базе её отдела. А таких клубов у неё – целых десять! И каких! Это старейшие именитые клуб любителей фантастики «Контакт» и дискуссионный киноклуб «Диалог», философский клуб «Экзистенциал», творческие объединения «Горицвет», «Ромашка», «ЛиTERRA» и другие. Ольга Дмитриевна пользуется заслуженным уважением среди участников клубов, потому её частенько выбирают в члены жюри конкурсов, организуемых этими добровольными объединениями при библиотеке.

Работая с читателями, Ольга Дмитриевна особо внимание оказывает молодёжи, всегда с неподдельным интересом идёт на контакт, выслушивает любые предложения. А некоторые помогает реализовать. Так, после проведения цикла рок-концертов, организованных при её непосредственном участии, при библиотеке были образованы молодёжный клуб «Кузница рока» и творческое объединение «Лига авторов». Сегодня участники этих творческих клубов не просто не мыслят свою деятельность без

одобрения и внимания О. Д. Анчоковой, они считают её настоящим другом.

Есть у Ольги Дмитриевны и особенные партнёры, те, с кем всегда радостно и продуктивно работать, это: летняя школа юнкоров новокузнецкой городской Лиги молодёжной прессы, занятия которых проходят в стенах ЦГБ им. Н. В. Гоголя; художественная студия «Матисс», по традиции открывающая выставки детских работ на базе отдела «Абонемент»; театр кукол «Сказ», в содружестве с которым реализованы интересные начинания; Новокузнецкий городской совет ветеранов, вместе с которым регулярно публично чествуются заслуженные горожане почтенного возраста; Государственное казённое профессиональное учреждение НГТК, вместе с которым были подготовлены и проведены секции на V и VI Международных научно-практических конференциях педагогических работников профессионального образования «Компетентностный подход как основа подготовки конкурентоспособных выпускников» (2018, 2019).

В декабре 2014 года Ольга Дмитриевна, поддержав моё начинание, стала полноправным соорганизатором и одним из руководителей проекта «Творим историю вместе» к 400-летию Новокузнецка, получившего грантовую поддержку фонда Михаила Прохорова и активно работающего по сей день. В рамках этого проекта в 2019 году возник ещё один проект, приуроченный к 300-летию Кузбасса, – «Родина Кузбасс: 300 лет в истории России». И готовится новый (но это пока секрет!).

В рамках всех этих проектов за 5 лет проведено 104 мероприятия, которые без Ольги Дмитриевны были бы невозможны. Онлайн-трансляции мероприятий библиотеки внедрила именно Ольга Дмитриевна. Она не только соорганизатор всех дел и производитель идей, она – официальный фоторепортёр всех наших проектов, без её креативного «взгляда» наши новости вряд ли были бы столь информативны. Именно её фотографии делают прошедшие события яркими и запоминающимися, привлекающими внимание к сайту проекта и страницам соцсетей МБУ «МИБС».

Этот неординарный фотовзгляд позволил Ольге Дмитриевне стать участницей всероссийского проекта «Три толстяка» (2018) и бесценным партнёром для Давида Бурмана (продюсера, президента и директора международного фестиваля «KUKART», директора автономной некоммерческой организации «Интерстудио»).

Характеризуя Ольгу Дмитриевну, нельзя не сказать о ней как о руководителе отдела – строгом, но справедливом! Имея верный настрой и неподдельную поддержку со стороны начальника, сотрудники абонемента всегда с радостью участвуют во всех городских мероприятиях, в различных конкурсах (неоднократно становились призёрами и победителями внутрисистемных и городских конкурсов). Так, в 2014 году Кристина Морозова стала победителем конкурса «Новые имена», в 2016 году на профессиональном конкурсе «Новые имена» дипломы участников I, II, III степени получили соответственно А. А. Осипенко, Ю. В. Ефремова, А, В. Трифонова, в 2018 году А. В. Трифонова получила благодарственное письмо за участие в VIII Городском конкурсе библиотекарей им. З. И. Сверяевой на лучшую библиографическую работу.

На протяжении многих лет Ольга Дмитриевна является не только организатором крупных городских мероприятий, но и их ведущей, «лицом» Гоголевки на телевизионных эфирах. Прекрасные внешние данные и хорошо поставленный голос выгодно отличают её среди коллег.

У Ольги Дмитриевны много друзей. С одноклассниками они до сих пор регулярно встречаются, искренне дружат и поддерживают друг друга во всём. Некоторые из них даже стали добровольными помощниками Гоголевки.

Ольга Дмитриевна не раз награждалась почётными грамотами и благодарственными письмами, но главные её награды, уверена, ещё впереди!

Е. Э. Протопопова, гл. специалист по библ. маркетингу, член Союза журналистов РФ

Психология творчества
с Ларисой Агафоновой

Как построить планы по РОСТу, или Ваши 20 новых целей

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

➢ Новогодние и рождественские праздники прошли с пользой.

➢ Вы хорошо провели время в кино, сходили на новую театральную постановку, заглянули на выставку модного художника, побродили по украшенным улицам.

➢ Активный зимний отдых на лыжах, коньках, сноуборде или на своих двоих придал румянца бледному лицу и позволил ощутить приятную ломоту в мышцах.

Это замечательно. Почему-то отдых быстро заканчивается и нужно приступать к повседневным обязанностям. Но какая уж тут работа, когда организм никак не раскачается?

А ещё, как известно, в конце года принято подводить итоги, и творческие в том числе. А вы в этот раз не успели, забыли или отложили это приятное (или не очень) занятие до нынешнего момента.

ДАВАЙТЕ СРАЗУ ПЛАНИРОВАТЬ!

Вы уже столько раз перелистывали свой новенький вышедший из типографии сборник стихов; перечитывали рассказ в коллективном журнале; делились в социальных сетях грамотами за участие или победы в конкурсах. Вы молодец!

Похвалите себя за плодотворный 2019 год, поблагодарите своих близких и друзей за помощь и поддержку, переверните виртуальную (или реальную) страничку вашего творческого дневника и давайте пойдём вперёд.

Самое время рисовать картинку своего нового творческого года. И неважно, будет ли это настоящая картина, написанная акварелью или маслом, замки из разноцветного песка, башни из выпавшего за ночь снега или несколько сухих строчек на бумаге.

«С чего начать?» Этот вопрос рано или поздно возникает в голове, если:

– не все ваши прошлые планы сбылись;

– вы абсолютно не представляете, как выбрать из множества задумок именно ту, которую стоит воплотить первой;

– мысли разлетаются, как искры от бенгальского огня (и вообще вы ещё не все новогодние фотографии выложили в социальных сетях).

P. S. Если вы застряли на последнем пункте, поделитесь с друзьями своими лучшими снимками, а потом возвращайтесь к планам.

НАЧНЁМ?

Перед вами модель GROW, которой с успехом пользуются практические психологи и коучи, чтобы нацелить, перестроить, мотивировать своих клиентов на верные решения и новые свершения. Эта модель очень удобна для постановки как небольших, так и глобальных целей.

GROW

Goal – цель;
Reality – реальность;
Options – варианты;
Will – намерение.

Я предлагаю использовать весьма красноречивый аналог – **РОСТ**, где:

Р – расстановка творческих целей, к которым вы стремитесь;

О – оценка текущей ситуации;

С – список возможностей и ресурсов;

Т – то, что важно сделать для достижения творческих и личных целей.

Давайте воспользуемся замечательной возможностью составить не просто список из 20 целей, а два списка по 20 целей, которых вы планируете достичь в этом году: первый – ваши личные цели (этот вариант можно никому не показывать), второй – творческие намерения.

Например, в вашем списке есть следующая цель – **вы хотите собрать** свои рассказы о любви, исторические новеллы или сказки для детей и взрослых в **полноценный сборник и издать его** в одном из издательств.

ХОТИТЕ? ТОГДА ПРИСТУПАЕМ!

✓ **Р** – *убедитесь, что выбранная цель важна и актуальна.*

♦ Проранжируйте свой список.

♦ Начинайте с той цели, которая занимает одно из первых мест.

✓ **О** – *внимательно и объективно изучите свой материал.*

♦ У вас действительно готово больше пятидесяти (а лучше – восьмидесяти) процентов текста?

♦ Ваши рассказы/сказки/новеллы написаны в одном стиле?

♦ Вы отдавали свой материал на рецензию литературному критику или знакомому по социальной сети писателю?

♦ Вы провели редактуру текста?

♦ Вам самому нравится содержание? (Только будьте объективны.)

Если вы ответили положительно на эти вопросы, можно смело переходить к следующему этапу. Или же ещё раз поработать с текстом.

✓ **С** – *составьте список издательств, с которыми вы хотели бы сотрудничать.*

♦ Проверьте, есть у них серии, под которые попадают ваши произведения.

♦ Уточните условия взаимодействия.

♦ Пробегитесь по своему списку контактов (личных и в социальных сетях), вспомните, кто из знакомых и друзей недавно выпустил книгу в издательстве.

♦ Свяжитесь с ними. У вас наверняка есть масса вопросов о тонкостях и подводных камнях книгоиздания.

♦ Почитайте отзывы (если вы этого ещё не сделали) об издательстве.

✓ **Т** – *самый сложный, но одновременно и самый интересный этап: приступайте к активным действиям.*

♦ Соберите свой материал в единый текст.

♦ Отредактируйте ещё раз (или три).

♦ Составьте сопроводительное (и убедительное!) письмо в редакцию.

И начинайте воплощать свои замечательные планы!

Друзья! Желаю вам вдохновения и творческого роста!

Сергей Балиев

Ирбит, Свердловская обл.

Страна дорог

Под радугой вольготно разлеглась
страна дорог, ушедших в никуда,
где спрятаны от любопытных глаз
покинутые всеми города.
Где, заплутав в старинных языках,
всё принимаешь сердцем – не умом,
шагая от восхода на закат
и звонким днём, и в сумраке немом.
Где черемша душистей, чем имбирь,
и трогательней сакуры ветла,
где согревают снежную Сибирь
зелёные таёжные ветра.
Давно пора сердечко подлечить,
найти в росе начало всех путей.
Поют ручьи и реки, и ключи,
зовёт страна находок и потерь…

Миражи

Моя печаль за тридевять земель,
где сосен не касались провода,
где птица так доверчива и зверь,
и рыбу не пугают невода.
Там реки раскидали рукава
от тысячи серебряных одежд.
Там где-то заблудился караван
моих признаний, песен и надежд.
Порой весенней, рано поутру,
шагну в забытый Богом уголок.
Оставлю всё и прошлое сотру,
И постараюсь вымолить залог.
Но травы словно вытоптаны – кем?
Но стража и пытлива, и строга.
Урочище исповедальных тем
укрыла безучастная тайга…
Устанет день слоняться по двору,
не в силах заглянуть за миражи.
Устанет ночь склоняться на ветру
над залежами драгоценных жил.
«Ты опоздал, – мне скажут, – не спеши,
притормозили грешные года».
Моя печаль покоится в глуши,
где плачет не испитая вода…

Берега

Берега заповедных рек.
Тот – в каменьях, а тот – песчан.
Первозданность из века в век.
И реликтовая печаль.
Реки-стрелы и серпантин –
то стремниной, то чуть дыша.
Здесь сливаются все пути
из реальности в чудеса.
Здесь и радость, и злой разбег
прорываются сквозь туман.
Справа высится оберег,
слева стелется талисман.
Солнце спряталось под фатой
из серебряных облаков.
И скользит над водой фантом
отпечатком былых веков.
Наважденье? Химера? Жизнь –
та, что спрятана за спиной?
Полустёртые миражи.
Строчка в книжице записной…

Небеса

Смотри, я построил пути в небеса –
из бурных ночей и упрёков вослед,
из строчек, которые я написал
во снах наяву и полётах во сне;
из ярких признаний и страстных измен,
глухих тупиков и сквозных анфилад,
сплошной безнадёги, сплошных перемен,
имён, наказаний, знамён и наград;
из хижин, дворцов, шалашей и берлог,
из песен, что вовсе не с теми пропел,
открытий, которые не уберёг.
Куда торопился, чего не успел?
Построил, дурак, и застыл на валу,
как будто и впрямь дни мои сочтены.
Кирпич, известняк и случайный валун –
лоскутное месиво вместо стены!..

Конечно, приятней, когда всё – ажур,
всё чётко и ладно – к ступени ступень.
Пожалуй, немного ещё погожу.
Смотри на меня – впереди новый день…

Гвоздодёр

Ярославль

Твои глаза

В них вечность пропасти бездонной,
Костёр любви, страстей дары.
В них яд соцветий белладонны
С отрогов ведьминой горы.

Один лишь взор, и карта бита:
Сожжён зрачками ярких звёзд.
В них тайны снов, печаль пиита
И самомнения колосс.

Оазис лжи, фонтаны фальши,
И даже черти, чуя страх,
Сбежали к «батюшке» подальше,
Свои рога пообломав.

Скитаться, что бы ни случилось,
Вопросы те обречены:
Твои глаза – Господня милость?
Иль порожденье сатаны…

На станции я вышел

На станции я вышел,
Гляжу издалека:
В тени косых домишек
И старого ДК,
Где на пустом крылечке
Приветствует нужда,
Колхозной жизни речка
Впадает в никуда.
Еловые иголки,
Осколки мутных луж,
Знакомого посёлка
Хиреющая глушь.
Здесь водки хлещут много,
И льётся русский мат…
Здесь люди помнят Бога
И «здравствуй» говорят.

Смерть поэта

Безжизненное лето,
голодные года.
Худая тень поэта
у старого пруда.
Стихают понемногу
печальные круги –
душа отходит Богу,
а хата – за долги…

Маршрутка

Час пик. Жара. Шумит в затылке,
Рубаха взмокла, мочи нет.
Мамаша с «Клинского» бутылкой
Потомство кроет на чём свет.
Хрипит «Бутырка» что есть силы,
Дорога – вечное пике.
Подростки чешут по мобилам
На незнакомом языке.
Рабочий край, простые люди…
И я задумался всерьёз –
В России точно завтра будет,
Лишь для кого – один вопрос.
И этот миг в стихах и прозе
Вонзился в память навсегда:
Плетётся ржавый скотовозик
Из ниоткуда в никуда.

Среда обитания

Когда найду в пыли ушедших дней
Многострадальной памяти дорогу –
Взгляну из окон битых жигулей
На жуть родную, брошенную Богом.

Петлёю трассы приговорена
Толпа высоток, им не видно края.
Бетонный алкорай. Живёт страна,
Почти не чуя жизни, выживая.

Здесь время спит, иль пущено в расход,
И я взываю к памяти – не мучай:
Фонарь ослепший. Пьяный пешеход.
И нож в кармане, так, на всякий случай…

Анжелика Лаврентьева

Железногорск, Красноярский край

Межсезонье

Хмурится город осенними тучами
В сером обличье домов.
Люди с зонтами и лицами скучными,
Не поднимая голов,

Молча по мокрым по спинам асфальтовым
Следом бредут за дождём.
В парках октябрь чёрно-белыми слайдами
Катится за сентябрём.

И межсезонье в душе и на улице,
Будто размыты цвета.
Мне до тебя не дойти по распутице:
Знаешь, погода не та…

Хмурится город осенними тучами
За пеленою дождя.
Я вспоминаю от случая к случаю
Прошлое.
Бога.
Тебя…

Я вернусь

Нынче рядом ты. Близко-близко…
Безмятежен по-детски спросонья.
Стану нежною одалиской –
Мягче воска под жаром ладоней.
Мы так видимся редко… Реже
Лишь дыханье, стеснённое страстью.
Стану ветреной. Ведал прежде? –
Лёгким бризом рвёт крепкие снасти.
Растворяясь в безумстве ночи,
Стану к звёздам немеркнущим ближе.
Я вернусь к тебе, если хочешь.
Если так уготовано свыше…

Сретение

Зацелованы проталины
Солнцем вешним, чуть белёсым.
Снег припудрил накрахмаленный
Чёрно-слякотную россыпь.
Пусть зима пугает вьюгами,
Редким снегом да морозом –
Кружева плетёт коклюшками
Сухорукая берёза.
Шубы скоро сменят платьица,
Сменят валеночки – лапти.
То весна с грачами катится
По небесно-синей глади.
Встретим Масленку широкую
Хороводами, стряпнёю.
Встретим песнями, гармошкою,
С бубенцами под дугою.
Блинный дух стоит над сёлами
И слегка щекочет ноздри.
В строгий пост войдём прощёными
После Масленицы пёстрой.

Колыбельная

Спи, моя деточка, спи, моя девочка.
Рядом побуду с тобой…
Будто надломлена хрупкая веточка
Грубой чужою рукой.
Крутит лукавый… Мотает, как щепочку,
Жизненный водоворот.
Спи, моя девочка, спи, моё семечко,
Пусть тебя Бог бережёт.
Спи, моя сладкая. Спи же, бедовая,
Счастье и горе моё…
Будет тихонечко у изголовия
День уходить в забытьё.
Ты ещё так молода – и не прожита
Жизни четвертая часть…
Не потревожив твой сон, тихим шёпотом
Стану молитвы читать.
И, разливая любовь запредельную
В хрупкой вечерней тиши,
Нежно пою тебе песнь колыбельную,
Песнь о спасенье души…

Владимир Литвишко

Ессентуки

Естественный отбор

Спускалась ночь с плечистых дальних гор,
стекая по ущельям осторожно.
Ей, поглощавшей каждый дом и двор,
сопротивленье было невозможно.
Она ползла, струилась вдоль камней,
стремясь заполнить новые просторы.
Стих птичий гомон в тесноте ветвей.
К глазам пещер туман придвинул шоры.
И стало сыро. Съёжилась трава.
А кто-то, по тропе скользнув незримо,
Исчез внезапно, будто те слова,
что, улетев, подобны тени дыма.
Заухал филин, тишину кроша
на дробные корявые осколки.
Скатилась в пятки с трепетом душа.
Охотясь, на опушку вышли волки,
Принюхались и, вытянувшись в рост,
завыли жутко, угадав добычу.
Вожак рванулся, скрыв меж елей хвост.
Прыжками стая по следам их дичи
за ним помчалась, ускоряя бег, стремясь
клыки вогнать желанно в холку.
С крыльца сошедший было человек
невольно вздрогнул, покурил недолго
и запер дверь привычно на засов.
Чай вскипятил, послушал внука лепет,
ругнул в сердцах скулящих жалко псов,
что под крыльцом испытывали трепет.
Лес полуночной жизнью жил своей,
не снисходящей до животных страхов.
Чуть позже ветер петли рвал с дверей
и молодецки в ставни бил с размаха.
А лось сметал всё новые кусты
в надежде тщетной скрыться от погони.
Таилось много страшной красоты
в жестоком и безжалостном законе
отбора… Тяжко рухнул на плечо
огромный зверь в неравной схватке этой.
Лишь струйки крови били горячо…
по тонкой грани между тьмой и светом[1].

Чудо рукотворное

День северный, без края и конца,
продолжит вязкость долгой белой ночи.
Толпа, у деревянного крыльца собравшись,
разойтись никак не хочет.
Горят мозоли, в стёртых спинах зуд.
Окончено общественное дело
сегодня, и во славу Бога труд
исполнен. А усталость до предела
залила мышцы… Некуда спешить.
Такого больше повторить – нет мочи.
В поту рубахи, их пора чинить
с округи стройкой собранным рабочим.

Храм возведён, встав на краю земли
всего прекрасней, что посильно людям.
Кто только смог, сюда сейчас пришли
взглянуть на чудо… Что же дальше будет?
…Онего плещет. Мастер Нестор, свой
топор забросив озеру в подарок,
опустошён – и телом, и душой;
сел на бревно, ещё недавно ярок,
похоже, плачет… Рядом с ним Буняк
с Невзоровым, в годах преклонных оба.
…Все крестятся, желанный ищут знак,
что ОН доволен их усердьем, чтобы
земля роди́ла, рыба в сети шла,
а зверь в силки – охотникам под руки.

…Над избами ближайшего села
разлита тишь, и в ней дымы… А звуки
сегодня здесь лишь в радость, возле стен
несущих ввысь великолепье главок,
смотрящих вдаль… Ждёт время перемен
окрестный мир, с чьих деревенских лавок
потянутся в столичные края
Невтоны, подрастая, и Платоны –
прославить Русь, любви к ней не тая
с рожденья, по природному закону,
немного позже… Год ещё не тот,
но в будущее двери приоткрыты.
…Крест православный в высоте плывёт
над островом, что станет знаменитым…

[1] Строка из стихотворения Игоря Царёва.

Сергей Лобанов

Ставрополь

Рассказ ветерана Великой Отечественной войны

Мне всё ещё снится война,
Мне всё ещё слышатся взрывы,
Ревущего ветра порывы
И смерть…
Как смеётся она…

Мне всё ещё помнится взгляд
Сражённого снайпером друга.
Ушёл он на фронт из Калуги
И пал в ставропольских полях.

Я помню, как сажа и гарь
Въедалась в суровые лица,
Как падали замертво птицы
От холода в лютый январь…

Мне всё ещё слышится лязг
Скользящего резво затвора,
Как точно и с русским задором
«Катюша» пускается в пляс.

И всё ещё помнится вкус
Сырого, «военного» хлеба,
Как «юнкерсы» резали небо,
Как маме сказал, что вернусь…

Я помню, как плакал старлей
И матом ругался на братьев,
Оставшихся в крепких объятьях
Изрытых, сожжённых полей…

С тех пор мне и снится война,
С тех пор мне и слышатся взрывы,
Ревущего ветра порывы
И смерть…
Жаль, бессмертна она…

Встреча с Рязанью

Долгожданная встреча с Рязанью
Состоялась в четыре утра
На перроне…
А в зале вокзальном
Спали люди…
Носились ветра
По старинным рязанским покоям,
Колошматя макушки берёз.

Украшал золотою дугою
Юный месяц вселенную звёзд.

…И я шёл, вдохновеньем ведомый,
Беззаветно влюбляясь в Рязань,
К невысокому ветхому дому,
За которым румянилась рань.

А под ранью румянилось поле,
Просыпаясь, дрожало оно.
И туман нежно гладил подолом
Золотое его полотно…

Архыз

Вершины гор цепляют облака…
Ледник Софийский, преданный покою,
С таинственным вниманьем и тоскою
Взирает на ущелье свысока.

Зализывая камни серых скал,
Из белых прядей вьются водопады.
Пасётся у реки коровье стадо,
Оскал хребта похож на пьедестал.

И каждой ночью в омуте небес
Цветёт над перевалами Венера.
…Здесь всё иначе, здесь иная вера,
Здесь мир наполнен множеством чудес.

Татьяна Оленева

Сатка, Челябинская обл.

***

…За то, что дождь из капель соткан,
Что ветер – шёлковой струной,
Осинки лист – унылой ноткой –
В соитье с песней травяной,

Что дух, озоном напоённый, –
Под гулким небом грозовым,
И мокрый лес, и пруд бездонный,
И молний призрачные швы,

За первый луч в разрыве тучи
И двойника в разливе луж,
За то, что непогода мучит,
За тёплый ветер после стуж,

За мир упрямый, неподсудный,
За смену лет в моей судьбе,
За хрупкий дар любови трудной –
Спасибо, Жизнь, тебе…

***

Цедит смурной фонарь
Жидкую белую мглу.
Очередной январь.
Непротивленье злу.
Ненаподенья пакт.
Беспрецедентный шаг
И непреложный факт:
Время как первый враг.
Время спорить с собой,
Время сходить с ума.
Но – заодно с судьбой –
Дорогу пройди сама.
Неважно, когда и с кем.
Важно – не кое-как!
Главное – среди тем
Не прогляди свой знак…
Сеет зима крупу…
Я размыкаю круг
И продолжаю путь.
Время – мой первый друг.

Всё дышит поэзией

Всё дышит поэзией, не замечали?
Усталые ивы прекрасны в печали,
Нежнейшие в небе плывут облака,
И строчек сквозь них розовеют бока.

Духмяные ворохи прелых листов
Таят амфибрахий, опавший с кустов.
Сквозь землю хорей крутобокий пророс,
Усыпали ямбы подножья берёз…

…Безмолвно тоскует пустая тетрадь,
Но шепчет перо: нам пора начинать!
Крылатую рифму принёс ветерок.
Приблизился стихорождения срок…

Вечернее путешествие в лесу

В зелёном безмолвье трепещет осинка.
Листы, как мониста, на ветках дрожат.
Осинка – трусишка. Уводит тропинка.
Бросаю прощальный на деревце взгляд.

Оранжевым светом облит муравейник,
Тот спрятался было за пнём и кустом.
Я вам благодарна, о Солнце-затейник,
За луч, за находку – мурашиков дом.

Войска одуванчиков – белых ребяток –
Приветствуют браво – навыкате грудь.
Командую: «Вольно!» Похвально. Порядок.
Однако пора. Продолжаю свой путь.

Пойду к роднику, где лохматые ивы,
Дремучие травы припали к волне,
Студёные воды ручья говорливы,
Поспешны, беспечны, любезны ко мне.

Смеркается. Важно успеть до заката,
Чистейшей прохлады успеть зачерпнуть.
Напиться спокойствием леса. Так надо
Наполниться им. И вернуться… Уснуть…

Елена Оскина

Люберцы, Московская обл.

Монолог демона

Почему не бежишь? Ты же знаешь, отныне
Будешь в пропасть смотреть
и стоять на краю.
Я скучающий дух, мрачный демон пустыни,
Новой картой в игре выбрал душу твою.

Для чего ты скитался так долго по свету,
Истязаем ветрами, измучен жарой,
И последнюю отдал врагу сигарету,
Чтобы тот рассказал, где встречался со мной?

Так стремятся лишь к смерти: дороги не зная,
Тем не менее к сроку на встречу придя.
Обернись, за тобой чёрных воронов стая
Кружит в небе под реквием капель дождя.

Я укрылся давно средь камней и барханов,
Никому из людей не желая вреда.
Но нет-нет да мелькнёт из-за дымки туманов
Безрассудный романтик, бегущий сюда.

Кто тебя принуждал
быть непрошеным гостем?
Не ропщи и на помощь теперь не зови.
Пленом света и тени на дальнем погосте
Обернётся наш пламенный танец любви.

Ты – секундная блажь
для презревшего время,
У таких не бывает ни лиц, ни имён.
В опустевшей душе поселяется бремя –
Оставайся же с ним, заклеймён, покорён.

Если ты, не сломавшись под этим нажимом,
Проживёшь целый день –
не умрёшь никогда.
В вышине, над таким же, как я, пилигримом,
Одиночества вечного вспыхнет звезда.

Питеру

Твоя натура сдержанно-строга,
Но манит грациозными чертами:
Гранитные крутые берега,
Обласканные невскими волнами,
Неспящих сфинксов вечно хитрый взор,
Адмиралтейства шпиль, пронзивший небо,
Дворцов изящных старческий укор,
Скептичный к новострою ширпотреба.
Мосты, подобно вздыбленным коням,
Ночами устремлённые ко звёздам…
Ты мне, бывает, снишься по ночам,
Хотя любить тебя совсем непросто.
Тут в самый знойный день поют ветра,
Но даже в них – мелодии Глиэра,
В июне между завтра и вчера
Не ставит ночь защитного барьера.
Как трудно в эту пору скрыть печаль –
И за стеной дождя, и за туманом.
Зато тебе ни капельки не жаль
Визитов муз к пропащим графоманам.
Ты вынес многое, но как не тщилась мгла,
Казанского собора колоннада,
Огромной птицей разведя крыла,
Старалась уберечь родное чадо.
И всё прошло. Опасности, века,
Война и голод таяли снегами.
Ты даже в бездну смотришь свысока,
И только иногда, при встрече с нами,
Не ждущими от жизни прочих благ,
Чем странствия и поиск вдохновений,
Ты заставляешь вновь замедлить шаг,
Дивясь, как неизменно Добрый гений
Воссоздаёт в тебе ту красоту,
Которой миру не хватает ныне.
И беспощадно топит суету
В балтийской неуступчивой пучине.

Виктор Сапиро

Кармиэль, Израиль

Мотив неправильности мира

…А дело было, в общем, так. (Начну рассказывать сначала.) Звучала музыка не в такт, и песня ей не в такт звучала, не в такт гудели провода, шёл дождь и каркали вороны, не в такт летели поезда и проносились эскадроны… И, этот вирус подхватив (две ноты в лад, а дальше – мимо), меня преследовал мотив. Мотив неправильности мира.

Ещё с тех пор, когда распад лишь подбирался понемногу, я пел обычно невпопад и шёл, как правило, не в ногу. Когда в несбыточных мечтах внезапно трезвость приходила, я понимал, что всё не в такт, но это только заводило. И, даже веря в волшебство любого прожитого мига, я кожей чувствовал его. Мотив неправильности мира.

Он и сейчас живёт во мне – бунтарский дух, кураж момента. Но где-то очень в глубине и как-то слишком незаметно. Ему бы в бой – на всех фронтах, как подобает новобранцу, – но время движется не в такт отдельно взятому пространству. И что бы душу ни влекло, и чем бы сердце ни томило – я упираюсь, как в стекло, в мотив неправильности мира.

Мотив известный, спору нет. Он виден всем без микроскопа. Но вновь не в такт поёт кларнет (боюсь, что это не синкопа). Трубит трубач, звонит звонарь – не в такт, но в целом не мешает. Аптека, улица, фонарь… а дальше каждый сам решает. Всё выше звёзды надо мной. Всё глубже сон. Всё глуше лира. И плачет лопнувшей струной мотив неправильности мира…

Неформат

Вдоль по руинам былых громад
С метками «зло»/«добро»
Стиль под названием «неформат»
Точит моё перо.

То ли виновен парад планет,
То ли иная муть…
Надпись, гласящая «входа нет»,
Мне освещает путь.

В слабой надежде – а вдруг? Бог весть?
Может, с других сторон? –
Тыканье носом во всё, что есть, –
Тот ещё лохотрон!

Знать бы: что строить, а что ломать?
В чём состоит игра?
Всё моё творчество – неформат,
Лишняя мишура,

Слово, отбившееся от рук,
Время – водой в горсти…
Угол не хочет вписаться в круг,
Как его ни крути!

В общем, идиллия – будь здоров –
Гонки по кольцевой,
Чтобы из моря чужих миров
Выловить только свой…

Ливнем проносится месяц март.
Небо открыло шлюз.
Кажется, жизнь моя – неформат,
Знаешь, а это плюс,

Это концепция «век взаймы»
Или «полёт во сне»,
Через последний виток зимы –
Наперерез весне,

Наперекор пустоцветью слов,
Знаков, сигналов, нот,
Где в перспективе – большой улов
Или крутой цейтнот!

Время бежит. Копошится мир
То в суете, то без…
И невдомёк мне, что в этот миг
Где-то в конце небес,

Сбросив систему на автомат –
Только бы не заглох, –
Крупными буквами «не-фор-мат»
Пишет уставший Бог…

Людмила Денисова

Гаутинг, Германия

Кошкина тайна

Я кошка, я простая кошка,
И жизнь, я верю, хороша,
Когда хозяйская ладошка
Мне гладит спинку не спеша.

Когда почёсывает ушко –
Восторга тут не описать!
Но для хозяйки я игрушка,
Она же мне сестра и мать.

Мы часто с ней вдвоём воркуем,
Мы далеки от всяких драм.
Её кошачьим поцелуем
Бужу я часто по утрам,

Запрыгнув к ней в постель без риска.
Она не сердится, встаёт
И молочка большую миску
Мне сразу ласково даёт.

Потом, свернувшись на диване,
Я продремлю ещё полдня.
И спорю, вы найдёте странным
Узнать, что тайна у меня.

Когда уходит к ночи вечер,
Когда хозяйка спит давно,
В домах потушены все свечи,
Иду я в сад через окно.

Во тьме ночной мы все незримы,
Но кошкам темень не барьер.
В саду меня ждёт кот любимый –
Пушистый белый кавалер.

От той любви уже награда
Во мне живёт, и тем горжусь.
Но будет ли хозяйка рада,
Судить пока я не берусь.

Одинокий пёс

Посёлок дачный как-то сразу вымер,
Забиты окна ставнями всерьёз.
А под забором, в высохшей полыни,
Сидит тоскливо старый рыжий пёс.

Клочками взбита шерсть, больные лапы,
Облезлый хвост, а был красивым встарь.
Глаза уже слегка подслеповаты,
И в них застыла горькая печаль.

А ведь недавно жизни заварушка
Кипела без особенных затей.
И был там пёс весёлою игрушкой
Для дачных многочисленных детей.

Гоняли мяч, и пёс носился кру́гом,
На речку вместе бегали не раз.
И он считался самым верным другом.
Но где живут друзья его сейчас?

Настала осень: слякоть, дождь и лужи.
А с ней посёлок сразу опустел.
И пёс остался никому не нужен.
Бездомным быть – нерадостный удел.

И вот один – голодный и убогий.
А дождь жестоко хлещет, словно кнут.
С тоскою пёс взирает на дорогу,
С надеждой, что за ним вот-вот придут.

Не верит он, что бессердечны люди,
Но убеждён: жизнь очень хороша,
И что его однажды приголубит
Такая ж одинокая душа.

Страница автора
www.facebook.com/ludmila.denissova

Александр Коломийцев

Зональное, Алтайский край

Кеша

Рассказ

Щенок был белым, с лоскутами чёрных пятен. Морда – широкая, со светло-коричневыми щеками и ушками. Ото лба до самой мочки носа шла белая полоса. Коричневые пуговки глазёнок настороженно, даже с испугом смотрели на издающих непонятные звуки людей. Ещё час назад в куче таких же широколобых братишек и сестрёнок щенок грелся у тёплого маминого бока, бегал возле собачьего домика, толкался, покусывал хвостики собратьев. Жизнь была прекрасна и удивительна. Час назад огромное двуногое существо – такое огромное, что увидеть его всего можно было лишь когда оно приседало на корточки, – взяло его на руки и подняло высоко над землёй. Щенок глянул вниз и от страха зажмурился. Его посадили в картонную коробку. Здесь было темно, щенок не видел ни мамы, ни братиков с сестрёнками. Переносной домик качался, вселяя страх. Щенок свернулся комочком и тихонько поскуливал.

К его облегчению, утлый ящик перестал бултыхаться. Существо с привычным запахом, и потому в эти минуты ставшее родным и близким, передало его чужому существу, незнакомому, внушающему тревогу и опасения. Ласковые пальцы почесали за ушками, погладили спинку. Щенок успокоился, завилял хвостиком. Его поставили на ноги, пододвинули к самому носу миску с тёплым молочком. Молоко понравилось, и щенок вылакал миску до дна.

Ночевал он в будке, в ворохе колкой соломы. Ночью раздавались страшные звуки, шорохи, кто-то ходил рядом с будкой. Щенок ждал, что вот-вот неведомое страшилище вытащит его наружу и пребольно искусает. Он зарылся в солому, сжался комком. Ему стало жалко себя, такого махонького, одинокого и беззащитного. Он тихонько скулил и по-собачьи плакал.

Утром вчерашний незнакомый голос несколько раз произнёс: «Кеша». Щенок высунул морду из будки, надежда не оправдалась. Ни мамы, ни братиков с сестрёнками поблизости не было. От горькой тоски щенок взвизгнул и забился в дальний угол будки. Хозяйка настойчиво повторяла: «Кеша! Кеша!» Просунула руку внутрь будки и вытащила упирающегося всеми четырьмя лапами щенка наружу. Рядом с будкой стояла миска с молоком. От голода у щенка начались спазмы в животике, и он с жадностью вылакал молоко. Хозяйка чесала за ушками, гладила спинку, приговаривала: «Кеша, Кеша!» и другие непонятные слова. На сытый желудок тоска притупилась.

На второй день щенок понял: когда говорят «Кеша», нужно поскорей бежать к хозяину или хозяйке – дадут что-нибудь вкусненькое, приласкают, поиграют. Играть ему очень хотелось, но играли с ним редко и недолго. Он уже стал привыкать к одиночеству. Вместо братиков и сестрёнок друзьями становились хозяин и хозяйка. Щенок уже знал, его зовут «Кеша». Если во дворе играть не с кем, надо выйти на улицу. Вдруг там, за забором, бегают братики и сестрёнки.

Щенок пролез под воротами, сторожко огляделся. Перед ним расстилался огром-

ный мир. По улице взад-вперёд ходили люди. Кеша подбежал к одному человеку (ведь люди дают что-нибудь вкусненькое или играют с ним), понарошку ухватил за штанину. Хозяйка всегда смеялась, когда он так делал. Незнакомец ничем не угостил, не почесал за ушком (людям почему-то нравится это делать), а пнул ногой. Кеша пролетел пару метров и шмякнулся на бок. По улице промчалось гремящее свистящее чудище, оставившее после себя дурной запах. Из распахнутой настежь соседской калитки, гремя цепью, выскочил громадный пёс и грозно залаял на чудище. Мама всегда лаяла на таких чудищ. Ещё она лаяла на чужих собак, если они пробегали рядом с забором или пробирались во двор. Лаяла, прямо ужас как лаяла. «Значит, и я должен облаять этого пса», – подумал Кеша и приблизился к четвероногому соседу. Припав на передние лапки, Кеша несколько раз тявкнул тоненьким голоском. Пёс повернул голову, засмеялся и вернулся в свой двор. «Хорошо бы его за уши потрепать или за хвост потаскать», – щенок даже представил, как он это делает, и решительно направился к чужой калитке.

Пёс сидел в будке, выставив из неё голову с раскрытой пастью, в которой виднелись огромные острые зубы. При виде щенка он рявкнул басом и щёлкнул страшными зубами. Дрожь прошла по тельцу щенка, хвостик сам собой улёгся между задними лапками. Кеша взвизгнул и, не чуя под собой ног, опрометью бросился прочь, на ходу оборачивая назад голову – вдруг зубастое страшилище попробует его догнать. Пробежав с десяток метров, перепуганный беглец врезался в кочку, перевернулся через голову и распластался на земле, раскинув в стороны лапки. Несколько минут Кеша лежал, приходя в себя. «Как-то неуютно на улице, – сама собой пришла мысль. – А дома, наверное, хозяйка молочка налила. Посмотрит, посмотрит, что нет меня, и сама вылакает».

Шли дни. Кеше очень хотелось завести друзей, с которыми можно бегать взапуски, бороться, понарошку покусывать друг друга. Щенку подумалось, может, хитрые люди где-то спрятали маму и братиков с сестрёнками. Он отважно ходил по двору, обнюхивал землю, обследовал сарай, баню, залазил во все закоулки. Постепенно горечь утраты заслонялась новыми впечатлениями. Щенок уже с радостным повизгиванием устремлялся навстречу вышедшим во двор хозяевам. Если те куда-то торопились и оставляли его без внимания, бежал следом, хватал за ноги, приглашая заняться чем-нибудь интересным. Хозяин и хозяйка дрыгали ногами. Кеша давился от смеха и, не выдержав, заливался весёлым звонким лаем.

Погода сменилась. Примчался злой ветер с дождём и колким снегом. На удивление хозяевам, щенок не прятался в будке, а ходил по двору, помахивая хвостиком. Тёплая шубка из густого меха лишь намокала снаружи, не позволяла ветру холодить тело. Да и как можно сидеть в будке и оставить двор без присмотра. Непогода унялась, ветер стих. С неба опускались белые лохматые лоскутки. Кто-то неведомый играл со щенком. Кеша весело взлаивал, подпрыгивал и ловил зубами снежинки. Снег укутал землю пухлым одеялом. Кеша бродил по этому одеялу, разгребал и совал в него нос. Люди говорили, что вернулась зима и как это неприятно. Хозяйка убеждала щенка сидеть в будке и не мочить ноги. Хозяин смеялся и говорил, что из щенка вырастет настоящий охотничий пёс.

Засияло тёплое солнце и растопило снег. Двор покрылся лужами. Кеша попробовал воду из каждой. Хлопая крыльями, на огород садились огромные чёрные птицы с большими клювами и долбили землю. Это был непорядок. Двор принадлежал Кеше. Только он мог разгуливать по нему и рыться в земле. Хорошо бы схватить чёрную птицу и как следует потрепать её. Кеша опасался больших клювов – таким долотом и голову продолбит, – но и оставить птиц без внимания не мог. Если их не прогнать, как он будет выглядеть? С ним

никто и считаться не станет. Приблизившись к птицам, Кеша припадал мордой к земле, рычал и взлаивал. Взмахивая огромными крыльями, птицы поднимались в воздух и садились на берёзу. Кеша гордился собой. Но едва он уходил проверить, что делается возле сарая и бани, птицы опускались на землю, и всё повторялось. Кеша бдительно нёс вахту и только делал вид, что уходит на другой конец двора. Покоя птицам не было, и они переместились в другой двор. Вместо них появилась другая птаха – чёрно-белая, поменьше и не такая страшная. Кеша решительно направился к ней с намерением задать хорошую трёпку. Птица не улетала, скакала по огороду и без умолку насмешливо стрекотала. Чёрно-белая птица (хозяйка называла её «сорокой») вела себя донельзя нагло. Она не только дразнила своим скаканьем и неумолчным стрёкотом, но и таскала из Кешиной миски смоченный в молоке хлеб. Забот у Кеши было полон рот, не до игр – только успевай поворачиваться.

Из соседних дворов приходили кошки. Кеша помнил, что мама не только лаяла на них, но и пыталась поймать. И лишь цепь, удерживавшая её, спасала кошек от расправы. Щенок нутром чуял, кошки – заклятые враги собак. В отличие от маминого, Кешин лай не побуждал кошек бросаться наутёк. Вздыбив шерсть, они угрожающе поднимали переднюю лапу и злобно шипели. Кеша был упрям и решителен. Не прекращая лаять, щенок бегал вокруг кошки, пока та не вспрыгивала на забор или не взбиралась на берёзу и шипела оттуда. Кроме охраны двора от птиц и кошек, была ещё одна немаловажная забота. Требовалось из всяких закоулков вытаскивать тряпки. Над тряпками Кеша отводил душу. От них только клочья летели. Хозяин почему-то сердился, говорил «Фу!» и шлёпал по морде.

Однажды приключилась беда. Среди зелёной травки появились жёлтые цветочки. На цветочки опускались странные снежинки. Во-первых, посидев на одном цветке, перелетали на другой, во-вторых, снежинки были не белые, а коричневые, в-третьих, непонятные снежинки жужжали. Дело требовало немедленного расследования. Жужжание вызывало опасение. Кеша решил вначале потрогать снежинку лапой, а потом на вкус. Лапка ещё не коснулась снежинки, как та взлетела и впилась щенку в лоб. Кеша никак не ожидал, что у такого маленького существа могут быть такие огромные и острые зубы. От боли щенок визжал, катался по земле, тёрся мордой о землю. Не понимая, что с ним происходит, забился в дальний угол будки и пролежал до вечера, жалобно поскуливая.

Вольная жизнь Кеши заканчивалась. Из милого неуклюжего щенка, бегавшего боком, он превращался в молодого пёсика. В весёлом щенячьем лае прорезывались басовые ноты. Его проказы уже не умиляли хозяев, а вызывали у них неудовольствие. Хозяин говорил «Фу!» и шлёпал по морде всё чаще. Поведение людей вызывало у Кеши недоумение. По его щенячьей логике, он делал то, что от него ожидалось. Но это почему-то сердило людей. Они перекапывали землю, разделяли её на длинные прямоугольники и что-то закапывали. Ведь ясно же, если люди что-то закапывают, значит, он должен это найти. Это новая игра: они прячут, он находит. Кеша порылся в одном месте, в другом, но ничего не нашёл. После бесплодных поисков сел у крыльца в ожидании хозяев. Вышедшая хозяйка не приласкала, как обычно, ахала, звала мужа. Тот схватил Кешу за загривок, подтащил к грядке, совал носом в свежевырытые ямки, говорил «Фу!» и больно шлёпал. Кеша понял: бегать по грядкам и рыться в земле нельзя. Понимать – понимал, но ноги сами несли его на запретную территорию. По грядкам бегать нельзя, а где можно? И потом, если ему нельзя, значит, никому нельзя. Но грачи, сороки, другие серые птицы как ни в чём не бывало расхаживали по грядкам, долбили землю. На Кешин лай не обращали никакого внимания. Поразмышляв, Кеша решил поймать хоть одну наглую птицу и отдать хозяину на расправу. После бесплодной беготни, прыжков по заповедной территории, бдительный сторож

улёгся на травке, высунув язык. Оказалось, люди совершенного иного мнения насчёт птиц, и Кеше опять досталось.

Терпение хозяев иссякло. Хозяйка повесила во дворе белье. Ветерок шевелил длинные полотенца, рубахи, простыни. При порывах ветра бельё призывно хлопало. Кеша никак не мог остаться равнодушным. Он лаял, подпрыгивал, щёлкал зубами, но бельё оставалось недосягаемым. В этот раз его зубы уцепились за полотенце. Висеть и раскачиваться из стороны в сторону было здорово, просто восхитительно. Прищепки не выдержали и полотенце вместе с проказником упало. Третье полотенце Кеша обернул вокруг головы и бегал по двору, наступая на противоположный конец. Заслышав скрип двери, высунув из чалмы нос, подбежал к крыльцу – пригласить хозяйку покачаться на простынях. Кеша пытался рассказать, как это здорово, висеть на полотенце, но хозяйка не слушала и говорила что-то гневное, а хозяин задал хорошую трёпку.

Через полчаса хозяин подозвал подросшего щенка, угостил кусочком колбасы и затянул нечто мерзкое на шее. Кеша визжал, катался по земле, тёрся головой и шеей о камни, углы дома, сарая, бани, но не смог избавиться от гадости, оскорбившей его достоинство. На глазах у хозяина подтащил к забору тряпку, накрывавшую ступеньки крыльца и которую ему строго-настрого запрещалось трогать, вытянулся на ней и пролежал в тоске и скорби до вечера. Ему смутно припоминалось, на маму тоже был надет ошейник, а ещё на ней была цепь, не позволявшая бегать по двору.

Неизбежное случилось. Хозяин пристегнул один конец цепи к ошейнику, а второй – к будке. Кеша лаял, визжал, катался по земле, рвался прочь, но не мог избавиться от привязи. Оскорблённый, он улёгся в дальнем конце будки. Ведь он так любит хозяев, а они не поняли его любви и так коварно с ним поступили. Из глаз его текли слёзы.

2019 г.

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/forum/35-2648-1
www.proza.ru/avtor/kolomijzev

Рекомендуем книгу автора

Начало

Исторический роман

Суровую реальность, суровый край и суровое время отразил на страницах книги «Начало» Александр Коломийцев. Действие повести развивается во времена царской России. В деталях показан людской быт, взаимоотношения, мечты, стремления и даже говор, присущий той эпохе. Повествование перемежается описаниями волшебной алтайской природы. Но во главе угла стоит жизнь рудника: тяжёлая работа, старые технологии и нововведения, сложности, с которыми приходится бороться каждый день, и трагедии, которые иногда случаются.

Валерий Лепов

Якутск

Собачье счастье

1

Бежать по лугу
в минус сорок пять –
какая блажь,
подумаешь вначале, –
и лишь потом,
войдя, как в ритм,
в раж,
несёшься,
лапами отвагу
выражая,
вздымая снег,
как дух самой зимы,
ноздрями чуя
тайны мирозданья,
которые сокрыты,
будто кость,
и ждут отрытий
чудных
и вгрызаний.
Не копится
внутри собаки ум.
Глаза стареют
мыслью несусветной.
Уносят в сон задумчивый
и светлый,
где нет ни конуры,
ни холодов.
Где нет времён
и даже нет пространства,
где навсегда и всюду
без обмана
царит любовь, и целая
страна собак
и добрых их хозяев
покрыта вкусным летом
без изъяна.
И там живут
запретные мечты,
презренное в миру
собачье счастье
и вера в бесконечную дыру,
в которой всё
что хочешь
раскопаешь.

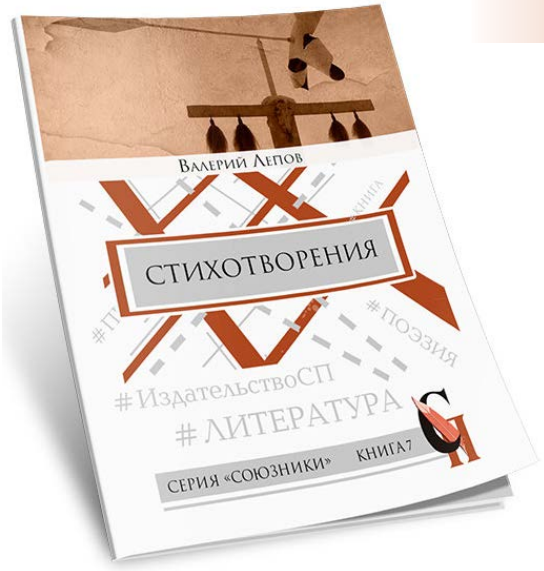
2

Собачье счастье,
кажется,
простое.
Ему не нужно
знать календарей.
Оно в пробежке
каждой
на просторе
и в чуткости
к хозяину видней.
Пускай сверкает солнце
и теплеет
снаружи,
не сидится в конуре,
и можно притвориться
королевой,
пока дворец из снега
не сопрел.
Полаять,
наслаждаясь
вечной сказкой,
не знающей
ни месяцев,
ни лет,
и жить сейчас
любовию и лаской,
чтоб снова ждать
в безвременье момент.

Четвероногим

Четвероногим
долгий век
не нужен.
Зачем он им?
Не пахнет
хорошо.
С воспоминаниями
будет мозг
недужный –
не даст
ни преданность,
ни силу
и ни рост.
Гораздо лучше,
если
твой хозяин
вечен,
в его руках –
еда
и поводок.

Идти к нему,
как к солнышку,
навстречу,
в последний раз
поднявшись, –
это долг
и счастье,
заповеданное
младшим…
Но не
поэтому
я глажу
морду пёсью, –
а ведаю
ответное чутьё
и умный взгляд,
который верит просто,
и говорит,
и боль твою
уймёт.



Рекомендуем книгу автора

Стихотворения
Серия «Союзники»

Кол-во страниц: 24
Формат: А6
Обложка: мягкая

Издание в каталоге
knigi-market.ru/3804

Андрей Пучков

Сосновоборск, Красноярский край

Котя

Котя проснулся очень рано, когда в доме ещё все спали, но было уже светло, и он лежать на одном месте больше не мог. Его лапки, видимо, тоже проснулись, потому что они сами подхватили его и начали прыгать по дому и ловить пылинки, пляшущие в лучиках солнца. Напрыгавшись, через приоткрытую входную дверь они вынесли его на улицу.

Выбравшись на крыльцо, Котя уселся и начал разглядывать свои лапки. «Какие они у меня самостоятельные! – удивился он. – Бегут куда хотят, даже у меня спросить не успевают, куда мне самому-то надо бежать!»

Вот и сейчас лапки слушать его не стали, а попрыгали вместе с ним со ступеньки на ступеньку, до самой земли. Допрыгав туда, куда им было надо, лапки потрогали травку, росшую возле крыльца, и поскакали в сторону огорода. В огород Котя не хотел, и стал разворачивать их в другую сторону. Лапки сначала упирались, но наконец послушались и побежали во двор. Однако они всё равно не могли угомониться и перепрыгивали через всё, что попадалось им на пути, – через камешек, через веточку, через верёвочку…

«Нет, так дело не пойдёт. – подумал Котя. – Если они будут так скакать и дальше, я ничего толком и разглядеть-то не смогу!» И он заставил лапки идти шагом. «Ну вот! – обрадовался Котя. – Теперь всё хорошо видно, и ничего не прыгает вверх и вниз».

Пока Котя был занят своими лапками, он не заметил, как подошёл и упёрся носом в большу-у-ую мохнатую гору, которая дышала и сопела.

Котя удивился и потрогал гору лапкой. Гора была мягкой, и это ему понравилось! Тогда он решил на неё забраться. Но гора была слишком крутой, к тому же всё время шевелилась и не давала ему за себя зацепиться. Поняв, что с этой стороны на гору он залезть не сможет, Котя решил обойти её, и тогда увидел, что у неё есть нос! Тот смешно зашевелился и стал его обнюхивать. Котя попробовал забраться на этот нос, зацепившись за него лапками. Но в этот момент нос, закончив обнюхивать Котю, чихнул, и Котя с него свалился. Зато он увидел, что у горы, кроме носа, оказывается, есть ещё и глаза! Эти самые глаза удивлённо смотрели на него, а над ними шевелились два торчащих вверх уха.

– Ты кто такой? – удивлённо спросил Котя. – У тебя, как и у меня, есть ушки и глазки, значит, ты тоже Котя?!

Глаза теперь уже совсем удивлённо вытаращились на Котю.

– Нет! – басом ответила гора. – Я Палкан!

Котя обрадовался:

– Значит, я тоже Палкан!

– Это почему вдруг? – опять удивился Палкан.

– Потому что у меня, как и у тебя, есть ушки и глазки!

И лапки Коти сами по себе начали прыгать вокруг Палкана.

– Нет, ты совсем другой, – вздохнул Палкан.

– А кто же тогда я? – расстроился Котя.

– Я не знаю, – с очередным вздохом ответил Палкан. Он, конечно же, знал, кто такой

этот непоседливый Котя. Но также он знал и то, что если ответит ему на один вопрос, тот задаст другой, а потом ещё вопрос и ещё… И тогда Палкан не сможет выспаться! Потому что у детей вопросы никогда не заканчиваются. Вернее, заканчиваются только тогда, когда дети засыпают, а этот спать явно не собирался.

– А как же мне тогда узнать, кто я такой? – спросил Котя.

– Иди, вон, за калитку, на улице погуляй и поспрашивай у кого-нибудь ещё, – зевнув, ответил Палкан и, положив голову на лапы, закрыл глаза.

– А вот это что такое? – спросил Котя и, поставив лапки на край чего-то круглого, заглянул туда.

– Это моя миска, а в ней вода, – пробормотал Палкан, не открывая глаз. – Пью я её иногда… – И громко засопел.

Поняв, что Палкан с ним больше разговаривать не будет, Котя поскакал в сторону калитки, а потом вдруг остановился и задумался: «А кто такая эта “улица”? И как на ней гулять? Наверное, на неё надо будет сначала забраться, а потом уже гулять по ней? И где мне её найти?» Однако, рассудив, что вопросов у него слишком много, а отвечать на них всё равно некому, Котя добежал до калитки, пролез под ней и выбрался со двора на улицу.

«Ой-йо-йо! – подумал Котя, осмотревшись. – Какое тут всё большое! И где, интересно, эта улица может находиться? Где я её искать должен? А как она выглядит? А как я её узнаю, когда найду?» Котя посидел ещё немного возле калитки, размышляя, откуда у него в голове столько вопросов берётся, но, поняв, что и этого он не знает, решил перебежать дорогу и посмотреть, что находится там, дальше.

А за дорогой, под горкой, было что-то большое, гладкое и блестящее. И Котя, решив посмотреть, что это такое, поскакал под горку. Добежал он быстро, залез на камень и стал рассматривать, что это такое перед ним оказалось. Наконец смотреть ему надоело, и он потрогал блестящую поверхность лапкой. Лапка намокла, и Котя, соскочив с камня, отбежал подальше, уселся и стал трясти ею, а потом вдруг понял, что это. Он видел то же самое в миске у Палкана.

«Значит, это чья-то миска, и кто-то приходит сюда пить!» – подумал Котя и опять забрался на камень. А потом он подумал, что этот «кто-то», наверное, очень большой, если у него такая огромная миска! Пока Котя думал, на соседний камешек из миски выпрыгнуло что-то зелёное, с вытаращенными глазами.

– Ты кто? – удивился Котя.

– Лягушка! – ответила лягушка.

– А что ты в миске делала?

– В какой миске? – удивилась уже лягушка.

– Вот в этой, – ответил Котя и ткнул лапкой в сторону озера.

– Это не миска, это озеро! Живу я в нём!

И вдруг Котя увидел, как под водой к берегу что-то подплыло.

– Ого! – опять удивился Котя. – Это опять ты, что ли, сюда пришла?

– Нет! – вздохнув, ответила лягушка. – Я вот она, сижу тут перед тобой, а это рыба, она тоже в озере живёт!

Рыба тем временем высунула из воды голову и открыла рот.

– Ой! Смотри! Смотри! – забеспокоился Котя. – Какой у неё рот большой, она, наверное, сейчас ка-а-ак заорё-ё-ёт!

– Да не будет она орать. Не переживай, рыбы вообще всегда молчат, – ответила лягушка, но увидев, что Котя ничего не понял, вздохнула и добавила: – Ну ладно, пора мне, заболталась я тут с тобой, – и прыгнула в воду.

Котя остался один. Лягушка уплыла, рыба, так и не заорав, тоже уплыла. Ему стало скучно, и тогда он решил посмотреть, а что же там дальше, за этой огромной миской. И побежал по тропинке в лес.

Но далеко Котя убежать не успел: едва он только забежал в лесок, как на его пути появился пень. Недолго думая, Котя забрался на него и стал с высоты пня осматривать окрестности. И тут же увидел кое-что интересное! Он разглядел, что совсем недалеко под небольшим кустом сидит кто-то серый, с длинными ушами. Коте стало интересно,

кто это такой, и он, спрыгнув с пня, побежал под куст, чтобы поближе рассмотреть, кого это он увидел!

– А ты кто такой? – спросил Котя, остановившись возле этого длинноухого. – И что ты здесь делаешь?

– Я заяц! – ответил ушастый. – Грызу здесь морковку! А вот кто *ты* такой? И почему ты такой невоспитанный и невежливый? – уставился заяц на Котю круглыми глазами.

– А я ещё не знаю, кто я такой, – смущённо ответил Котя. – Бегаю вот, стараюсь узнать! А что такое «воспитанный» и «вежливый»? – спросил Котя зайца. – Что это значит?

– Это значит, что когда ты с кем-нибудь встречаешься, вот как, например, со мной, ты должен поздороваться!

– Это как? – удивился Котя.

– Ты должен сказать «Здравствуйте», а если встретился со своим приятелем, можно сказать «Привет».

– И всё? – обрадовался Котя. – И я тогда сразу стану воспитанным и вежливым?

– Конечно нет! – сказал заяц. – Этого мало. Когда будешь уходишь от кого-то, ты должен сказать «До свидания», когда тебе что-нибудь дадут, надо сказать «Спасибо», а если будешь что-то просить, надо говорить «Пожалуйста».

– Ой-йо-йо! Как это сложно! – удивился Котя. – Я сразу всё и не запомню!

– Конечно не запомнишь, – усмехнулся заяц, – но от тебя ведь никто и не требует сразу всё запоминать! Ты должен всегда помнить только одно: нужно быть вежливым и воспитанным!

– И всё? – опять удивился Котя. – Помнить только это?

– И всё! – довольно ответил заяц. – Если будешь это помнить, то вежливые слова сами собой у тебя в голове запомнятся!

– А что такое «грызть морковку»? – опять спросил Котя у зайца.

– Грызть – это значит есть, – наставительно ответил заяц, подняв вверх переднюю лапку.

– Нет! Есть – это значит лакать! – не согласился с зайцем Котя.

Заяц не стал спорить, он отпрыгнул от морковки и предложил Коте:

– Ну давай, попробуй, полакай морковку. Посмотрим, что у тебя получится!

Котю долго упрашивать не пришлось, он сразу подбежал к ней и начал лакать! Он облизал всю морковку, но она никак не хотела попадать в рот! Она крутилась, вертелась, каталась, Котя носился с этой морковкой по всей полянке, пока в конце концов не устал. Тогда он уселся рядом с зайцем и сказал:

– У тебя какая-то неправильная еда!

– Почему это вдруг?! – засмеялся заяц.

– Еда должна быть беленькой, она должна быть в блюдечке, и она должна липнуть к язычку! – вздохнул Котя. – А твоя еда к язычку не липнет, она от него убегает!

– Это потому что у каждого своя еда, – ответил умный заяц.

– Это как понять? – оживился Котя.

– Ты свою еду лакаешь, я свою еду грызу, а корова, например, свою еду жуёт!

– А лягушка что делает? – вспомнил вдруг Котя про озеро.

– Лягушка свою еду глотает, – терпеливо ответил заяц. – Всяких там мошек и червячков.

– А рыба как ест? – не унимался Котя.

– Рыба ест то же самое, что и лягушка. Она глотает мошек, – вздохнув, ответил заяц, которого Котя уже начал утомлять своими вопросами.

«Фу! Какие они, наверное, невкусные, эти мошки и червячки!» – подумал Котя и поморщился.

– Ну ладно, побегу я дальше, – сказал он зайцу и вприпрыжку поскакал по тропинке дальше.

– Подожди! – закричал вдруг заяц. – Ты же должен быть вежливым!

«А ведь и правда, – подумал Котя, – я ведь совсем забыл, что об этом надо помнить!» Он вернулся к зайцу, помахал ему лапкой и крикнул:

– До свидания!

– До свидания, до свидания, – улыбнулся заяц и тоже махнул Коте лапой.

Котя вприпрыжку бежал по тропинке, радуясь тому, что лапки бегут туда, куда он

хочет! Но вот лапки перестали его слушаться и увели его с тропинки в лес, где Котя опять уткнулся носом в какую-то мохнатую гору. Побегав вокруг горы и не определив, где у неё начало, а где конец, Котя остановился и поздоровался:

– Здравствуйте!

– Привет! – раздалось откуда-то сверху.

– А мы с тобой приятели? – обрадовался Котя.

– Нет, мы с тобой даже не знакомы. Я тебя вообще первый раз вижу.

– А почему тогда ты неправильно со мной здороваешься? – спросил Котя.

– Это почему вдруг неправильно? – удивился голос.

– Надо говорить «Здравствуйте», – ответил Котя. – Так будет вежливо.

– Хорошо, – согласился голос, – следующий раз я скажу тебе «Здравствуйте». А вот скажи, пожалуйста, почему ты разговариваешь с моим хвостом, а не со мной? Это, знаешь ли, тоже не очень вежливо!

– Как это, с хвостом? – удивился Котя, – У меня тоже есть хвостик, но он у меня разговаривать не умеет!

– Вот именно, что не умеет! Поэтому развернись в другую сторону и беги к моей голове.

Котя развернулся, послушно побежал в сторону голоса и вскоре прибежал к такой же голове, как и у Палкана.

– А я тебя знаю! – обрадовался Котя, – Ты Палкан!

– Это почему вдруг ты так решил? – удивилось голова.

– А потому что у тебя такие же ушки, носик и глазки, как и у Палкана!

– Нет-нет, я не Палкан! Мы с ним просто похожи.

– А кто ты тогда?

– Я волк!

– А как тебя звать?

Волк задумался, сел, почесал задней лапой за ухом, а потом сказал:

– Меня так и зовут, Волк!

– Значит, ты волк, которого зовут Волк? – обрадовался Котя.

– Можно сказать и так, – согласился волк.

– А кто тогда я такой? – спросил Котя?

– Честно говоря, – стал отвечать волк, – я не знаю, кто ты такой. Я таких, как ты, ни разу не видел! А ты бы у Палкана спросил, он в деревне живёт, он должен знать!

– Я спрашивал, но Палкану некогда было, – грустно вздохнул Котя. – Ему спать надо было. Ну ладно, дальше я побегу, – взбодрился он, – а то я тут с тобой заболтался совсем!

Он сказал волку «До свидания» и побежал по тропинке дальше.

Котя весь день бегал по лесу. Он повстречался с белочкой, с бурундуком, даже крота видел. Но никто из них не знал, кто он такой! Котя расстроился и подумал, что пора бы уже и домой возвращаться. Он хотел побежать назад, но вдруг понял, что совсем не знает, в какой стороне у него остался дом.

Котя встал на задние лапки и стал осматриваться. Откуда-то сверху раздался стук – «тук-тук-тук-тук», а потом опять – «тук-тук-тук-тук». Котя обрадовался и побежал в ту сторону, откуда этот стук доносился.

«Ага, я уже где-то рядом! – подумал Котя. – Сейчас, я это “тук-тук” найду!» И тут ему прямо на голову что-то посыпалось. Котя от неожиданности отскочил в сторону и замотал головой, пытаясь стряхнуть с ушек то, что упало на него сверху. Отряхнувшись, Котя посмотрел вверх и увидел, как кто-то ползает по стволу дерева и стучится об этот ствол головой. «Ой-йо-йо-й! – испугался Котя, – Он же себе так голову об ствол разобьёт!» Ему стало жалко беднягу и он закричал:

– Эй ты! Не надо головой об ствол биться, она у тебя заболеть может! Спускайся, давай вниз! Э-э-э-эй, слышишь! Давай быстро вниз! Я с тобой здороваться буду! Э-э-э-э…

Но не успел Котя даже опомниться, как вдруг перед ним с шумом кто-то приземлился. Котя испугался и, мяукнув, спрятался за дерево.

– Ты чего так меня пугаешь?! – возмутился он. – Я сначала должен с тобой поздороваться, а уже потом ты должен меня пугать!

– Ну хорошо, давай, поздоровайся, – согласился этот кто-то.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался Котя.

– Здравствуйте! – так же вежливо ответили ему.

– А ты кто? – полюбопытствовал Котя.

– Я дятел!

– А дятел – это кто?

– А дятел – это птица.

– Ты посмотри, что ты со своим носом сделал! – сказал Котя. – Ты его совсем об это дерево испортил! Смотри, какой он у тебя стал длинный и твёрдый!

– Ничего я с ним такого не сделал, – ответил дятел. – Он у меня таким и должен быть!

– Носик должен быть мягким, – сказал Котя и потрогал свой носик лапкой. – Вот как у меня!

– Это у тебя он такой должен быть, – сказал дятел. – А мой должен быть твёрдым, крепким и большим.

– А зачем это? – удивился Котя.

– Что бы им пробивать кору и делать дырки в стволах деревьев!

– А зачем? – опять спросил Котя.

– Я выискиваю под корой и в стволах деревьев всяких жучков и червячков, которые заводятся там и портят их, отчего деревья потом начинают болеть! Я их нахожу и съедаю, а когда их совсем не остаётся, деревья поправляются и живут потом долго!

– Понятно, – вздохнул Котя. – Значит, ты помогаешь деревьям?

– Можно и так сказать, – ответил дятел и почесал лапкой свой клюв.

– А ты случайно не знаешь, кто я такой?

– Нет, не знаю, но я таких, как ты, в деревне видел. Так что тебе там надо поспрашивать.

– Да я бы поспрашивал, – опять вздохнул Котя, – но дорогу туда найти не могу.

– Я тебя завтра выведу, – сказал дятел. – А то сейчас уже темнеть начинает, а в темноте совсем можно заблудиться! Поэтому ты сейчас залезай вон под те большие листья. Под ними можно, как в домике, переночевать.

– Спасибо! – сказал Котя и обрадовался тому, что не забыл быть вежливым. А потом забрался под большие лопухи, свернулся калачиком и уснул.

Утром Котя проснулся от того, что опять услышал «тук-тук-тук». «Опять дятел об дерево головой бьётся!» – подумал Котя, потянулся и вылез из-под лопухов. Дятел увидел его сразу же и, подлетев к нему, сказал:

– Я полечу вперёд и буду садиться на деревья перед тобой, а ты беги к тому дереву, на котором я буду сидеть!

Дятел вывел Котю на тропинку довольно быстро. Тот вчера просто не успел убежать далеко в лес.

– Тебе вот в эту сторону надо, – сказал дятел Коте и показал крылом, куда именно надо бежать. – Если перепутаешь, опять в лес убежишь!

– Не перепутаю! – обрадовался Котя. – Спасибо тебе большое! – И побежал по тропинке, но вдруг остановился и крикнул: – До свидания! – И опять припустил по дорожке со всех лап!

Он бежал, бежал, бежал, долго бежал, даже уставать начал, как вдруг узнал место, где встретился с волком. «Ещё надо немножко пробежать!» – подумал Котя и опять побежал, побежал, побежал, пока не выскочил на полянку, где лакал морковку.

«Ну вот! Ещё чуть-чуть поднажать, и я прибегу!» – решил Котя и опять побежал. Очень скоро он пробежал мимо озера, где видел лягушку и рыбу, перебежал через дорогу, увидел свою калитку, быстренько пролез под ней и наконец-то очутился в своём дворе!

– Я дома! Я дома! Я дома! – закричал Котя и увидел, как к нему бежит его хозяйка.

– Ну, вот видишь, Маша! Всё с твоим котёнком в порядке, ничего с ним не случилось, вернулся этот непоседа, живой и здоровый! – сказала мама Маши и, подняв котёнка, отдала его девочке. – Иди, накорми его, а то слышишь, как орёт!

А потом Котя наелся молока так, что еле таскал своё пузико! А когда Маша взяла его на колени, Котя опять свернулся калачиком и, уже засыпая, подумал о том, что он теперь знает, кто он такой! А ещё он подумал, что завтра снова выберется во двор и опять найдёт там много интересного!

Константин Реннер

Новосибирск

Бельчонок Кеша и тайна лесного дуба

Многие сказки начинаются со слов «В некотором царстве, в некотором государстве…». Ещё больше начинаются так: «Давным-давно…» или «Жили-были…». Сказочники знают, как увлечь читателей. Я же расскажу совершенно правдивую историю, которую мне поведал её герой, возвратившись из своего невероятного путешествия.

Итак, познакомьтесь: нашего героя зовут Кеша, это бельчонок. Я знаю его давно, с тех самых пор, как четыре года назад бельчонка с пораненной лапкой подобрал в парке мой знакомый мальчик Гоша. Бельчонок (тогда ещё без имени) сидел на сломанной берёзе, жалобно пищал и закатывал глазки. От жалости у Гоши едва не покатились слёзы. И мальчик, подхватив рыжий комочек, скорее побежал домой.

Дома, увидев раненого бельчонка, родители задумались. Во-первых, можно ли держать белку дома? Во-вторых, что делать с пораненной лапкой? И, в-третьих, как его назвать? На первые два вопроса помог ответить знакомый ветеринар. «Держать можно», – сказал он. На лапку наложил шину. А на третий вопрос ответил: «Думайте».

И стали всей семьёй думать. Папа внимательно посмотрел на маму и сказал:

– На медвежонка похож.

Затем ещё раз взглянул на маму и добавил:

– Определённо медвежонок. Назовём его Миша.

– А мне кажется, – сказала мама и посмотрела на папу, – он похож на поросёнка. Это Чуня.

– Какой же это поросёнок? – удивился папа. – Он мохнатый, это Миша.

– Нет, – сказала мама, – это мохнатый Чуня.

– Нет, Миша!

– Чуня!

И так они долго спорили, выкрикивая то «Чуня!», то «Миша!», что стало у них получаться сначала «ЧуняМиша», затем «ЧуняМиха», и в итоге – просто Чуха.

– Хватит вам спорить, – сказал Гоша, – это же Кеша.

– Почему – Кеша? – удивились родители.

– Просто так.

И все согласились. Так Кеша получил своё имя.

Я частенько болтаю с Кешей, когда прихожу в гости к Гоше и его родителям. И смею вас заверить, что не встречал ещё такого умного и правдивого бельчонка, как Кеша.

Известно, что бельчата – очень большие хвастуны и любят приукрашивать свои подвиги. Особенно, когда спорят с зайцами. Я сам слышал в парке, как бельчонок хвастал, что за день переспорил двух зайцев, ни разу не отвлекаясь на еду. В то время как зайцы по очереди грызли морковки с листьями белокочанной капусты. Кеша всегда рассказывает только правду и только то, что с ним случилось на самом деле.

А случилось вот что…

Каждое лето в конце августа, перед тем, как Гоше нужно идти в школу, он с родителями уезжает на неделю в деревню к бабушке. Бельчонка тоже берут с собой. Кеша с нетерпением ждёт поездки целый год. И в день отъезда от радости с утра начи-

нает шуметь и прыгать по стенам, полкам и шкафам.

В этом году всё опять повторилось – Кеша заскочил даже на люстру. Он так бурно радовался, что его пришлось поймать и посадить в клетку. В ней Кешу и отнесли в машину.

В машине бельчонок успокоился и, пока ехали по городу, не проронил ни звука. Только когда въехали в лес, попросил выпустить его, пообещав быть умненьким-благоразумненьким. Кешу выпустили. Он запрыгнул Гоше на плечо и сидел тихо-тихо. Вертел во все стороны головой и лишь иногда подсказывал Гошиному папе нужный поворот или восхищённо цокал, увидев в расступившемся лесу усыпанную цветами поляну.

И тут…

Да, друзья, я вынужден произнести самую обычную для невероятных приключений фразу: «И тут произошло ужасное событие». Да, произошло. И именно ужасное. А всему виной был заяц, внезапно выскочивший на дорогу. Кеша заметил его раньше других и закричал что было мочи:

– Осторожно, заяц!

Гошин папа, резко притормозив, повернул руль в сторону, машину подбросило на кочке, и… Кеша вылетел в окно. Он скатился кубарем по обочине в высокий папоротник и налетел головой на берёзовый пень.

Увы, наш герой не слышал, как Гоша закричал:

– Папа, Кеша потерялся!

Не слышал, как завизжали тормоза машины, не видел, как все вышли и стали искать и звать его. И как, не найдя Кешу, хмурый папа усадил зарёванного Гошу и расстроенную маму в машину и они поехали дальше. Он ничего этого не видел и не слышал, потому что, ударившись о пень, потерял сознание.

Бедный Кеша!

Бельчонок лежал, раскинув лапки, скрытый листьями густого папоротника. Он ещё не очнулся и потому не знал, что остался совсем один в незнакомом лесу. Кеша даже не предполагал, какие приключения выпали на его долю, сможет ли он когда-нибудь найти своих друзей и вернуться домой.

Бедный Кеша…

Вдруг он почувствовал, что кто-то его трясёт. Наш герой открыл глаза и увидел перед собой, во-первых, зайца – виновника своего несчастья, а во-вторых, белочку с красивыми кисточками на ушках и белыми лапками.

– Наконец-то! – воскликнул заяц. – А то я трясу-трясу… Нет, вы видели?! Как она на меня набросилась! Я направо – и она направо, я в сторону – и она на меня! Такая большая красная шишка! Ах, что было бы, если бы не моя знаменитая реакция!

– Чего-чего? – не понял Кеша.

– Коська говорит, что шишка – красная, а реакция у него – знаменитая, – сказала белочка. – Это он хвастается.

– А кто такой Коська? – спросил ничего не понимающий Кеша.

– Ну, знаете! – взвился заяц. – Так меня ещё никто не оскорблял!

Он фыркнул и поскакал в лес, бормоча на ходу: «Кто я такой! И это после всего, что я для него сделал! Ужас!»

– Конечно, ужас, – согласился Кеша. – Например, ужасно хочется есть.

– Ты больно ударился? – спросила белочка.

– Не очень, – Кеша потрогал лоб, – шишки нет, лапы целы. Желудок, правда, пустой. А вообще, я где?

– В Караканском лесу.

– А где Гоша с папой и мамой?

– Кто-кто? – переспросила белочка.

– Ну… мои люди.

– А-а, люди… Уехали!

– Как уехали?! А я?

И в этот момент Кеша вспомнил всё. Как сидел на Гошином плече. Вспомнил про выскочившего зайца, крики, затем резкий поворот машины и свой кувырок на обочину дороги. «Значит, меня потеряли…» – подумал он.

Бельчонок ужасно расстроился и стал думать, как бы себя пожалеть, но от этого есть захотелось ещё больше.

– Что же делать? Кто меня будет кормить? Я такой голодный! Я хочу домой! – заныл храбрый Кеша.

А кто бы не заныл на его месте? Остаться одному в чужом лесу, без всякой надежды вернуться домой. От этой мысли кто угодно заноет!

Но тут разозлилась белочка.

– Интересное дело! – сказала она и посмотрела на солнце. – Мы разговариваем пять минут, а ты раз десять сказал, что тебе есть хочется. Это некультурно.

– Действительно, интересное дело, – сказал уязвлённый Кеша и тоже посмотрел на солнце. Известно, что белки не носят часов из-за того, что те цепляются за ветки. И поэтому научились хорошо определять время по солнцу. – Если быть точнее, мы разговариваем семь минут, а про еду я сказал всего три раза!

Кеша хмыкнул. Он хотел было поправить на носу солнцезащитные очки, и уже повёл лапкой к носу, но обнаружил, что очки – чудесные солнцезащитные очки! – пропали. Одновременно с очками исчез висевший на шее медальон, на котором были написаны имя и адрес Кеши. Настроение у бельчонка вконец испортилось, и он сердито проворчал:

– У нас в городе воспитанные белки предлагают гостям угощение.

– А я тебя в гости не приглашала! – ответила белочка.

И это было правдой.

– Ты сам сюда скатился! И вообще, откуда ты взялся?

Кеша хотел промолчать, но тогда это было бы невежливо, а Кеша был очень вежливым бельчонком. Можно было бы сказать неправду, но наш герой был честным. Поэтому он решил ответить как-нибудь уклончиво… Что-то типа… Да, вот так в самый раз:

– Я выпал из машины.

Никогда в жизни Кеша не слышал, чтобы кто-нибудь так долго и громко смеялся. Он смотрел на солнце и считал, сколько времени смеётся белочка. Прошла одна минута, потом ещё одна и ещё минута, а белочка продолжала кататься по земле, хохоча и повторяя слова «машина» и «выпал».

Кеше это надоело, он стал изучать верхушки деревьев и их огромные стволы, каких не увидишь в городе. Он рассматривал большие тёмно-зелёные лапы сосен и елей, но и это ему надоело. И он уже хотел было перевести взгляд на землю, но тут увидел… шишки. Да! Большие шишки, набитые орехами! А так как он был очень голоден, Кеша мгновенно запрыгнул на дерево, сбил две штуки и тут же спустился на землю. Услышав звук падающей шишки, белочка перестала смеяться, встала на лапки и увидела, что Кеша грызёт аппетитные орешки.

– Как тебя зовут? – спросила белочка.

– Иннокентий. Моё имя переводится как «невинный», но для друзей я просто Кеша.

– А меня зовут Белая Лапка, имя никак не переводится, а назвали так потому, что у меня белые лапки. Смотри!

И она протянула Кеше свои ослепительно белые лапки, от вида которых у городского бельчонка почему-то бешено заколотилось сердце и мгновенно пропал аппетит.

– Хо-хо-хочешь орешков? – заикаясь, спросил Кеша, а про себя подумал: «Интересно, почему стал заплетаться язык?»

– Спасибо, – сказала Белая Лапка и принялась грызть вторую шишку, – вы очень любезны.

«Скорее надо в город, скорее! Вот только как найти Гошу?» – подумал бельчонок.

– А ты хочешь вернуться в город? – спросила Белочка.

– Это моё самое большое желание!

И тут Кешу осенило! До чего же это просто: он будет сидеть у дороги, и когда Гоша с родителями поедут обратно, его обязательно заметят. Вот только когда они поедут обратно? А если они поедут другой дорогой? Как же это узнать?

– Я знаю, кто тебе поможет, – сказала белочка. – По-дыл-бан!

– Кто-кто? – не понял Кеша.

– Сам всё увидишь. Подылбан спросит у лесных птиц, лесные птицы спросят у до-

машних, домашние птицы спросят у домашних животных, домашние животные спросят у мышей. А мыши знают всё! Видишь, как просто.

– Вау! – только и смог вымолвить Кеша. Он от радости забрался на ближайший пенёк и объявил:

– Песня весёлая, исполняется громко!

– Подожди-подожди, ничего не исполняется. Может, Подылбан не захочет тебе помочь.

– Почему?

– Он… Он… – Белая Лапка замялась. – Он странный. Да ты сам увидишь.

– Подожди, а разве звери и птицы понимают друг друга? – удивился Кеша.

– Эх, сразу видно, что ты из города. На самом деле все звери – белки. Зайцы – это серые короткохвостые белки, которые давным-давно разучились лазить по деревьям. Медведи – большие бурые белки, которые очень любят мёд. Лисы – большие рыжие белки, которые…

– Стоп, я понял! – сказал Кеша. – А люди – большие бесхвостые белки, которые ходят на задних лапах.

– Нет! Люди не белки. Люди – это охотники!

Кеша удивился:

– Какой же Гоша охотник? Он добрый, и мама у него добрая, и папа. Они лечили меня, когда я сломал лапку. Правда, у Гоши есть игрушечное ружьё…

– Вот видишь! Запомни: из маленького охотника вырастет большой, а игрушечное ружье рано или поздно выстрелит. И попадёт в белку! Хотя… ещё есть бурундуки…

– А разве бурундуки – это не те же белки, только бурундуки? – спросил Кеша.

– Нет!

– Всё понятно, – сказал Кеша, – ты, Белая Лапка, очень хорошо объясняешь. Пойдём скорее к этому… Как его зовут?

– К Подылбану!

Бельчата запрыгали по верхушкам деревьев. Всю дорогу Кеша очень гордился тем, что принадлежит к славному племени белок. «Как же здорово, – думал он, – что все звери – белки. И лисы, и волки, и даже слоны!» Кеша видел слонов по телевизору. Они огромные, больше автобуса. А ещё у Вадика, друга Гоши, дома живёт большая лягушка. Он как-то приносил её с собой. Бр-р-р-р!.. Интересно, а рыбы, змеи, комары, червяки – тоже белки? Кеше не хотелось, чтобы червяки оказались белками.

– Скажи, Белая Лапка, а жаба – белка?

– Конечно, зелёная водяная белка.

«Ну, с Белой Лапкой всё ясно, – решил Кеша. – Надо будет обо всём спросить у Подылбана».

Бельчата спустились на Большую поляну, в центре которой росли два огромных дуба. Словно близнецы-братья, привыкшие с самого детства быть вместе, они тянули друг к другу свои толстые ветви, покрытые густой зеленью. В стволе дуба, того, что рос слева, было дупло. В дупле жил филин. Звери Караканского леса между собой называли это дерево Филин-дубом, а у его брата-близнеца было прозвище Подылбан. Откуда оно пошло и что означает, никто не знал, но так срослось это прозвище с огромным дубом, что передавалось из поколения в поколение.

В последнее время Подылбан вёл себя странно. Он… заговорил. Да-да, старый дуб разговаривал! Голос шёл из глубины дерева и разносился по Большой поляне. Подылбан часами нёс несусветную чушь или пересказывал лесные сплетни. Обычно перед ним собиралась небольшая группа зверей – послушать разговоры, но сегодня сидел только Рыжий Хвостик, младший брат Белой Лапки.

– Как он сегодня? – спросила белочка у Рыжего Хвостика.

– Пока молчит, – ответил брат.

Кеша с сомнением посмотрел на новых знакомых. Они вообще в своём уме? Где это видано, чтобы дерево разговаривало? Но в этот момент из глубины того дуба, что рос справа, раздался голос:

– Внимание! Говорит Подылбан! Передаю сигналы точного времени. Сейчас два часа: ку-ку.

Белая Лапка захихикала, а потрясённый Кеша произнёс:

– Не может быть…

– Может, ещё как может! Я что, сказал «ку-ку»? Ой, извините! Два часа: му-му!

Белочка засмеялась ещё громче. А из дупла соседнего дуба послышалось недовольное ворчание.

– Там Филин спит, – сказал Кеше Рыжий Хвостик.

– А вот и не спит! – прокричал Подылбан.

– Угу-угу! – подтвердил Филин.

– Уважаемый Подылбан, помоги городскому бельчонку вернутся домой, – попросила Белая Лапка.

– Не помогу, я на него обиделся.

– За что? – удивился Кеша.

Дуб не ответил.

– За что вы на меня обиделись? – переспросил Кеша.

Но дерево больше не проронило ни слова. Лесные бельчата убежали по своим делам, а Кеша остался на поляне один – идти ему всё равно было некуда.

Ночь в лесу

– Скажите, а у вас в городе есть мэтро́?

Кеша вздрогнул. Рядом с ним уселась большая чёрная Ворона.

– Здравствуйте. Да, есть, – ответил Кеша.

– Какое красивое слово – «мэтро»… – мечтательно протянула Ворона. – А можно купить мэтро? Я бы хотела сделать инвэстиции в нэдвижимость.

– Ничего не получится, метро – очень даже движимость, – возразил Кеша. – К тому же оно, наверное, дорогое.

– Но у меня есть срэдства, – сказала Ворона. – Смотри.

Ворона раскрыла мешочек, и на солнце заблестели ложки, зеркальце, монеты и даже… Не может быть! Среди вороньих «богатств» бельчонок увидел свой медальон, на котором были написаны его имя и адрес.

– Мой медальон! – закричал Кеша и вцепился в мешочек.

– Караул! Грабят! – закричала Ворона и потянула мешочек на себя.

– Отдай мой медальон! – Кеша тянул мешочек в свою сторону.

– Ой, смотри! – сказала Ворона и показала на небо.

– Что такое? – Кеша взглянул в указанном направлении.

В этот момент Ворона сильно дёрнула мешочек и взмыла вверх.

– Обманула, ха-ха-ха! – прокричала она и добавила: – Какое красивое слово – «мэдальон»!

Догнать Ворону было невозможно, поэтому Кеша сел и стал ждать, когда заговорит Подылбан.

Ночь в лесу наступает быстрее, чем в городе. В лесу нет фонарей, неоновых огней и рекламных вывесок. Здесь едва солнце скроется за верхушками деревьев, как зверьё прячется по норам, а птицы разлетаются по своим гнёздам. Лес замирает до самого утра. Все спят.

В тот вечер не спал только храбрый Кеша. Вокруг становилось всё темнее, бельчонок внимательно всматривался в тёмный круг дупла. Глаза у него закрывались. Внезапно Кеша увидел Гошу! Да, своего лучшего друга Гошу! Только мальчик вёл себя как-то странно – почему-то выскочил из дупла, встал на четвереньки и принялся скакать вокруг дерева. Гоша скакал всё быстрее и быстрее, постепенно превращаясь в зайца. Вот уже и уши стали вытягиваться, и хвостик появился, а он всё скакал и скакал. Наконец, заяц Гоша остановился, встал на задние лапы и закричал:

– Чух-ух-чух!

Кеша очнулся, протёр лапками сонные глазки и подумал: «Ну, и приснится же такое!»

– Чух-ух-чух! – раздалось вновь. Только звук на этот раз был гораздо громче.

Из дупла уже по-настоящему вылетела чёрная тень и метнулась вокруг поляны. Кеша взобрался на самую верхушку дерева и в свете луны увидел, как тень кругами стала подниматься все выше и выше. Наконец,

плавно поплыла над деревьями прочь от него. Бельчонок пустился вдогонку. Прыгая в темноте, почти наугад, с ветки на ветку, Кеша старался не упустить из виду чёрное пятно, которое всё удалялось. И вдруг – вот удача! – Кеша увидел, что тень стала спускаться.

– По… подождите! – хотел крикнуть Кеша, но получилось: «По… Подылбан!»

И в ответ услышал совсем удивительное и неожиданное:

– Ну, сколько можно?! Целый день только и слышу: «Подылбан, Подылбан!» Теперь ещё и ночью? Хватит!

– Фи-фи-филин… – разочаровано протянул Кеша.

– Представьте себе, Филин! И очень горжусь этим.

– Очень жаль…

– Что такое?

– А вы не знаете, почему заговорил соседний дуб?

– И знать не хочу!

– Но ведь дуб мешает вам спать.

– Угу-угу! – согласился Филин.

Кеша задумался:

– Минуточку… А давно это началось?

– Сейчас вспомню… Да, точно… Как дождик в четверг прошёл, так и началось. То дуб завоет, то звери закричат: «Подылбан, Подылбан!» Это игра такая? Что за правила? Не понимаю!

– Я тоже, – сказал Кеша.

– Ищу теперь новое дупло, – продолжил сердитый Филин. – Я уже присмотрел одно, только тесное и неудобное. Но делать нечего, придётся переселяться… Эх, как бы я хотел, чтобы всё было как прежде! Тихая поляна, мой дом…

– Эх, я тоже хочу как прежде, – вздохнул Кеша. – Как мне вернуться к людям? Я даже не знаю, когда они поедут обратно в город. Белая Лапка сказала, что Подылбан спросит об этом у лесных птиц, лесные птицы спросят у домашних, домашние птицы спросят у домашних животных, те спросят у мышей, а мыши знают всё. Жаль, дяденька Филин, что вы не можете мне помочь…

– Мыши? Ха-ха-ха! – рассмеялся Филин. – Я сам спрошу у мышей. Уверяю тебя, бельчонок, они мне всё расскажут! Мышки! Вы здесь?

– Мы здесь, мы здесь! – раздался писк со всех сторон.

От неожиданности Кеша вздрогнул, увидев вокруг сотню испуганных глазок, которые заворожённо смотрели на Филина. Мышей было так много, что казалось, земля ожила и покрылась серым пушистым ковром.

– Что ты хочешь знать? – спросил Филин у Кеши.

– В ближайшей к вашему лесу деревне стоит дом. Там живёт бабушка, к ней приехал мальчик Гоша с родителями. Во дворе красная машина.

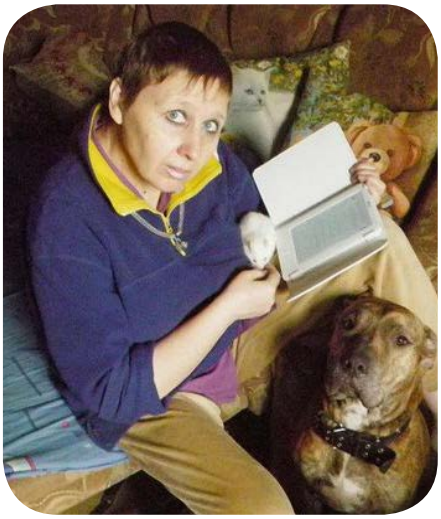
– Слышали? Узнайте, когда мальчик Гоша с родителями будет проезжать обратно по лесной дороге. Обещаю несколько дней на вас не охотиться. Всё, марш отсюда!

– Ура! – обрадовался Кеша. – Я помогу вам вернуться в дупло, а вы поможете мне вернуться домой!

Филин взмыл в ночное небо, а бельчонок, свернувшись в клубочек, заснул на ветке могучего дерева. И в этот самый момент на поляне мелькнула чёрная тень, похожая на заячью. Хотя откуда ночью взяться зайцу?

(Продолжение следует)

Страница автора
vk.com/k_renner



Иоланта Сержантова

Москва

Молитва

«Бог и молитва» дают любому шанс быть услышанным.
С. Н. Боев

Рыбак сидит и отдыхает, тупо уставившись на поплавок. Не клюёт. Мимо идёт женщина с козами.

– Хозяйка, здравствуйте!

– Здравствуйте…

– Где тут рыбачить, не подскажете, а то второй час сижу, и никакого толку.

– …

– Какая тут рыба?

– На мой взгляд, несъедобная, – сообщила женщина и, подгоняя своё многочисленное стадо, убралась восвояси.

***

– Муха, муха! Лови! Лови скорее!

– …

– Ты растяпа! Она потирала ручки прямо перед твоим носом!

– Ну и что?

– Такая вкусная, сладкая, сочная весенняя муха.

– В жизни не всё измеряется мухами.

– Ага, ну конечно.

– Эта муха имеет такое же право понежится на солнышке, как и все мы.

– Она – звено пищевой цепи! – рыба невольно поразила своей осведомлённостью.

– Ты тоже, – парировала лягушка.

– Она живая!

– Представь себе, она может упрекнуть нас в том же!

– Ты лицемерка!

– Это ещё отчего?

– Да оттого, что ты ешь мух! Ешь и не краснеешь! А сейчас, под настроение, заявляешь о равенстве прав!

– Знаешь, я думала, что ты умнее.

– Если ты считаешь, что я глупа, не разговаривай со мной!

– Не дури.

– Ты думаешь, что глупых можно обижать, а умных нет, могут ответить?

– Прости! Я не хотела тебя расстраивать! Но не путай, пожалуйста, необходимость поддерживать себя в форме и убийство!

– В своём ли вы уме, Ваше Высочество?!

– Не юродствуй, рыбица! Когда мы с мухой сидим рядом, играем солнечными бликами, мы равны.

– Тьфу ты. Заладила. Каким манером?!

– Да таким! Мы отдыхаем. Я сыта, не на охоте, муха тоже. Зачем мне ловить её? Чтобы выплюнуть?! Какая в том радость? Мы не люди.

– Ну, хотя бы так, про запас!

– Я не умею есть иссохших недвижимых позавчерашних мух. Не воспринимаю их. У меня рука не поднимется позавтракать ими. Точнее – рот не откроется!

– Фу-ты ну-ты, какие мы нежные.

– Да, я такая!

Разговор на время прервался. Весенний лес звучал неумело и нежно. Оркестр насекомых был ещё неполон. Кто-то зевал спросонья, иные настраивали инструменты и натирали подтаявшей канифолью смычки. Но, в противовес панике осенней эмиграции, это выглядело (звучало!) прозрачно и достойно. Солнце выдувало из вязкого воздуха пузы-

ри, а те лопались, оставляя на поверхности пруда разводы. Лягушка грелась на берегу, её левую ногу ополаскивали частые волны. Их, как куличи из песка, лепила яркая маковая рыба с белым родимым пятном на лбу. Она шалила, шумно выдыхала в блюдце пруда, словно купчиха, что из кокетства студит свой чай. Иногда рыба хулиганила, полоща рот палевой прудовой водой и время от времени щипала лягушку за пятку. А той было лень убирать ногу из воды.

– Ой! Зачем это? Опять?!

– Иди купаться!

– Отстань.

– Ну ныряй же!

– Отвяжись, кому говорю.

– Не отстану, не отлипну, не отвяжусь! Вода вполне себе ничего!

– Ой! Ты чего это?!

– Тьфу! А чего?

– Зачем ты меня кусаешь?!

– Я так тебя зову!

– А…

– Ну пойдём порезвимся, а?

– Да греюсь я, пойми ты меня, пожалуйста! Гре-юсь!

– А долго будешь?

– Не знаю.

– Как это?! Почему ты не знаешь, когда согреешься?

– Потому что.

– Это не ответ!

– Это честный ответ! Я не хочу тебя обижать враньём и неопределённостью, потому так и формулирую. К тому же солнце обмывает облака в тазу неба, развешивает их сушиться. Делается пасмурно, ветер простужается моментально и мне становится зябко.

– И ты опять мёрзнешь…

– Таки да! Я теряю часть тепла, что уже скопилось. Кровь стынет в жилах, меня тянет в сон…

– Эге-гей! Не спи, а то почки застудишь! Тебе мама не говорила, что на камнях сидеть опасно?

– Говорила, что надо ловить тепло, где только возможно.

– Ну уж и ловить. Это тебе не бабочка. Его сачком не поймаешь. Оно или есть, или его нет.

– Кто бы говорил. Ты тоже не пропустишь волны тепла. Прикоснёшься, понежишься.

– И так же, как и ты, быстро зябну, от того меньше двигаюсь и меньше ем.

– И не толстеешь!

– И не толстею…

– Счастливая конституция у тебя, однако.

– Обмен веществ-с таков. Я тут ни при чём.

– Ой! Да что ж это такое, в самом деле!

– Ага!

– Что «ага»?! Ты опять меня щиплешь за пятку!

– Хочу и щиплю! Иди купаться!

– Рано!..

Собака стояла подле и слушала милую болтовню своих старых знакомых. И никак не могла определить, что это – препирательство или дружеская перебранка. Из окна красивыми злыми глазами за ней наблюдал кот. С нежностью и жалостью. Едва кот открыл рот, чтобы подозвать собаку поближе, та подняла на него глаза и помотала головой:

– Молчи лучше, я сама подойду.

Переместившись поближе, собака спросила:

– Плачет?

– Ещё как.

– Ты серьёзно?

– Куда уж серьёзнее. Все говорят ей, что грешно убиваться из-за такой грязной шавки, как ты.

– А она?

– Говорит, что ты лучше всех. И плачет.

– М-да. Вот дела…

– Лицо опухло, глаза тают, как льдинки, видит плохо.

– Это от слёз.

– Ещё бы.

– И как быть?

– Я не знаю…

– Но ведь надо что-то делать!

– Надо…

– Мурчишь?

– Ещё как!

– Носом о щёку трёшься?

– Ежедневно!

– Слёзы со щёк слизываешь?

– Приходится…

– Это как?

– Невкусно.

– Ты плохо стараешься.

– Делаю, что могу! Я не собака…

– Ну-ну, не обижайся.

– Да не обижаюсь я. Просто не знаю, как быть…

– Знаешь ведь ты, хитрюга. Потому и позвал.

– Ну, в общем… не совсем. Посоветоваться надо.

– Говори.

– Помнишь, когда…

И кот поведал, что сразу после того, как тело собаки, приобретшее качество и состояние, подробно описанное танатологией, было укутано и упрятано в надёжном и грустном месте, с хозяйкой стали происходить странные вещи.

Несмотря на то, что лежанку собаки убрали в сарай, хозяйка не перестала обходить это место на полу. Она не могла себя заставить наступить туда, где некогда был уголок её любимицы. Перемалывая кофе, несла к кофеварке и порывалась дать понюхать собаке свежий аромат. Очищая яблоко, срезала шкурку потолще, чтобы угостить любимую мымру, и с той же целью оставляла приличные куски мякоти на сердцевине…

– Она стоит у раковины и спиной ощущает твоё присутствие, понимаешь? А в гостях надкусывает конфетку и прячет в карман, чтобы тебя угостить!

– Да мне этого уже не надо.

– Заткнись ты!

– А чего? Приятно, ничего не скажешь! Но я теперь такого не ем!

– Понятное дело, но надо что-то с этим делать, понимаешь?! Прошу прощения за многословие.

– Ты думаешь, она сошла с ума?

– Дура ты. Я думаю о другом.

– О чём?

– Я думаю, как не сойти с ума мне! От того, что приходится наблюдать… У меня болит всё тело от сострадания! Ты можешь это понять?!

– Могу.

Собака и кот внезапно замолчали, устремив взор в пространство. Точнее, в прошлое, туда, где хозяйка беззлобно ворчала на собаку, вытирая за ней очередную старческую лужу или дорожку каши от двери на улицу до кухни. Еда то и дело вываливалась из беззубого рта собаки. Вспомнилось, как давала облизать что-то вкусное коту и ей. По очереди. По-братски. И стало совсем тоскливо.

Небо за день так устало, что побледнело. Румянец заката придавал его облику ещё более нездоровый вид. И тут со стороны пруда раздался голос:

– М-да, как говорится, мы идём не тем путём, но в нужном направлении…

Кот вопросительно глянул на лягушку. Та всё ещё сидела на берегу, но молчала. Она лишь задумчиво и укоризненно покачивала головой в сторону собаки.

Говорила рыба, перестилая свой водяной матрас и заканчивая приготовления ко сну:

– Тебе же теперь всё равно, где находиться, так? – уточнила она у собаки.

– Да вроде…

– И тебе жаль свою хозяйку, верно?

– Не то слово!

– И в чём тогда проблема, не возьму я в толк!

– Видишь ли, – вмешался в разговор кот, – по всем канонам душа остаётся в тех местах, где ей было хорошо, первые три дня.

– Ты уверен?

– Так говорят…

– Хорошо, давай разберёмся.

– Не стоит, – вдруг подала голос собака.

– Это ещё почему? – поинтересовалась рыба.

– Мне не по себе.

– Ну, это-то понятно, – охотно согласилась рыба, в последний раз встряхнула

простынь поверхности пруда так, что на ней не осталось ни единой складки, и добавила: – Всё, нам спать пора. Иди и ты ложись.

– Да не умею я. В таком-то виде.

– Не блажи. Умеешь. Учись. Кот дело говорит. Ты же видишь, как ей без тебя плохо.

– Вижу.

– Вот и иди. Будь рядом.

Она не знала, каким манером вошла в дом. Похоже, чтобы сделать это, хватило одной решимости. Не помнила, где была. Но и это было уже неважно. Поводок висел на гвоздике у двери. Намордник лежал тут же, в углу. Прошла на своё место, но отчего-то не нашла его.

«Надо же, совсем старая стала», – подумала она.

Вспомнила, как видела днём хозяйку. Та стояла и плакала, повернувшись лицом к забору. И собака понимала, что плачут из-за неё, но не могла взять в толк, почему.

«Что я опять сделала не так?.. Ах, да. Поторопилась умереть, не дождалась возвращения хозяйки. Не дала возможности попытаться удержать подле ещё немного».

Походив по комнатам, она пару раз стукнулась боком о дверной проём. Отряхнулась. Задела хвостом стену. И это было слышно! Конечно, не так, как раньше, звук приходил с небольшой задержкой, как бы издалека, но он был! Не отыскав места, куда прилечь, собака подошла к кровати, где спали хозяева, и по детской привычке запрыгнула. Матрас скрипнул, ощутимо промялся под её незримым телом.

– Надо же… – удивилась собака.

– Наконец-то! – впервые за долгие дни улыбнулась хозяйка. Слёзы моментально высохли. В полудрёме она ощутила лёгкое пощипывание ниже колен. То были блохи, которых её любимица подцепила прошлым летом.

– Говорила я тебе, не лезь в траву! Так нет же! – улыбаясь ещё шире, заворчала хозяйка и заснула. Счастливой.

Собака. Кто она? Существо, которое живёт не для себя. Ей всегда есть до тебя дело. Она лежит и ждёт случая отразить зеркалом своей души твой взгляд. Ей не всё равно, где ты и что с тобой. И она всегда будет рядом. Если ты нуждаешься в том, чтобы это было именно так.

Страница автора
www.facebook.com/ioly.inform

Матвей Тукалевский

Санкт-Петербург

Манька

Посвящается
моему юному другу Леркину

Манька родилась в лесу. В бетонном лесу. Вы скажете, такого леса не бывает. Нет, бывает! Вернее, был…

На пустыре между нашими домами, где стояли футбольные ворота и пацаны со всех близлежащих дворов гоняли мяч, да так азартно, что к игре порой подключались и взрослые… На пустыре, где росло много пахучей и высокой травы, которая, когда её косили, одуряющее пахла летом, деревней, свободой и просторами, где живёт горизонт… (Тогда уцелевшие бабушки на уцелевших возле подъезда скамейках особенно часто вздыхали и грустно вспоминали прошлое, сознавая, что они уже не выездные.) Так вот, на этом прекрасном пустыре «мудрой и дальновидной» политикой нашего градоначальника, «лучшего губернатора всех времён и народов», – политикой «уплотнения» – было разрешено поставить два небоскрёба, превратив просторный дворовой стадион в машинный двор, где ни футболу, ни детям практически места уже не было. А было место только для тех сооружений, от которых текли денежные ручейки в губернаторский загашник…

Ладно! Сегодняшних «правителей» – калифов на час – истории ещё предстоит оценить.

А наш рассказ о Маньке, о существе, более достойном нашего внимания, нежели градоначальники…

Перво-наперво строительную площадку огородили высоченным синим металлическим забором и поставили будку охранников. Потом там вырыли огромный котлован, и день и ночь ухали сваебойки, забивая множество свай. После этого гудящие панелевозы стали завозить детали будущих домов, а быстро выросшие башенные краны неспешно и важно разгружали эти панелевозы и складировали материалы в нужном для монтажников порядке. Так и вырос бетонный лес, в котором появилась на свет Манька.

Вообще-то, если быть точным, то она не появлялась ни на какой свет, ибо её мать – беспородная кудлатая Жучка – выбрала для своего логова самое глухое и тупиковое место этих бетонных джунглей, куда дневной свет не проникал даже в солнечный полдень. Да Маньке и не нужен был на первых порах никакой свет. Ей было тепло, уютно, вольготно и умиротворённо лежать, зарывшись в свалявшуюся шерсть Жучки, где рядом пахнул сытным парным молоком набухший сосок. С этим соском надо было быть по возможности рядом, а ещё лучше – вообще не выпускать его изо рта, даже во сне. Так как его могли перехватить Манькины братишки и сестрёнки.

…Всё когда-либо кончается. А хорошее – быстрее, чем хочется. И мы меняем

счастливое и беззаботное время рядом с надёжной маминой грудью, где нас, как поёт бард, «никто никогда не ужалит», на неизвестность, вступая в необъятное, часто жалящее нас море взросления…

Взрослела и Манька.

Собственно, тогда она ещё не была Манькой. Мать её звала ласковым и тихим утробным именем, которое ни понять, ни расслышать нам, людям, не дано. А Манькой Маньку назвал один из сторожей – Старик, который больше и чаще других и прикармливал, и ласкал собак. Он дал имена и другим детям Жучки.

Когда Манька подросла, мать вывела её из бетонного леса к стае. На знакомство. Стая была небольшая, но дружная. Вожаком их стаи был крупный пёс Боцман, в крови которого явно присутствовали гены боксёра. Он первым подошёл к детям Жучки и, презирая её явное заискивание и подхалимаж, обнюхал внимательно каждого щенка. Около некоторых он, сморщив нос, чихнул с неудовольствием, а Маньку оглядел строго, но тепло. Даже лизнул её своим большим шершавым языком по мордочке! Даже позволил ей и вытерпел её ответное искреннее и горячее вылизывание его большой и умной морды, испещрённой шрамами былых битв.

После вожака к щенкам Жучки подошёл для знакомства и Чёрный – низкорослый и злобный пёс, который юлил перед вожаком, но за спиной постоянно скалил на него клыки. Ему изо всех щенков, наоборот, не понравилась именно Манька, и он даже намеревался её грызнуть, но, увидев сторожкие глаза Жучки и пристальный взгляд прилёгшего невдалеке Боцмана, спрятал свои жёлтые клыки и равнодушно отошёл в сторону. Потом к щенкам подошли и остальные члены стаи: хромой пёс-подросток Малыш и старая Одинка, которую давным-давно лишили возможности материнства в соседнем гараже, а потом за старостью и вовсе выгнали. Посему она доживала век свой в стае, равнодушная ко всему, порой даже к еде…

Очень рано Манька поняла, что ей надо работать в стае. Стая сложилась из собак, обитавших на бывшем зелёном пустыре, которых либо выгнали, либо потеряли когда-то хозяева. На пустыре стае жилось вольготно и привольно. Одно только огорчало собачью душу – неимение дома, хозяина и возможности быть преданной и служить ему. Поэтому, как только пустырь обнесли забором, стая сразу решила, что эта территория – их дом, а охранники – новые его хозяева, и стала выполнять свои охранные обязанности, преданно помогая сторожам.

Днём, когда шлагбаум то и дело поднимался, пропуская вереницы машин со стройматериалами и рабочими, стая отдыхала вблизи сторожки. Лишь изредка, когда вожак тревожно настораживался, стая принималась активно облаивать постороннего, поглядывая при этом на реакцию сторожа. И сразу утихомиривалась, если сторож был спокоен или окриком останавливал их.

Зато ночью, когда шлагбаум опускался и закрывались железные ворота, отделяя стройку от остального мира, стая чувствовала себя полновластной хозяйкой своей Территории. Она бдительно и рьяно обороняла Территорию от проникновения недобрых людей или озорных пацанов и облаивала тех, кто, по её мнению, слишком близко подходил к забору.

Сторожа менялись, но обязанности, которые добровольно на себя взяла стая, она выполняла старательно. Конечно, все собаки стаи отличали сторожей друг от друга, но признавали в них равных Хозяев Территории. Среди сторожей были и молодые, и в возрасте. Были и ласковые к собакам, и недоброжелательные. Или равнодушные. Но все они признавались стаей Хозяевами, так как те выполняли основную обязанность Хозяев – кормили стаю. Правда, справедливости ради, надо отметить, что корма они приносили маловато. Стае приходилось самой подкармливаться. Собаки делали самовольные вылазки с Территории к мусорным бакам соседнего магазина,

а порой им удавалось поймать зазевавшуюся мышь или какую другую зверюшку. И лишь Боцман имел привилегированную кормёжку. Он издавна рано поутру сопровождал дворничиху соседнего дома и, пока она вычищала мусоросборники, терпеливо сидел рядом, охраняя её, за что ему перепадали порой очень вкусные и сочные куски съедобного.

Дом потихоньку рос, и в стае тоже происходили изменения. Куда-то подевались все братья и сёстры Маньки. Взрослые собаки стаи поговаривали, что их разобрали по домам люди, и отчаянно завидовали щенкам, обрётшим и дом, и хозяев. Манька как-то раз видела, что её брата торопливо запихивал в большую чёрную сумку один из сторожей, только что сменившийся с дежурства, поясняя при этом сменщику:

– Повезу на дачу родителям. Пусть им будет охрана и радость.

Манька не знала, что такое «дача», но по настрою и тональности разговора, по запаху доброты, исходившему от сторожа, уносящего её брата, поняла, что тому улыбнулась удача. Она даже какое-то время пыталась подлизываться к сторожам, ко всем подряд, надеясь, что кто-то обратит на неё внимание и тоже заберёт её на эту самую благословенную для собаки «дачу». Но сторожа в лучшем случае награждали её кусочком пирога или ещё какой вкуснятиной и… никуда её не уносили.

Один только Старик, отлично понимающий собак, заметив её старания, невесело и сочувствующие проворчал:

– Не мылься, Манька, бриться не будешь! Никому ты не нужна такая, «дворянка». Невзрачная, небольшая, кривоногая… Ты уж служи, куда тебя Господь приставил! – и вздохнул…

Потом пошли дни похуже. Из стаи куда-то стали пропадать собаки. Сначала пропала старуха Одинка. За ней исчезла мать Маньки – Жучка… Потом панелевоз раздавил зазевавшегося Чёрного, и его недвижное тело, ставшее вдруг плоским комком шерсти, лежало до вечера на дороге, пока приезжавший под вечер мусоровоз не увёз Чёрного с Территории навсегда.

И хоть на Территории оставалось всего три собаки, это всё ещё была стая. Так как у неё был вожак. Но вскоре ушёл и Боцман. Он окончательно прижился у Дворничихи и теперь появлялся во дворе только в её сопровождении и даже (!) на поводке!

Правда, хоть Дворничиха покрикивала на него иногда, да любила его и кормила сколько влезет. Но когда она спускала его с поводка, он радостно нырял под забор на Территорию и с удовольствием встречался и с Малышом, и с Манькой. Он по-прежнему был сильным и красивым. Он по-прежнему был вожаком стаи. Собаки это признавали и любовались Боцманом. И только когда раздавался зычный и строгий призывный клич Дворничихи, Боцман как-то съёживался, опускал хвост, до этого горделиво закрученный в крендель, и, опустив голову, трусил на зов.

Прежде чем нырнуть под забор в лаз, он как-то грустно и жалобно оглядывался на бывших своих подопечных и едва заметно виновато пошевеливал хвостом. И тогда Малышу и Маньке казалось, что не так уж весело и хорошо Боцману жить у хозяина и в тёплом доме. Казалось, что он иногда тоскует о голодной свободе Территории и не променял бы её на сытую и обеспеченную жизнь в неволе…

Потом произошёл крах их собачьего мира. Территория перестала существовать! Приехавшая бригада рабочих, совершенно незнакомых собакам и говорящих на каком-то гортанном языке, который собаки не понимали, сноровисто и быстро разобрала синий забор, казавшийся таким незыблемым, и, побросав его щиты в машины, куда-то всё увезла. Опять открылся прежний пустырь, только… пустыря-то и не было. Были два дома, таких высоких, что Манька не могла так задрать голову, чтобы увидеть их крыши. Было много асфальта. А за домом раскинулась большая площадка, посыпанная мелким гравием и украшенная по краям газонами с привольно росшей

травой. Но это была не буйная растительность пустыря, а аккуратненькая, словно подстриженная травка, которая пахла чем угодно, но не травой.

И только одно немного успокаивало Малыша и Маньку – то, что сторожа оставались на месте в своей сторожке. Но теперь они не обходили Территорию, а следили только за дверьми нововыстроенных домов и за тем, чтобы дворовые мальчишки не лазили к окнам первого этажа. Малыш и Манька понемногу освоились с новыми реалиями и новыми своими обязанностями. Они опять вместе со сторожами ночью обходили дома и следили за порядком. А днём резвились на новой площадке, на которой рабочие стали устанавливать непонятные невысокие сооружения из разноцветных труб, строить какие-то маленькие домики и короба с песочком.

Песок в коробах очень нравился собакам, они там играли. Но потом площадка начала заполняться маленькими детьми. И Манька, и Малыш очень любили детей. Они всегда с удовольствием с ними играли. Дети пахли добром и молоком. А ещё дети часто что-то ели и у них можно было выпросить кусочек чего-то необыкновенно вкусного. Из благодарности и в игре собаки любили лизнуть ребятишек в лицо. Ребятишкам это нравилось, но не нравилось взрослым, которые кричали и махали на собак, и прогоняли их с площадки. Собаки и не знали, что этой своей доброй игривостью они приближали свой конец. Что новосёлы домов, которых так тщательно и преданно продолжали охранять Малыш и Манька, постоянно жалуются управдому, требуя принять меры…

И меры были приняты.

Однажды вечером Манька лежала в норе, вырытой ею под сторожкой, а Малыш резвился рядом с бумажным пакетом, то нападая на него, то обороняясь. Малыш очень вырос и превратился в большого и красивого пса. Собственно, и Малышом-то теперь его называть было неправильно, но имя даётся на всю жизнь.

А между тем эта самая «вся жизнь» Малыша приближалась к концу…

Первой что-то почувствовала Манька. Какой-то непонятный холодный ужас стал сдавливать её маленькое собачье сердце и заставил поглубже забиться в нору и замереть. Из своей норы она видела, как, играя, прыгал Малыш и как к нему направился из остановившегося чёрного легкового фургона Человек в резиновых сапогах и длинном блестящем фартуке.

В руках у Человека была железная палка и сетка. Приблизившись к Малышу, человек поднял палку и направил её на пса, который, заигравшись с пакетом, ничего не замечал. Раздался негромкий хлопок, и Малыш, как-то неловко перевернувшись в воздухе, упал на землю рядом с пакетом. Он попытался встать, и сжавшаяся от замораживающего страха Манька встретила его взгляд. Непонимающий и страдающий. Потом глаза Малыша закрылись, он устало опустил на асфальт голову. И, как показалось Маньке, облегчённо вздохнул.

Чёрный фургон подъехал ближе к лежащему Малышу. Из кабины вышел второй человек, и они вместе с Человеком в резиновых сапогах подняли обездвиженного Малыша и бросили его в глубину чёрного кузова, захлопнув дверь. Потом Человек в сапогах огляделся, подошёл к сторожке, обошёл её и даже заглянул в нору, где, сжавшись в неподвижный комочек и забившись в самый дальний угол за сваю, замерла от ужаса Манька.

– Где-то должна быть вторая… – произнёс Человек. И спросил, обращаясь к сторожу: – Где её найти? В заявке указано: «Две собаки…»

Сторож ответил довольно неприветливо:

– А кто ж её знает, где она?! Ищи…

В этот день дежурил Старик. И Манька поняла, что он ни за что не выдаст её Человеку в резиновых сапогах… Но поняла она и другое. Что она теперь осталась одна. Что защитить её не сможет никто. Даже Старик. Что она больше не нужна Территории. Да и самой Территории больше нет. Не нужна

она и тысяче людей, вселившихся в новые дома. Они въезжали в свои новые квартиры со своими породистыми собаками, которые, гремя красивыми и дорогими ошейниками, а то и медальками, её, невзрачную «дворянку», презрительно игнорировали. Её гнали отовсюду. И люди, и собаки, и, глядя на них, даже дети…

Единственным островком, которому она была не противна и вроде даже нужна, оставалась сторожка. И пока сторожка стояла, а сторожа приходили дежурить, Манька была не беспризорная…

Но пришло горькое утро, когда ночной сторож ушёл, а смена ему не явилась. Зато явились рабочие, подъехали автоплощадка и автокран. Автокран поднял вагончик-сторожку и погрузил на площадку. Рабочие покидали туда остатки свай и другой мусор, и площадка медленно потянулась на выезд со двора. Кран – вслед за ней. Тут же подъехал самосвал, и на место, где стояла сторожка и была вырыта Манькой её нора, выгрузил кучу земли. Рабочие споро принялись за дело, и через час от норы не осталось и следа. На её месте чернел новый газон…

Манька осталась сидеть у стены дома, куда отбежала, когда приехали машины. Наступил вечер. Люди потянулись домой. Кто на шикарных машинах, кто пешком. Позже те, кто имел собак, вывели их на прогулку во двор. Манька лежала, не шелохнувшись, и смотрела в одну точку. Туда, где недавно стояла сторожка и была её нора.

Она не реагировала на окружающий мир. Ни на рычание выводимых на прогулку псов, ни на обращения к ней прохожих. Одна старушка вынесла ей на бумажной тарелочке две котлеты, но Манька их даже не увидела.

Она лежала и вспоминала…

Яркие картины её короткой прожитой жизни проходили перед ней, как в кино.

Вот она лежит в своей норе в каменном лесу. А рядом мама Жучка. Тёплая. Надёжная. Сытная.

Вот Боцман признал её своей дочкой и лизнул в нос…

Вот она резвится с Малышом, который тайно был в неё влюблён и всюду старался её защитить…

Вот она лежит в ногах Старика, и он поглаживает ей голову, а она благодарно лижет его руки…

…Была поздняя ночь, когда Манька очнулась от своих воспоминаний. Она глухо застонала. Так стонут люди, когда болит сердце. Потом медленно и задумчиво сжевала котлетки, пахнущие добрыми бабушкиными руками, и, тяжело встав, потрусила на выход из двора, ставшего враз чужим, в перспективу проспекта.

В перспективу неизвестности и новых опасностей…

Она уже не ждала от жизни ничего доброго. Но она знала, что лучше любая новая опасность, чем одиночество…

2 сентября 2009 г.

Страницы автора
www.stihi.ru/avtor/mtodos
www.proza.ru/avtor/todos

Елена Яровая

Георгиевск, Ставропольский край

Дремота

Тихо-тихо, еле-еле
Снег кружится, серебрится.
Распушил иголки елям,
Набелил ресницы лицам.

В сеть зовёт меня компьютер,
Рядом спит моя собака.
И бегут, бегут минуты.
И дремота сыплет маком.

Шумно дышит пёс лохматый,
Чуть подрагивают лапы.
Сон увлёк его куда-то
Через кочки и ухабы.

Вроде нет такой причины,
Чтоб на этом самом месте
Главный не лежал мужчина,
Только нет его, хоть тресни…

Муркина беда

Приближалась ночь. Крепчал морозец.
Впереди не видно никого.
В эту ночь решилась мать подбросить
В дом чужой младенца своего.

Пробиралась в темноте дремотной,
Вздрагивая, прячась, словно тать.
Чтоб себя избавить от заботы,
Чтобы никогда не вспоминать.

Дверь тугая скрипнула немножко.
Из угла у самого крыльца
Жёлтые глаза подъездной кошки
Посмотрели матери в глаза.

А потом в коробке стало двое,
Здесь обретших временный приют.
Где друг друга чувствуют спиною,
Обогреют и не предадут.

Поутру мальчонку увидали,
Поспешили сразу же к нему.
За любовь давала б я медали,
Но медали зверю ни к чему.

Мне, наверно, это будет сниться:
Меж людей сновала целый день,
Жалобно заглядывая в лица,
Серая взъерошенная тень.

Долго у заснеженной дороги
Всё бродила кошка по следам.
И бросалась кубарем под ноги
Муркина огромная беда.

Вожак собачьей упряжки

(Читая Джека Лондона)

Сиреневою дымкой
наметился восход.
Готовы к дальнему походу нарты.
И только лишь хозяин
скомандует: «Вперёд!»,
Сорвёмся мы с заснеженного старта.

Пушистую команду
я за собой веду.
Я здесь вожак, приказа не нарушу.
И чтобы Бог-хозяин
вдруг не попал в беду,
Готов я к подвигу и в снег, и в злую стужу.

Презревшая обиды,
великая любовь
Живёт в глазах у преданной собаки.
И пусть порою в жилах
вскипает волчья кровь –
Она уступит верности дворняги.

Здесь царствуют бураны,
и солнца бледный диск
Едва-едва плывёт над горизонтом.
Здесь радужные блики
в сияние слились
Величественным огнегривым фронтом.

Здесь души легендарных,
прославленных собак
Стоят на страже кладов Эльдорадо,
И возрождают силы,
и прогоняют мрак
Холодных звёзд торжественным парадом.

А необъятной ночью
засыплет всё кругом:
Не видно ни палатки, ни упряжки.
Там, под глубоким снегом,
устроен тёплый дом
Заботливой хозяюшкой-Аляской.

Кого-то манит солнце
над южной широтой,
А я другого счастья не желаю,
Чем мчаться по дороге
с позёмкой ледяной
К полярному неведомому краю!

Светлана Дотц

Новошахтинск, Ростовская обл.

ПОЛНОЛУНИЕ

Мавка

Как же хотела, хотела
Стать ослепительной девой,
Чтобы свежа и румяна,
Чтобы исчезли изъяны.
    Вот и решилась, решилась
    В омут бездонный, на милость
    Водам и чистым, и мутным,
    Телу алкая приюта.
Глядь – и красива, красива!
В стане упругая сила.
Кожа нежна, как желала,
Только вот губы не алы.
    Только нежданно, нежданно
    Всё оказалось обманом.
    И в тишине под сорочкой
    Мёртвого сердца комочек.
Тело не может, не может
Красить отсутствие кожи.
Даже волос водопады
Спину не скроют от взглядов.
    Бьётся о берег, о берег,
    Бьётся, в потери не верит.
    Это был выбор, не жребий.
    Я подарю тебе гребень.

Водяной

Старый сом на дне вздыхает.
Под раздувшейся луной
Всплывший пузом водяной
Выжидает, выжидает.

Рыбий хвост плеснёт лениво,
Закачается слегка,
Зазывая рыбака
Терпеливо, терпеливо.

На воде лохматой сетью
Зелень спутанных волос.
Опустеет мрачный плёс
На рассвете, на рассвете.

Серебристая дорожка –
Света лунного игра –
Растечётся до утра
Понемножку, понемножку.

Волколак

Вот она. Ползёт из леса,
поднимается над ним
растолстевшая принцесса
в чёрном небе. Одержим
тучной девой, словно грёзой,
задыхаясь на бегу
и поддавшись передозу
страсти, воет душегуб.

Вброд по брюхо через реку
переходит кое-как.
В водной глади человека
видит серый волколак.
Отражение глумится
над природным естеством.
Лишь одна луна-девица
не прикроется крестом.

Вытьянка

Не по злой, по доброй воле
Я сегодня выйду в поле,
Не могу я слышать боле
Этот стон и этот вой.
Под холодным лунным светом
Мы с душою неотпетой
От заката до рассвета
Потягаемся с бедой.

И потерянное тело,
Что почти уже истлело,
Что без глаз на нас глазело,
Обнаружим поскорей.
Опущу его в могилу,
Чтоб она угомонила
Эту ноющую силу
Неприкаянных костей.

Валерий Лепов

Якутск

Луна на утренней заре

Луна на утренней заре,
как лёд, светла и холодна,
и россыпь звёзд скользит за ней
в туманной дымке декабря.

Бежит за мною тень моя,
как зверь пушистый в тишине,
и на границе бытия
смеётся сумрачной луне.

А подо мной хвостами рыб
живёт река и дышит лёд –
то гулким эхом зазвенит,
то проскрипит коловорот.

И не подвластно время мне –
то понесётся, то замрёт,
и где-то близко, но не здесь
дверь приоткроется до звёзд.

Луна на утренней заре
истончена уже, как сыр,
и заглянувшие за дверь
летят и тают две звезды.

Страница автора
www.facebook.com/vlepov

Луна смеётся

Луна смеётся, лёжа на боку,
И, окружён кануном Рождества,
Ей город говорит “Merci beaucoup”
За ореол сплошного волшебства,
За радугу по звёздному пути
И льющийся всю ночь молочный свет,
В который так и хочется войти,
Чтоб сбросить сотню промелькнувших лет
И молодым наивным простаком
Остаток жизни налегке прожить,
Не сознавая суженным умом
Былых нагромождений этажи.

Былых нагромождений этажи
Никто не вправе у меня отнять,
Ведь как воспоминания свежи,
Которые во сне таит кровать.
Быть может, там, на этих этажах,
Стоят скелетов полные шкафы
И бродит ангел, изгоняя страх,
Храня любовь и веру для строфы;
И иногда, предчувствуя печаль,
Он дарит людям боль и волшебство,
Чтоб, исчезая, не было бы жаль
Благословлённым лунной красотой.

Благословлённым лунной красотой
На запоздалой утренней заре
Мне мнится золотой античный Тор
На колеснице городских огней.
Едва начавшись, снова гаснет день,
И вновь царит владычица Луна,
Изобразив в горящей красоте
Пейзаж на снежном ворсе полотна.
Туманною прозрачностью мазков
Ложится кисть строкою на строку.
Пока мороз не слишком-то суров,
Луна смеётся, лёжа на боку.

Виктория Никитина

Калининград

Осенние грёзы

Стихами душу изливала
напрасно ночью под луной;
она, печальная, внимала,
качая мудро головой,
и нежно птичка напевала
тогда предутренней порой,
как будто строфы рифмовала,
сгоняла сон, что, как изгой,
кружил вокруг, не понимая,
куда прилечь, – давно пора;
спросонок зорька поднимала
с постели с раннего утра;
бежали дни так незаметно…
вот в тучах спряталась заря,
и улетели птицы спешно
куда-то в дальние края,
всё чаще небо изливало,
словно обидясь, мелкий дождь,
а ночью звездочка стекала,
скользя мне прямо на ладонь, –
и под ногами зашуршали
давно слетевшие листы…
страницы вырвали, смешали
какие воры? Где следы?
Идёт по скомканным страницам
поры предзимья гений злой…
Спешит зима! Её десница
мне чистый лист несёт с сбой.

Не в упрёк

Дарили очи твои звёзды…
Откуда взяться им? – Любовь!
Тебя нет рядом – со мной грёзы…
Но в сердце вдруг вселилась боль,
В глазах поблёскивали слезы…
Померкли звёзды. Снились, что ль?

Нет, это был, увы, не сон!
Теперь, как призрак, навещаешь,
Крадёшься ночью, как шпион.
Лишь о сопернике узнаешь,
Мне в ухо шепчешь: «Уличён!»
И снова страстью обольщаешь…

Нет спаса от опек ночных.
Одна с тех пор. Да ну вас всех!
И вовсе это не в упрёк.
Искала, думаешь, утех?!
Я свой усвоила урок.
Свела судьба нас, как на грех!

Взгляд

Ваш взгляд насквозь сверлил мне спину…
Я обернулась, уходя:
какой-то мачо строил мину,
куда-то в сторону глядя,
а я летящею походкой
скользнула мимо, как звезда…
случайный взгляд мой неохотно
упал в бездонные глаза…
Не помню, как всё закрутилось, –
пронзила молнией нас страсть.
Мне это разве не приснилось:
Свеча сгоревшая… кровать…
под смятой простынёю я,
вся обнажённая, как Маха[1],
одна? И снова чей-то взгляд –
луна огромная с размаха
свалилась с неба за окном,
взглянув с ухмылкою, превратно
метнув искру в бокал с вином, –
исчезло алиби внезапно!

[1] «Маха обнажённая» – картина Франсиско Гойи.

Алексей Абрамов

Москва

Зимняя зарисовка

Днём и ночью бушевала
Лютая метель,
Отдохнула, вновь сыграла
В белую свирель.
Перестала, сил не стало
Вьюжить карусель,
И к утру легла устало
В мягкую постель.
Вышло солнце ярким шаром
В чистую лазурь,
Самоцветы разбросало
В снежную глазурь.
Всё искрится, всё сверкает,
Свет со всех сторон,
И в сугробах тихо тает
Злой метельный стон.

1999 г.

Белый мотив

Белой кистью небо, землю
Расписал мороз,
Всё затихло, ивы дремлют
В прядях белых кос.
Белый дым из труб струится
К белым облакам,
Иней белою ресницей
Падает к ногам.
Воздух жёсткий и колючий,
Ломкий, как хрусталь,
Белой моросью сыпучей
Застилает даль.
Белый голубь жмётся к крыше,
Словно снежный ком,
Клюв захлопнул, еле дышит,
Дрожь под языком.
Спят поля, принарядившись
В белый гобелен,
Спит река, на дно забившись
В свой ледовый плен.
Лишь звенят столбы от стужи
Тонкою струной,
Окаймлённые снаружи
Белой бахромой.

2002 г.

Мечта

Ах, как хочется в небо взлететь,
Сесть на облако одноместное,
Свесить ноги и так полететь
В неизведанное, неизвестное.
Ощутить себя лёгким, как дым,
Тихим ангелом с крыльями белыми,
Неподвластным, почти неземным,
Над массивами окаменелыми.
Тишиной наслаждаться и плыть
По просторам, никем не рассказанным,
Слиться с небом, невидимым быть,
Никому и ничем не обязанным.
Посмотреть с высоты облаков
Вниз на ту суету бесконечную,
Что сложилась в сплетеньях веков
И вошла в нашу жизнь быстротечную.
Покружить на родной стороне
Над селеньем далёкого детства,
Тем, которое тянет к себе,
Как магнит, ностальгия, наследство.
Есть там место, где тихий родник
И трава-мурава возле речки,
По утрам петушиный крик,
Из трубы дома дыма колечки.
Заглянуть за крутой небосвод,
Где и что там хорошее водится,
А у нас здесь совсем не живёт,
Не идёт, не растёт, не разводится?

Обнаружить, где всем нам капкан
Уготован – в горах, на равнине,
Почему неспокойно и там,
Где оружия нет и в помине?

Куда тучи спешат на обед
И с какой стороны прилетают,
Почему, где их ждут, там их нет,
А не ждут – с них дожди заливают?
Кто же там, над морями, парит,
Крутит ветры в тугую пружину,
А потом отпускает, и буря летит,
Всё круша и вздымая пучину?
Отыскать на земле уголок,
Где у каждого счастье до неба,
Где нет подлости, злости и пули в висок,
Всем хватает и песен, и хлеба.
Где измены и зависти нет,
Солнце светит и ласково греет,
Где живут долго – до ста с лишним лет,
Каждый делает то, что умеет.
Зацепиться за радугу, встать,
Пробежаться по клавишам цвета,
Поиграть на них и увидать
Как меняются краски планеты.
Дотянуться до неба рукой,
Подключиться к дыханию вечности,
Разузнать, что нас ждёт и какой
Код от тайн мировой бесконечности.
Оценить беспристрастно себя
В зеркалах поднебесья без края –
Вот такая мечта у меня,
Сумасшедшая, но золотая.

2016 г.

Повторение

Говорила мне мама: «Не спеши, мой сынок,
Не женись ты так рано, поразмысли годок,
Двадцать лет тебе только, погуляй, поостынь,
Чтобы в сладкое “Горько” не вкралась полынь».
Мама всем всегда мама, ей перечить нельзя,
Не хотел быть упрямым, но так вышло, друзья,
Что женился я вскоре, руль судьбы повернув,
С мамой не было ссоры, согласилась, вздохнув.
Двадцать два пролетели, пронеслись колесом,
Спицы жизни вертелись, как реальность и сон,
Снег кружил вместе с нами, в росах спела трава,
Ты права была, мама, и была неправа.
Громко били посуду и сжигали мосты
Мы с женою, покуда не звучало «Прости»,
После долго стирали след обиды с души,
То, что в ссоре теряли, находили в тиши.
Звонко пели бокалы с верхней кромки до дна,
Когда ноты звучали – не разнять, как одна.
Запах терпкой рябины нас берёг и манил,
Он сначала нам сына, потом дочь подарил.
Всё решали мы дружно за семейным столом,
Как и было нам нужно, всех сроднил общий дом,
Но врасплох, как известно, хоть тушите свечу,
Сын сказал: «Вас с невестой познакомить хочу».
Я, как мама, сжав спину, сделав вдоха глоток,
Говорю теперь сыну: «Поразмысли годок,
Двадцать лет тебе только, погуляй, поостынь,
Чтобы в сладкое “Горько” не вкралась полынь».

1982 г.

Инна Андрианова

Калининград

***

Ветра – зимы земное чудо:
Румянят щёки: разве худо?!
Бежит-бежит быстрее кровь…
Быть может, новая любовь
К Вам прилетит на крыльях ветра…
За миллионы километров –
Других планет, миров краса:
Как глубоки её глаза,
Нет, не глаза, конечно, – очи…
Испепелят тоску, и ночи
Окажутся так коротки.
Что дальше – как-то не с руки…
…А месяц новый златогривый
В промёрзших небесах игривый –
Вперегонки с самим собой…
…И в сердце сбой – один, второй…

***

Ветра зимы Вам надоели?
Качнутся стылые качели,
Стряхнут постылое, и вот
Судьба вдруг новый поворот
Вам неожиданно подбросит.
И не предупредит, не спросит.
Но разве непременно плох
Её виток, есть в нём подвох?
Его совсем-совсем не видно,
И сердцу будет не обидно,
Когда чуть слышно, не дыша
Из снов, из грёз его душа
Несмело к Вашей прикоснётся,
И в сердце вновь любовь прольётся.
……
А дни спешат, спешат, спешат…

***

Под Новый год ветра зимы
Становятся чуть-чуть добрее.
Весна под слоем снега зреет.
Младенец – день, в нём меньше тьмы.
И в монастырь моей души
Забытые мечты несмело
Вдруг заглянут из поседелой,
Закрытой на засов глуши.
Вспорхнут ресницы чёрной тучи,
И лёгкий, кружевной, летучий,
Нарочно замедляя бег,
Просыплется на землю снег.
И вот уж всё вокруг иное,
Злой ветер спит, на аналое
Церквушки маленькой простой
Горит свеча. Постой, постой!
Остановись, замри, мгновенье!
Так тихо всё, и только пенье…
Под колокольный перезвон
Неслышно, молча входит он.
Но кто же? Что он принесёт
Надежде робкой – Новый год?!

Евгений Волков

Калуга

Городской Тарзан

Песня

Встречающий солнца рассвет среди крыш,
Живущий в трущобах изгоем безродным,
На глянце открыток его не узришь –
Он там, где безлюдье глухих подворотен.

Он в каменных джунглях нашёл свой приют,
Ему незнаком тёплых комнат уют.
Вся жизнь его сопровождается гимном,
Его темной ночью ветра пропоют:

Припев:
Где высоток океан, смог клубится, как туман,
Где огней ночных канкан…
Го-род-ской Тарзан!

Там армия кошек, там войско собак,
Когтисто-зубасто-послушные стаи.
Герои подвалов и уличных драк
Хозяев не знают, ему подчиняясь.

Он снова встречает на крышах рассвет,
Придуманный мною герой школьных лет
Всем тем, кто читает сейчас, – сам не зная,
Из комиксов детских моих шлёт привет…

Припев.

1993 г. – 11 сентября 2016 г.

Леди Ирина

Песня

Леди Ирина сидит за столом.
Свечи погашены в зале пустом.
Замок большой ей достался в наследство.
Но кто в нём станет её королём?

Девичий стан освещает луна.
Завтра она выбрать будет должна
В пёстрой толпе, что у стен соберётся,
Мужа, которому будет верна.

Только не хочет она выбирать,
И нелюбимого за руку брать.
Жизнь молодую совсем не желает
С жизнью чужою навеки связать.

Вид её холоден, только внутри
Сердце горячее бьётся в груди.
В юной головке решение зреет…
Девушка в окна ночные глядит.

Леди Ирина, милая леди, –
Что не приемлют вчерашние дети:
Правила взрослых и игры чужие.
Хочешь – отвергни, а можешь – прими их!

***
Древние стены плющом поросли,
Лестницу вниз эти плети сплели.
Леди Ирина спускается тихо –
Ждать ни к чему приближенья зари.

Шагом неслышным к конюшням пройдёт –
Впустит охранник, виляя хвостом.
В тёмном загоне любимец-красавец
Ржаньем приветственным встретит её.

Крепких ворот отодвинут затвор.
«Что ж, до свидания, родной милый двор!
Я возвращусь, как судьбу свою встречу…
Ну а пока же прощай до тех пор!»

Леди, ты вольна как ветер, лети.
Где суждено своё счастье найти –
В здешних краях или в странствии дальнем?
Доброго ей пожелаем пути…

2002 г.

Игорь Исаев

Москва

Хандра

Природа грустит и рыдает о чём-то,
Срывая сердито с деревьев листву.
Наверно, пришло снова время расчёта,
Когда не сдержать сожаленья слезу.

Хандрим в трудный час, глядя в серое небо,
И просим у солнца немного тепла.
Пеняем на жизнь, что проходит нелепо,
Как дождик занудный за гладью стекла.

И кажется, нет ни конца и ни края
Сплошной череде постоянных невзгод.
А где-то ведь есть жизнь, возможно, другая,
В которой всем счастье даётся легко.

Но трудно что-либо менять в одночасье,
Срываться куда-то, вставать на крыло…
Искать, бросив всё, своё трудное счастье,
Которое, видно, к другим забрело…

Но ты улыбаешься злой непогоде,
В капели ища отголоски мечты,
Букет прозаичных, но нежных мелодий,
Похожих на то, что без слов любишь ты…

Страница автора
vk.com/igarik66

Снежинки

Хлопья пушистого первого снега
В небе кружатся, чисты и легки.
Хочется встать, утомившись от бега,
Плыть по течению вечной реки.

Думать неспешно, ловя отголоски
Мыслей, событий узорную вязь.
В дальних мечтах создавая наброски,
Тайных желаний непрочную связь.

Хлопья ложатся безвольно под ноги,
Мигом теряя свою чистоту.
Время сурово подводит итоги,
Нас заставая на шатком мосту.

Надо идти, позабыв всё, что было,
Бросив сомненья лежать на земле.
Бремя возможностей в дымке уплыло,
Слабо блеснув на немытом стекле.

Робко снежинка упала в ладони,
Вспыхнула искрой, растаяв в момент.
Все мы чуть-чуть в этом мире фантомы –
Вроде бы есть, а как будто и нет…

Полёты во сне

Опять рассвет в мой сон ворвался,
Стирая созданные замки,
Едва осознанные знаки, –
И образ сказочный распался.
Пытаюсь вспомнить отголоски,
Восстановить обрывки ленты…
Собрать в единые букеты
Волшебных запахов наброски.
Ещё плыву, скользя, сквозь время,
Пытаясь чудом задержаться…
Но нет сейчас такого шанса,
Чтоб чуть замедлить ход явленья.
Всего мгновенье я летала,
Но в тех мирах – возможно, вечность,
Крылом пронзая бесконечность
С истомой близкого финала…
Растаял сон, как наважденье,
В лучах пронзительного света.
Я беззащитна и раздета,
А боль в спине – как от паденья…

Александр Норенков

Дзержинск, Нижегородская обл.

Межсезонье

Заискрились берёзы узором,
Лёгким шёлком одело поля.
За скосившимся старым забором
Засверкали огнём тополя.
Еле слышно дымком потянуло,
Захрустел под ногами ледок;
В небе солнце как будто заснуло
И не греет озябший дубок.
А вдали, за сребрящейся гранью,
Льдом покрылась игрунья-река.
С подоконника пахнет геранью,
Сняли валенки всем с чердака.
Пёс, замёрзшую косточку чуя,
Страстно роется в белом снегу.
Жухлый лист, по оврагу кочуя,
Ищет лежбища на берегу.
Стая галок на поле чернеет,
Кочки пашни торчат хохолком.
В эту пору уж рано темнеет,
И не грех бы погреться чайком.
Погружаясь в безмолвье лихое,
Спит природа, как будто дитя.
Это время совсем не простое,
Спит кормилица наша земля.

2009 г.

Русская хохлома

Рисунок светом играет,
Полёт фантазий высок.
Художник краски мешает,
Наносит кистью мазок.

Узор искрит, золотится,
Сияет мастера пыл,
Горит огнём, серебрится:
Приятен он, нежен и мил.

Стаканы, вазы, розетки,
Их яркий свежий наряд
Чарует. Ложки, «кокетки»,
Попарно строятся в ряд.

Шкатулки, мебель, посуда,
Подносы, трости, столы…
Вот слава русского люда!
Вот сила русской земли!

Семён[1] – умелец-работник
Сей промысел учредил.
Он был до дела охотник,
Ковши и ложки точил.

Потомки помнят заслуги
Редчайших тех мастеров;
То были лучшие люди,
Познавшие тайны миров.

Матрёшка – главная ценность!
Матрёшка – наша краса!
Цветов приятная нежность:
Улыбка, стиль, доброта!

Искусство русского быта –
Плетёнки, вязь, бахрома…
В веках отнюдь не забыто.
Венец ему – хохлома!

Май 2013 г.

[1] Семён-ложкарь – персонаж легенды Нижегородского края. Изготавливал и поставлял деревянные ложки на царский двор для бояр, а затем и для воинов русского войска. В городе Семёнов Нижегородской области, на территории фабрики хохломской росписи, ему установлен памятник.

Зимние пейзажи

Прекрасны зимние пейзажи!
Их красота пленяет взор…
Кудрявый снег, как пух лебяжий,
Ласкает свежестью простор.

Обворожительным румянцем
Горят на ветках снегири;
В ложбинах льда протуберанцы
Искрят, как будто фонари.

Остроконечные сосульки
Воткнулись па́рами в сугроб;
Вороны вышли на прогулку:
Им не знаком зимой озноб.

Прекрасны зимние пейзажи!
Их красота пленяет взор…
Великолепные коллажи
Вместил в себя седой простор.

2018 г.

Магия зимы

Магия зимы в права вступила,
Мир на долгий срок заколдовав;
Их она у осени купила,
Изменив бесчувственно устав.

Всё теперь в её могучей власти:
Неприступна, дерзостна она.
Находясь под гнётом жгучей страсти,
Ввергла жизнь в холодный омут сна.

В яркий день темна её светлица.
Где хозяйку гневную найти?
Во дворце своём она – царица!
От её нападок не уйти.

Магия зимы в права вступила,
Отобрав у осени устав;
Мир холодным снегом окропила,
Против жизни ревностно восстав.

2019 г.

Страница автора
www.stihi.ru/avtor/norenkovauy

Ахматовой…

Надменно гложет тишина
Испепелённое сознанье,
Глоток креплёного вина
Сил не даёт. Лишь изваянье

Упрямо плачущей свечи
Бросает тень на край кровати;
Оно без устали молчит
И ни за что оно не платит.

Не может мерзость вызвать смех,
Она лишь в образе волчица.
Её питает пошлый грех,
Ей от разящих слов не спится.

Любя всем сердцем этот мир,
На свечку смотрит поэтесса;
Но злой огонь – пират, вампир –
Не хочет знать последствий стресса.

В ночи ей слышен сына стон,
Всё тело делится на части.
Очередной стал жертвой он
Безумно действующей власти.

Закрывши книгу, в поздний час
Устало дремлет поэтесса;
Огонь воинственный погас,
Его сразила сила стресса.

2019 г.

Утро

Ранним утром заря золотая
Над землёю туманной встаёт,
На лугу журавлиная стая
Собирается в дальний полёт.

Солнце краешком лес охватило,
Зажужжала меж листьев оса;
Утро мир красотой удивило,
Засверкала на травах роса.

Разгулялись от зарева птицы,
Их покинул ласкающий сон.
Соловей огневой у водицы
Для рассвета исполнил шансон.

Неуёмная свежесть и влага
Раздала миру сладкий покой,
Для всеобщего полного блага
Резвый луч засверкал за рекой.

Лучезарное раннее утро
Разбудило трепещущий мир;
По полям отдыхающим шустро
Лился солнца святой эликсир.

2004 г.

Немая тишина

На полусонную равнину
Легла немая тишина;
Обняв кудрявую рябину,
Заснула, видимо, она.
Кругом загадочность, безмолвье…
Постелью ей была трава,
Касалась чуть её листва,
Служа пуховым изголовьем.

И в тёмно-марганцевом небе,
На мир взирая свысока,
Плыла луна, как дивный лебедь,
За тучи пряча изредка
Саму себя наполовину;
Природа в сон погружена…
Молчит немая тишина,
Обняв кудрявую рябину.

2014 г.

Кресты

Тихий вечер опустился
На печальные холмы;
Над рекой туман сгустился,
Тронув краешек волны.

По тропе походкой вялой
Шёл к деревне старичок;
Он, крестясь, в руке усталой
Нёс помятый пиджачок.

Справа, небо подпирая,
Мрачно высились кресты;
Слева, дедушку цепляя,
Шелестя, росли кусты.

Дед тихонько помолился
И пошёл скорей домой;
А потом развеселился:
«Нет, черёд ещё не мой!»

2019 г.

Мадонна Литта

Святой сюжет создал маэстро.
«Мадонна Литта»[1] – дар времён!
Работу он исполнил честно,
Он был для этого рождён.

Мария Сына грудью кормит,
На Мать Он личиком похож.
Очей Она с Него не сводит,
Уж очень Он собой хорош.

Живые взгляды, человечность
Художник кистью передал.
На древе[2] темперой навечно
Он образ светлый воссоздал.

Картина жизнью увлекает,
Небесный в окна льётся свет.
Мадонна Сына обнимает,
Таков Отца Его завет.

В руке Младенец птичку[3] держит,
Глядит растерянно на нас.
А Мать ладонью спинку нежит,
Она задумчива в сей час.

Великий зодчий, Леонардо,
Талант свой людям подарил.
За это он себе в награду
Святую память заслужил.

Прекрасно мастера творенье!
Любовь в нём вечная живёт.
Всему начало – свет, рожденье!
Кто любит, верит – тот поймёт.

Январь 2014 г.

---

[1] «Мадонна Литта» – картина итальянского художника Леонардо да Винчи. Время создания – 1490-1491 гг.
[2] Изначально картинка писалась на деревянной доске, позднее была перенесена на холст.
[3] На картине изображён щегол – символ христианской души.

На мосту...

Повстречал я тебя на высоком мосту
Ярким днём лучезарного лета.
Ветер трогал кудрявых волос бересту,
Рядом прыгали лучики света.

Ты лебёдкой плыла над текущей водой
Под махровым безропотным небом.
Я тайком в тишине любовался тобой,
Всюду пахло берёзой и хлебом.

Захотела подняться вдогонку рука,
Взгляд молил задержаться виденье.
Хоть бы чувства мои остудила река,
Хоть бы сгинуло в омут волненье.

На высоком мосту разошлись мы с тобой
Ярким днём лучезарного лета.
С этих пор распрощался со мною покой,
Стали блёклыми лучики света.

2018 г.

Эгоизм

Эгоизм всегда голодный,
Он от страха весь дрожит.
Парень он пустой, негодный;
От хороших дел бежит.
Доброта ему помеха.
Он делиться не привык.
В голове его прореха:
Воду пьёт, да сух язык.

2016 г.

Верный путь

Белокаменный собор
Небо подпирает,
На крестах резной узор
Жемчугом играет.
Золотые купола
Душу освящают;
Витражи, как зеркала,
Блики отражают.
Помолившись, добрый люд
Входит тихо в двери…
То – божественный этюд!
Сила сердца – в вере!
По утрам колокола
Медью распевают,
Чистят совесть добела,
Тело согревают.
Белокаменный собор
Небо подпирает,
Удивляет кроткий взор,
Жемчугом играет.
То – божественная плоть!
То – Христа десница!
Указал нам путь Господь.
Пусть сияют лица!

2019 г.

Музыка души

Давайте не будем сердиться,
Пусть рядом живёт доброта.
Достатком не нужно гордиться,
Без дружбы – одна пустота.

В гармонии, в вере единство;
В них ждёт человека успех.
Не должен творить он бесчинства,
В том есть непростительный грех.

Любовь беспрестанно питает
Сознанье и сердце теплом;
Она никогда в них не тает,
Не может родить она зло.

Звучит благодатно, задорно
В нас музыка вечной души;
Она несравненна, бесспорно;
Нет места ей в мрачной глуши.

Идти нужно с радостью к свету,
Пусть рядом живёт доброта.
Пусть трепетно, с каждым рассветом,
На мир снизойдёт чистота.

2013 г.

Виталий Свирин

Санкт-Петербург

Четыре четверти

Город уставший. В открытом окне
Сумерки. Луч серебристого цвета –
Грустно луна улыбается мне
Месяцем, спутница мыслей поэта.
В небе тускнеющем смайлик ночной…
Как артефакт на холодном экране,
К людям повернут одной стороной.
Нет границ творчества, есть только грани.

Думать стихами – моё кредо, но,
Чёрные дыры в бюджете латая,
Трудно жить… если мечтать не дано,
Действуй! Монета блестит золотая.
Сил прилив, мысли сияньем полны.
Четверть вторая закончилась, просто
Жизнь – школа, делим на фазы луны.
Мне 50 – кульминация роста.

Время течёт, дни проходят, минуты,
Слившись в часы, убегают; года
Раньше тянулись, теперь почему-то
Мчатся экспрессом через города
Славы былой. Смотрит скошенным оком
Месяц ущербный… размер угловой
Мерю на глаз. Удалось ненароком
В рифму, корплю над четвёртой главой.

Над головой серп навис, не иначе.
Труд – не повинность! Что мне звон монет?
Если не видишь чего-то, не значит,
Что ты слепой! Просто этого нет
В мыслях. Луны диск сокрылся из виду.
Жизнь – эхо-рифма рулит – мыслей ток.
Логику кармы понять индивиду
Трудно… мотаюсь, последний виток.

2020 г.

В деревню

Санкт-Петербург, Москва! Простите
Мне англицизм. Сбылась мечта!
Давно хотел приехать в сити,
Но… надоела суета.
Ни шум машин не нужен даром,
Ни урбанизм пустых дворов.
В деревню б, пчёл кормить нектаром
И, может быть, доить коров.

2020 г.

Стихия

Вся жизнь моя – вблизи причала:
La mer Noire… Barents, Baltique.
Порой меня волной качало,
Так я волнения постиг.
Когда течением обратно
Меня несло на край земли,
Знал: лучше выплыть, жизнь затратна,
Чем оказаться на мели.

Я делу выбранному предан.
Сюрпризы делает порой
Судьба. Спасибо, шанс был мне дан
Когда-то, ныне – дан[1] второй.
Но не резон в самозабвенье
Лишь уповать на небеса.
Стихи… я ветер вдохновенья
Ловлю в бумажных парусах.

2020 г.

[1] *Дан* – мастерская степень в Японии.

Александр Степанов

Оренбург

СКОЛЬКО БОГОМ ОТМЕРЕНО...

Хорошая девочка Лида...

Сестрице моей Лидии Кузьминичне Николаевой (Монаховой)

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветёт.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живёт.
Ярослав Смеляков

На детство без обиды
С присмотром няни Лиды
Вдали военных гроз
Подсолнушком под солнцем
Мальчонкой-светлозвонцем
В селе Солянке рос.

Седые ныне виды
Меня и няни Лиды,
И пусть болячек воз,
Я девочке хорошей
Поклон вверяю Божий –
С ней как под солнцем рос…

Сколько Богом отмерено

Сколько Богом отмерено,
Целый век или временно
Пребывать на земле,
По любви или планово
Александром Степановым
Жизнь дарована мне…

Дни рожденья душевно я
Отмечал ежедневные
В счастье-навеселе…
Душу, мир полюбившую,
Передам я Всевышнему
В свете или во мгле…

Тётя Лида и Россия

Лидии Семёновне Тименковой

Открыла и в зал, семеня,
Ввела, узнавая меня,
Неблизкого ей человека,
Соседка из прошлого века.
Припомнили, как мы всегда
Делили и хлеб, и обиды:
Житейская чаша свела
С огромной семьёй тёти Лиды…

Она постарела весьма,
Но с прежнею щедростью сердца
Старалась, чтоб мог я согреться,
От бед холодея сама…
И так же, о том не трубя,
В реальности, а не по книжкам
Не бросит Россия тебя,
Пока не зазнался ты слишком.

Рос среди берёз

Я родился и рос
В хороводе берёз
С подголосками клёнов,
Среди крепких дубов,
Недолюбленных вдов,
Вволю недовлюблённых…

А как только подрос,
Увидал, как от слёз
Очи высохли вдовьи,
И меня, как сынка,
Как сынка-сосунка,
Опьяняли любовью…

Прабабушка Настя

Долматвой-Милиной-Холоповой
Яночке-Соляночке

Сколько смешано кровей…
В черноте твоих бровей –
Сила власти!
Пролетело столько лет,
А в очах я вижу след
Бабы Насти…

Может, завтра поутру
Я удачливо умру
В злой напасти…
Черноту твоих бровей
Понесу в душе моей
Бабе Насте…

Не свихнуться…

Грешны мы все, но за спиной
не видно сумы…
Гай Валерий Катулл

Не свихнуться бы С УМА –
За спиной грехов СУМА.
Накопились ПРОСТОДУШНО:
По ночам стихи СЛАГАЛ,
На родных вину СЛАГАЛ,
А на сердце ПРОСТО ДУШНО…

Изложу сонет к УТРУ,
Как слезу в душе УТРУ
По хорошим И ПО МИЛОЙ,
И молитв священный ДУШ
Возолью в их кладезь ДУШ,
Боже, даруй И ПОМИЛУЙ…

Страница автора
vk.com/id157514478

Оренбуржье моё

Оренбуржье моё –
То холмы, то жнивьё,
То лазурь водоёмов,
На лугах и в лесах
Полифония птах
На просторах огромных.

Оренбуржье моё,
Где с роднёю житьё –
Нет семьи синеглазее…
Многоцветье очей,
Многозвучье речей
В самом сердце Евразии…

Зимнее преддверие

Уже в преддверии зимы
Продляем осень втуне мы
В стихах, мелодиях и танцах,
А в прибавленьях седины,
Шутя, цветением весны
Хотим казаться…

Зимы в преддверии уже
Не уходи, весна, в душе…
Пусть даже осень…
Среди людей, среди друзей
Продлить её с отдачей всей
Мы Бога просим…

Не мешайте добру

Светлане В.

Не мешайте мне делать добро,
Как с размаху не бейте в ребро,
Не гневите от блага отказом…
Пожалейте мой божеский дух,
Чтобы в нём огонёк не потух,
Как бывает, завистливым сглазом…

Вам знакома внезапная злость,
Будто в горле застрявшая кость
Душит сердца биение разом…
Не мешайте мне делать добро,
Как с размаху не бейте в ребро…
Бог, помилуй и душу, и разум…

Не знаю… Не знаю…

Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..
Ф. И. Тютчев. «Мой век»

Не знаю… Не знаю… Не знаю…
Сомненьями сердце терзаю,
Да так ли я прожил свой век?!
Ни Богу святая молитва,
Ни с чёртом словесная битва
Не вздыбит на Истину век…

Не знаю… Не знаю… Не знаю…
Как нож туповатый вонзаю,
Себя вопрошаю, спеша…
«Впусти меня в Истину, Боже!» –
Прошу, и мурашки по коже,
И в страхе трепещет Душа…

Когда…

Если я заболею…
Обращаюсь к друзьям –
Не сочтите, что это в бреду…
Ярослав Смеляков

Когда заболею серьёзно,
Когда во дворе не морозно,
А мы ожидали мороз;
Когда накрывает веселье,
Когда без проклятого зелья,
А рядом друзья – не вопрос…

Вопрос, если с памятью туго,
Вопрос, если не было друга,
Вопрос, если радость до слёз,
Вопрос, если смех без причины,
Вопрос, если бес без кручины –
Спаси и помилуй, Христос…

Чувство добра

Чувство сотворённого добра –
Не даренье злата-серебра,
Может быть, и так – с добром присловья…
Испытать желаю всей родне
Доброту к соседям и стране,
То, что называется любовью!

Перед Богом исповедь близка,
А грехи – что горсточка песка…
Завещала бабушка Прасковья:
«По песчинке отделяй грехи
От житейской сладкой чепухи
И покайся перед Ним с любовью…»

Преображение Господне

Подобно солнечной рапсодии,
Преображение Господне
Явилось на горе Фавор –
Он просиял перед пророками,
С учениками одинокими
Ведя хороший разговор…

Что предрекает нам сегодня
Преображение Господне? –
Желать не следует фавор,
И, не желая стать пророком,
Христовым учимся урокам
Вести хороший разговор…

Похвала бессоннице

Не воздыхается, не стонется,
Когда здоровая бессонница
Бодрит сознанье по ночам,
И, по наитию Всевышнего,
Я не ропщу, не ною лишнего –
Стихи кропаю по строкам…

Моя душа о пояс клонится,
Когда бойцовская бессонница
Меня пленяет по ночам:
Покорно Бога благодарствую,
С карандашом шуршащим барствую
По разлинованным листам.

Ольга Фомичева

Снежинск, Челябинская обл.

***

Облака, белоснежные квочки,
Забрались на небесный насест.
Белым пухом сыночки и дочки
Поутру разлетелись окрест.

Новорожденным снежным цыплятам
Ветер-нянька ласкает вихры.
И попискивают пострелята
За полозьями санок с горы.

Мороженое

Пломбирный снег в стаканчиках сугробов
Прохожим в руки раздаёт зима:
Бери горстями или ложкой пробуй,
Со щедростью открыты закрома.

Вкус лакомства из детства как награда.
А холод в пальцах – что ж, перетерплю.
Ванильному и сливочному рада,
Вот только ягодное не люблю.

***

Чёрных улиц метки,
Белые дома.
Шахматные клетки
В бой ведёт зима.
Воробьи на ветках:
Крик и кутерьма.
Шахматные клетки –
Пища для ума.

Зимнее

Распотешилась зима:
В прятках замерли дома.
Позапрятались дворы
От беспечной детворы.
Позасыпало село,
Все дороги замело.
Заметелило пути:
Ни проехать, ни пройти.
Старый долговязый вяз –
У плетня в снегу увяз.
А боярыня сосна
Удивляется со сна:
Шапку белую из снега
Нахлобучила телега.
Смотрит важно: «Ну и ну!»
А сама ни «тпру», ни «ну».

***

Тихо звёздочки с небес
падают.
Двор, как в сказке – сад чудес, –
радует.
На берёзе расписной
веточки
Кружевною бахромой
свесились.

А сугробы там и тут
шаткие,
Как грибы они растут,
шапками.
По дорожке скрип да скрип –
весело!
Напевает дед Архип
песенки.

Рената Юрьева

Кочневка, Новосибирская обл.

Завет

Я живу, как учил отец,
Как внушала мама всегда,
Что всему приходит конец,
Но не стоит спешить туда.
Важен путь, тот, что выбрал ты,
Ценно то, как его пройдёшь,
Не бросая своей мечты,
Не размениваясь на ложь.

Так и шёл, не страшась дорог.
Хлёсткий ветер менял маршрут.
Стать богатым так и не смог:
Недостаточно скуп и крут.
Облетали листвой друзья:
Что-то большее их влекло.
Их прощал, отпуская, я:
Дружба – это не ремесло.

Солнце пересекло зенит.
Тишина обретает смысл.
Телефон мой реже звонит.
Укрепилась в стихах мысль.
Я давно уже не юнец,
Но спасает от всех оков
Тот завет, что мне дал отец,
И отрада моя – любовь.

Дивная тайна

Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Шарль Бодлер

Раннее солнце разбудит планету:
Жмурится город в сиянье лучей,
Робко блестят тротуаров паркеты,
День с каждым мигом теплей и светлей.

Даже сутулые спины пригорков
В парках становятся будто прямей.
Птицы приветствуют скороговоркой
Новое утро, спешащих людей…

Гул проводов чудно слышится песней:
Мягко уносится ввысь, к облакам.
С доброй улыбкой с невидимых лестниц
Кто-то шлёт благость златым куполам.

И улыбнётся случайный прохожий,
Так, без причины особой, спроста…
Дивная тайна открылась, похоже:
Вот как нисходит на мир красота…

Новая повесть

Отзвучат звуки струнных дождей,
Альт уступит мелодию скрипке,
И в кружении снежных страстей
Не сдержу я счастливой улыбки.

Укрывает дороги зима,
Серый цвет в белизне вновь полощет.
Я придумаю сказку сама,
С главной ролью – твоей, мой хороший.

И на белом листе декабря
Напишу свой сюжет долгожданный.
Нас судьба повстречала не зря
С первым снегом под звуки органа.

Улыбается в небе звезда,
Новой повести видя начало.
Знаю, эта зима навсегда
Общей музыкой нас повенчала.

Лариса Агафонова

Москва

Мечты сбываются

– Ирина Сергеевна, утвердите сценарий для корпоративного праздника.

– Праздника? Какого?

– Как это – какого? Новый год на носу, вы что, забыли? Меньше месяца осталось.

Смешливая толстушка, менеджер по персоналу, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в ожидании росчерка от начальницы. «Вот вроде и тётка неплохая, эта директриса, и разговаривает не свысока, а холодная какая-то, прямо ледышка. Лишний раз не хочется в разговор вступать. И ведь всё досконально читает, не лень ей. Это ж не отчёт важный, а всего лишь сценарий гулянки. Скорей бы уж подписала».

– Можете начинать подготовку. Праздник – это хорошо, – задумчиво проронила начальница, невысокая стройная брюнетка с короткой стильной стрижкой.

– Тётя, вы бутылку будете выбрасывать или заберёте?

– Что? – Ирина раздражённо обернулась. – Какую бутылку?

– Вы воду выпили, а куда бутылку денете? – настойчивый круглолицый мальчишка в сером пуховике, с синим рюкзачком за спиной, стоял рядом, указывая на пустую стеклянную тару из-под дорогой минеральной воды, которую Ирина задумчиво вертела в руках.

– А зачем тебе бутылка?

– Как зачем? Она денег стоит. Я её сдам в палатке на углу. Или вы сами сдадите?

– Не-е-ет, – невольно улыбнулась Ирина, представив себя в очереди в палатку. – Сдавать не буду. Держи. А зачем тебе деньги?

– Деньги нужны всем, – рассудительно ответил мальчишка, тщательно укладывая бутылку в рюкзак. – Я хочу Лизе, сестрёнке моей, подарок купить на Новый год. Она болеет. Мы вон в том доме живём, на первом этаже. Мы не местные, приехали сюда в больницу. У Лизы детский церебральный паралич, – он без запинки выговорил сложные слова. – Ей одну операцию уже сделали. Скоро сделают другую. И она будет ходить. Сначала с палочкой, потихоньку, а потом сама, так врач говорит.

– А тебя как зовут?

– Я Гоша. А вас?

– А меня, – Ирина запнулась, – тётя Ира. А с кем вы здесь живёте?

– С мамой. Она в подъезде убирает и у двух богатых. Мы же комнату снимаем. Она маленькая и тёмная, но у нас каждая копейка на счету, – рассудительно качая головой, говорил мальчишка, совсем ещё ребёнок.

– А где ваш папа?

– Папка дома, он деньги на вторую операцию собирает. Он даже на Новый год не приедет. От нашего дома сюда лететь четыре часа, а это страсть как дорого, – грустно опустил голову Гоша. – И ёлки у нас в этом году не будет. Она в комнате не поместится. А Лиза очень любит, когда ёлка. Я тоже люблю, конечно, но я уже большой, мне девять лет, а ей всего пять. Лиза ведь на улицу не выходит. У нас дома осталась коляска, но она уже старая и плохо ездит. Папка её чинил-чинил, да всё без толку. Ну ничего, когда сестрёнку вылечат, мы как заживём! Ладно, – вздохнул парнишка, – заболтался я с вами. Мне бежать надо.

– Гриш, а давай на Новый год не пойдём в ресторан?

– Ир, а чего это ты вдруг про Новый год заговорила? Да ещё заранее? Ты ж после отъезда нашего сына из города про Новый год вообще не вспоминаешь, оливье ни разу не делала, ёлку – и ту не наряжаешь.

– Кстати, про ёлку. Есть тут у меня одна идея.

– Лиза, Лиза, смотри, что тебе Дед Мороз принёс! – Гоша, приплясывая от нетерпения, скакал вслед за матерью, которая вкатила в комнату узенькую инвалидную коляску.

Следом в тесное помещение вошла Ирина, нагруженная тяжёлыми пакетами.

Маленькая девочка с восторгом смотрела на чудо-юдо заморское – удобную коляску с мягким сиденьем и кучей кнопок.

– Как мне вас отблагодарить? – смущённая худенькая женщина с натруженными руками и красными от волнения щеками не знала, как себя вести. – Это ж какие деньги. Я видела в интернете такую коляску.

– Не переживайте, – улыбнулась Ирина. – Главное, что Лиза сможет выезжать на улицу.

– Лиза! – снова завопил Гошка. – Выгляни в окно!

На улице, прямо в сквере, сияла и переливалась яркими огоньками украшенная трёхметровая сосна, растущая здесь, а вокруг неё водили хоровод местные ребятишки. Рядом стояли двое мужчин. Один из них с нетерпением вглядывался в окно на первом этаже.

– Папка! Там наш папка! Это настоящее чудо.

Лиза от волнения заплакала, Гошка прыгал, их мама замерла на месте.

«Как хорошо, что есть Новый год!» – мечтательно улыбнулась Ирина.

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/agafonova
vk.com/agafonovalarisa

Приручила

Жизнь не чёрная, и не белая. И даже не в полоску. Она разноцветная. И раскрашиваем мы её сами.

После смерти отца Соня изменилась. Впервые встретившись с болью, пусть и чужой, стала больше ценить близких людей, прислушиваться к ним. Она не проснулась однажды другим человеком, с чудесами всё-таки напряжённо, но стала немного мягче. Чуть-чуть.

Очень скоро у Сони появился новый кавалер, обеспеченный парень, с квартирой и каким-то труднопроизносимым бизнесом, девушка особенно не вникала, каким именно. Главное, что деньги исправно приносил и не жадничал. После окончания института Соня переехала к нему и активно собиралась замуж.

Избранник Сони, Антон, уже был дважды женат, в двух браках родились девочки, с которыми он не общался. Мать и старшая сестра уговаривали Соню подумать, присмотреться к кавалеру, но девушка упёрлась, разругалась с родственниками и поступила по-своему.

– Мне надоело копейки считать, думая, могу ли я себе купить новую кофточку или платье. У Антона есть деньги, он не жадный, меня любит, а бывшие жёны… это ошибки молодости. Со мной всё будет по-другому.

– Хорошие такие ошибки – дети. У него две девчонки подрастают, он всю жизнь будет разрываться между тобой и дочками, – пыталась достучаться до неё мать.

– Будет платить алименты, а общаться с ними вовсе необязательно. У нас свой малыш появится, он станет главным для Антона. Я ему сына рожу. Дочки у него уже есть, а он о сыне мечтает, – отвечала эгоистичная Соня. – Хотя я бы не спешила, пожила немного в своё удовольствие, но желание богатого мужчины – закон. И, вообще, мы уже кольца купили и платье шикарное. Дорогущее!

После регистрации молодые улетели на Байкал, не желая сидеть за накрытыми столами с кучей приглашённых гостей. Медовый месяц прошёл не зря: Соня забеременела, и новоиспечённый муж летал от счастья.

Беременность протекала легко. Будущая мамочка носилась по магазинам, скупая приданое для малыша и выбирая себе вещи на «послебеременность», как она выражалась.

Соня не могла дождаться, когда уже родит, ей хотелось ходить по ресторанам, а Антон запрещал:

– Там везде шумно, душно, накурено, это вредно для моего сына.

Он почему-то только так и говорил: «моего», а не «нашего». Когда мама обратила на это внимание, Соня отмахнулась:

– Не придумывай, мой муж очень хочет ребёнка, вот и говорит так.

Часто приезжала Сонина свекровь, совала нос в кастрюли-сковородки, на полки в холодильнике, умудрялась заглянуть в бак с грязным бельём. К невестке она относилась как к пустому месту, практически не разговаривала с ней, интересовалась только протеканием беременности и всё время спрашивала, что показывает УЗИ. Но Сонин малыш так же, как в своё время Тимка, сын сестры Кати, прятался.

– Надеюсь, что на этот раз будет мальчик. Надоели уже эти разные лица в Антошкиной постели, – обмолвилась как-то свекровь.

Когда Соня попыталась обсудить услышанное, свекровь быстро сменила тему и заспешила домой, а Антон отшутился.

Рожала девушка долго и тяжело, ребёнок был крупный, но врачи опасались делать кесарево сечение из-за низкого гемоглобина. Через восемь кошмарных, долгих часов, наполненных болью и криками, измученная Соня родила. Девочку. Она даже не огорчилась. Была просто счастлива, что всё закончилось и невыносимая боль не терзает её тело.

Написала радостное сообщение мужу и стала ждать звонков и цветов. В ответ – тишина. Набрала его номер (раз двадцать) – не дозвонилась. Телефон раскалился от поздравлений от мамы, сестры, многочисленных подружек, а от мужа по-прежнему ничего не было. Когда Соню перевели в палату, она всё же дозвонилась до Антона и не узнала его голос – холодный, чужой и неприятный:

– Зачем ты звонишь? Я же тебе ясно, русским языком сказал, что мне нужен мальчик, сын. А девку можешь оставить себе.

Соня оторопела. Она-то думала, что это всё шутки, что муж будет рад и девочке, лишь бы малыш здоровенький был, а сын или дочка – какая разница. Но Антон вполне ясно добавил, что даже забирать из роддома её не будет. Перепуганная Соня позвонила свекрови.

– Опять, значит, девочка… Разорится Антон на алиментах, – отреагировала свекровь. – А ты думала, он просто так третий раз женился? Да брата он, Макса, всю жизнь догоняет, никак не догонит. Антоша сына до дрожи хочет. У Максима, моего старшего сына, уже двое пацанов, он Антоху бракоделом называет, вот тот и злится, сын ему нужен. Так что ты не обессудь, он разведётся с тобой сразу, проверено уже.

Соня бросилась звонить матери. Валентина, ахнув, попыталась поговорить с зятем, но получила такой мат-перемат, какого не слышала даже в детстве от деревенских мужиков.

Забирали Сонечку из роддома мама и сестра. Без лимузина и шариков, как запланировала Соня, без фотосъёмки, шикарных букетов и шумного ликования. На старой Катиной машине, в гнетущей тишине. Так тоже бывает.

Молоко у молодой матери пропало сразу. Малышка с первых же дней стала искусственницей. Соня проклинала Антона, свою невезучесть и предательницу-судьбу. Девочке передавалась нервозность матери, она кричала днями и ночами, плохо ела и спала.

Катя полностью взяла малышку на себя, кормила её, купала, пела ей колыбельные.

Две недели девочка жила без имени, как будто и не появился новый человечек на огромной планете. Соня никак не реагировала на дочку, не слыша её горький плач, не вскакивая к ней ночами. Молодая мама спала сутками, просыпаясь, ела, если ей давали еду, и сидела, уставившись в стенку. Иногда плакала, тихо и беззвучно, потом опять засыпала.

Катя взяла отпуск и целыми днями занималась малышкой и Соней. Валентина работала, приводила Тимку из школы, делала с ним уроки, а ночами тихо рыдала в подушку, чтобы не слышали домашние.

В какой-то момент Катя после двух бессонных ночей отключилась днём и не услышала, как малышка заплакала в люльке. Соня, сидя на кровати, как обычно, сначала не отреагировала на плач, но он не прекращался. Девочка так зашлась в крике, что её мать, как зомби, пошла к детской кроватке.

Малышка вдруг замолчала, раскрыла глазки, улыбнулась маме сквозь слёзы и протянула вверх ручки, как будто просила себя обнять. Соня взяла дочку на руки, та мгновенно притихла и блаженно засопела. Боясь пошевелиться, молодая мать стояла у кроватки, слушая дыхание дочурки. Только-только собралась положить девочку в кроватку, как та проснулась, сморщила красное личико и громко заплакала. Так продолжалась несколько раз, в конце концов Соня смирилась и взяла дочку к себе на кровать, легла с ней в обнимку и уснула.

Катя, очнувшись ото сна, обнаружила, что племянницы нет на месте, испугалась, но, увидев идиллическую картину, выдохнула с облегчением:

– Приручила малышка мою взбалмошную сестричку.

Девочка больше не отпускала Соню ни на шаг, словно чувствуя, что только она может помочь своей маме прийти в себя. Так и вышло. Соня влюбилась в собственную дочку, не спускала её с рук, целовала и ласкала, выплёскивая накопившуюся нежность, о которой сама и не подозревала. И почти сразу дала дочке имя: Аня, Анютка, Нюрочка, Нюточка.

Тимка души не чаял в сестрёнке, помогал её купать, катал коляску во дворе и прожужжал уши своим друзьям, какая классная у него Нютка.

Те, кто знал Софью, не могли поверить, что эта дерзкая эгоистичная девчонка может быть такой заботливой матерью. Анютка стала для неё центром вселенной, светом в окошке, самым настоящим счастьем. Соня готова была не есть, не спать, лишь бы доченьке было хорошо.

Продолжение читайте в книге «Заглянуть за горизонт»

Заглянуть за горизонт

Роман

Мечтаете сесть за руль своей судьбы и самостоятельно выстроить маршрут? Вам интересно посмотреть, кто и почему сейчас становится дирижёром семейного «оркестра»? Тогда эта книга для вас. Познакомившись с героинями романа Ларисы Агафоновой, вы узнаете, как переписать типичный «женский» сценарий, навязанный окружением, победить личные комплексы и, наконец, после всех неурядиц обрести себя.

Надежда Васик

Балашиха, Московская обл.

Следы

Заблудился. Это слово почти не укладывалось в голове. Он знал о лесе если не всё, то почти всё. Натуралист, профессор, который изучал ботанику почти двадцать лет, заблудился. Вторые сутки он пробирался через буреломы ельника и болотистые низины тайги. Кое-где ещё были видны прошлогодние ягоды клюквы, словно бусы, нанизанные на тончайшие нити малиновых стебельков. Между кустами ползали злые после зимней спячки гадюки. Почти всё время шёл мелкий противный дождь. Мужчина находил слежавшиеся за зиму листья *Dryopteris filix mas*, папоротника, сооружал подобие шалаша и отдыхал под ним, хотя промокшая насквозь одежда не давала шанса согреться.

Пару раз он пытался разжечь костёр, но спички безнадёжно отсырели. От кислых водянистых ягод клюквы во рту стоял привкус железа, и незадачливый ботаник сейчас бы всё отдал за кружку обжигающего крепкого чая. Мужчина обессилел; насквозь пропитавшиеся влагой ботинки, казалось, весят тонну, и он с паникой думал, что и эту ночь ему придётся снова ночевать в лесу.

Быстро надвигающийся вечер делал его положение ещё мрачнее. Натуралист обречённо стал искать подходящее место для ночлега, когда внезапно заметил еле заметные следы. Человеческие следы, явственно отпечатавшиеся на глинистом пятачке земли. Заволновавшись, мужчина пошёл по ним, изучая эти изящные отпечатки маленьких ножек. Это явно были босые следы ребёнка. Но почему он шёл босиком? Снег сошёл совсем недавно, земля была ещё ледяной, и мужчина содрогнулся, представив, что сейчас в густеющей мгле испуганный малыш ходит по неуютному лесу и вздрагивает от каждого шороха.

Ботаник начал громко звать: «Ау, кто-нибудь, отзовитесь!» Голос словно тонул в пропитанном влагой воздухе, и единственным откликом были мягко шелестящие соцветия трясунки, которые о чём-то шептались под лёгким ветром и мелким дождиком.

Мужчина ускорил шаги: ещё немного – и совсем стемнеет. Впереди перед ним оказалась приличных размеров лужа, но следы не повернули в обход, а, пройдя через воду, обнаружились на другой стороне и как ни в чём не бывало продолжили ровное движение. Ещё через несколько метров следы резко вильнули вправо, потоптавшись возле вылезших из-под коряги пролесок. Автоматически вспомнилось название этих первых весенних луковичных – *Scilla*, класс однодольные, семейство спаржевые. Выкинув из головы некстати вылезшие познания, мужчина поспешил дальше, где немного примятая трава указывала ему движение ребёнка.

Он не понимал, как в этой непроходимой тайге вообще мог оказаться малыш. Взрослых следов поблизости не было, стало быть, ребёнок гулял в этом глухом лесу абсолютно один. Что он тут делал? Самое удивительное, совсем не складывалось впечатление, что малыш заблудился. По следу отпечатков ножек, который шёл ровно, не петлял, не уходил то и дело в сторону, было похоже, что ребёнок наслаждался окружающим. Вот следы стали чуть глубже и расстояние между ними явно увеличилось. Ребёнок бежал! Может, за птичкой или ящеркой, а может, просто от избытка чувств…

Пару раз маленький человечек возвращался назад, но потом вновь возобновлял свой

путь… Мужчина продолжил идти по следам. Ещё несколько минут, и лес поглотит неуютная весенняя ночь. Он заметно волновался: а если всё-таки ребёнок заблудился, как он заночует в этом холоде? И звери… Наверняка тут обитают дикие животные. Мужчина ускорил шаги и почти побежал за аккуратными следочками, отпечатанными на мокрой земле и мху, когда внезапно следы исчезли…

Их не было нигде, ни в хиленькой и пожухшей прошлогодней травке, ни на застилающих почву мхах.

В отчаянии мужчина побежал вперёд – и вдруг в неверном свете сумерек заметил впереди уходящую вдаль хорошо протоптанную дорожку, которая наверняка вела к какому-нибудь поселению. А высоко на облачке, свесив запачканную землёй пухленькую ножку, за мужчиной внимательно наблюдал кудрявый ангелочек и задумчиво теребил стебелёк голубой пролески…

Турнир

Второй месяц продолжалась эта напряжённая игра. Слишком много стояло на кону, и ни одна сторона не хотела проигрывать.

За окном клубилась лёгкая морозная дымка, и игрок в лёгком платье зябко ёжился, поплотнее кутая плечи в полупрозрачную шифоновую накидку.

– Стрит.

Пять карт по возрастанию легли на сукно, и оно потемнело, словно на него пролили воду, а затем тёмно-зелёную ворсистую ткань прорезали стрелки робких подснежников. В воздухе повеяло чем-то неуловимым, тонким, звенящим… время заметно ускорило свой бег, но вдруг снова застыло.

– Флеш! – игрок в роскошном белоснежном манто небрежно смахнул ладонью в кружевной перчатке проклюнувшиеся первоцветы и кинул на их место пятёрку карт пиковой масти. Вокруг колоды поднялся стылый ветерок, и на столе дёрганными узорами зазмеились метели с крупяным снегом. Игрок откинулся на спинку высокого стула, со вкусом втянул дым через мундштук, выпустил струйку и хрипло засмеялся.

День сменялся ночью, ночь перетекала в утро, день в вечер. Поединок не прекращался ни на час…

– Холодно, я бы выпила чаю…

Дрожь в голосе не осталась незамеченной дамой с роскошной высокой причёской, и раздался снисходительный смешок.

Взяв озябшими ладонями принесённую чашку с горячим напитком, игрок несколько минут наслаждался исходящим от чая жасминовым ароматом, после чего вскинул синие глаза на противника и, отставив чашку в сторону, карта за картой выложил свою комбинацию.

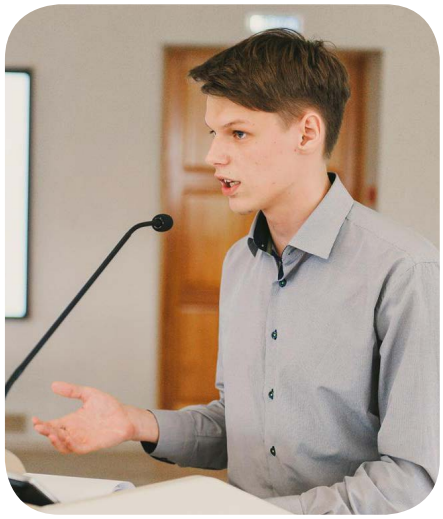
– Фулл-хаус, – в тишине голос прозвучал очень ровно, словно не было недавнего волнения, и говорящий аккуратно, чтобы не обжечься, пригубил чай. В эту минуту питьё показалось особенно вкусным, и тепло по-настоящему проникло в комнату, заставив тонкую наледь на стёклах растаять и скатиться неровными дорожками на подоконник.

Игрок в мехах отложил недокуренную сигарету и раздражённо скинул шубу прямо на стол, на котором снова расцветали примулы и голубые пролески. Через тяжёлые плотные портьеры пробивались рассветные лучи. В следующую секунду от сквозняка распахнулось окно, в комнату влетела жёлтая синичка, устроилась на спинке стула и начала радостно звенькать.

Часы на стене монотонно и равнодушно отбивали ход времени…

Каре в виде четырёх королей и тройки глянцево легли между игроками, но морозное дыхание не всколыхнуло воздух и ни одна снежинка не ворвалась в благоухающее цветами пространство. Время на сей раз, наоборот, будто замедлилось, но через миг побежало с резвостью ручейков. Происходило что-то необъяснимое и неотвратимое.

Игрок с золотистыми длинными волосами кротко улыбнулся, и комбинация стрит-флеш красивыми червовыми сердечками победно осыпалась вместе с цветами черёмухи на карточный стол. Зима подобрала полы серебристого платья и, забыв манто на столе, медленно вышла из комнаты. В этот раз ей не удалось выиграть у Весны лишнюю неделю…



Евгений Поздняков

Хабаровск

Краски

– Макс, тебе плохо?

– Нет… конечно нет. С чего ты взяла, мам?

– Даже не знаю! Посмотрись в зеркало – ты позеленел.

Он испуганно опустил голову. Слегка дрожащие ладони приобрели болотный оттенок, отдалённо напоминающий цвет кожи огромных жаб. В его голове крутилось столько мыслей, что мальчик попросту не успевал следить за эмоциями! Нахлынула волна страха. На кончиках пальцев медленно проявлялись крохотные фиолетовые пятна.

– В чём дело, Макс? – продолжала мама. – Голова болит? Живот? Опять наелся всякой гадости в «Макдональдсе»?

Кажется, она ни о чём не догадывается… Пока. Тела людей зеленеют только в трёх случаях: во время болезненных ощущений, из-за чувства отвращения и… При наличии неприятных мыслей. С возрастом это учатся скрывать, но он был всего лишь подростком, поэтому стоило ему вспомнить школьных задир или… или тщетные попытки заговорить с отличницей Машей, его тело тут же приобретало неприятный оттенок. Рассказывать о проблемах родителям Макс отчего-то боялся.

Ладони налились фиолетовым цветом.

– Макс, хватит молчать! – прикрикнула мама. Из-за злости её кожа должна была стать розовато-красной, но она уже несколько лет работала в банке, а потому научилась придерживаться одной цветовой гаммы – серой. – Отвечай – у тебя что-то болит?

– Нет, мам, – фиолетовый коварно подбирался к локтям. – Честно, мам. Ничего.

– Может, не пойдёшь в школу? Ты мне не нравишься.

Шум в ванной прекратился. Почистив зубы, отец вернулся в кухню, к семье. Его кожа ничем не отличалась от кожи матери.

– Отстань от ребёнка, Алина, – зевнул он. – Пускай хоть дома не сдерживается.

Отец потянулся за газетой. На секунду Максу показалось, что неловкий разговор окончен, отчего его тело стало понемногу сереть.

– Брось, Кирилл, – ответила она, вытирая посуду. – Ему всё равно, где и перед кем менять цвета!

– Это нормально для подростков…

– Нет! Не нормально! Он в шестом классе! Все его сверстники уже научились поддерживать серость, а наш… То позеленеет, то станет фиолетовым… Не хватало ещё покраснеть от любви на людях!

– Хватит! – отец ударил кулаком по столу. Максу даже показалось, что его кожа в области запястья слегка почернела. – Перестань!

Мама отвернулась к стене. Обычно она справлялась с грязными тарелками моментально, однако сейчас из её рук почему-то долго не могло вырваться старое голубое блюдце.

– Уже восемь часов. Ты успеешь отвезти его на занятия? – спросила она, не глядя на отца.

– Конечно. Рабочий день начинается в девять, так что всё будет окей. Кстати, ты читала статью…

– Вы опаздываете.

– Разве? Тут же десять минут езды…

– Всё равно. Опаздываете.

Они стояли друг напротив друга. Молча. Абсолютно серые. Ни капли бирюзового или синего… Серые. Абсолютно.

– Действительно, опаздываем, – отец демонстративно посмотрел на часы. – Одевайся, Макс. Я подожду в машине.

Дверь захлопнулась. Мама продолжала стоять лицом к стене. Спрыгнув со стула, мальчик подошёл к вешалке. Протянув руку за курткой, он заметил, как на ладонях выскакивают зелёные пятна. Почему родители так часто ссорятся? Чего они добиваются? И почему они постоянно ругаются… Из-за его кожи?

– Макс! – окрикнула его мама.

– Что?

– У тебя точно ничего не болит?

– Всё хорошо, мам. Честно.

Прикрыв дверь, Макс выбежал на улицу. Стояла чудесная ранне-октябрьская погода: солнечные лучи нежно касались серого лица, а прохладный ветер заботливо ласкал пожелтевшую листву. Добежав до машины, мальчик случайно увидел своё отражение в лобовом стекле: его щёки наливались приятным золотистым оттенком.

– Хватит любоваться собой, – проворчал отец. – Залезай скорее.

Школа располагалась неподалёку от их дома – в десяти минутах езды. Дорога на занятия, по мнению Макса, была лучшей частью дня: он с любопытством рассматривал мир по ту сторону стекла, надеясь разглядеть хоть нескольких людей с румяными щеками. Ему ужасно хотелось найти товарищей по несчастью, ведь порой мальчишке казалось, будто бы обидное прозвище «Радуга» привязалось только к нему. Увы, на глаза попадались бесконечные серые лица…

– Макс, – отвлёк его отец, – ты читал статью…

– Пап, я не читаю твоих газет. Как и мама.

– Да, точно. Забыл. В любом случае, думаю, тебе будет интересно услышать последние новости.

– У нас построят аквапарк? – радостно спросил золотощёкий мальчуган.

– Нет. Всё куда серьёзнее: наш мэр прилюдно побагровел.

За окном промелькнул детский сад. Когда-то Макс был его воспитанником. Интересно, здесь до сих пор наказывают за излишнюю «цветастость»?

– Это плохо, пап?

– Конечно. Ещё и учитывая обстоятельства, при которых всё произошло.

– Что случилось?

– Ничего особенного: он решил провести встречу с обычными жителями города, на которой ему задали неудобный вопрос. Про коррупцию…

– Коррупцию?

– Ох, прости. Всё время забываю, что ты ещё ребёнок. Его спросили о том, ворует ли он деньги, после чего мэр побагровел. Не смог скрыть волнения. Понимаешь, к чему я веду?

– Нет…

– Господи, Макс! Я, конечно, не поддерживаю то, что мама срывается на тебя, но… Она ведь права. Нужно учиться сдерживать эмоции! Знаешь, сколько проблем у мэра после этой встречи? Куча! Его даже хотят отстранить от должности раньше срока! В нашем мире нужно оставаться серым при любых обстоятельствах, пойми! Это ненормально, когда все видят твой страх или неуверенность…

Остаток пути они провели молча. Наконец за окном показалось здание школы. Сотни детей толпились у порога, ожидая открытия дверей.

– Пойми, Макс, – прервал тишину отец, – мы… Я говорю это не потому, что плохо к тебе отношусь, наоборот – я люблю тебя! А вся эта ерунда с кожей… В на-

шем мире так нельзя, Макс. Это плохо. Очень плохо.

– Я понимаю, пап, – ответил Макс, его ладони приобрели розоватый оттенок.

– Тебе нечего стыдиться. Просто пообещай, что будешь стараться сдерживаться.

– Обещаю, пап.

– Хорошо. А теперь беги на уроки.

Не расслышав отцовское «Удачи!», Макс вошёл в длинный школьный коридор. Стараясь скрыть появление зелёных пятен на руках, он рванул к 426-й аудитории. Он дико стеснялся своих одноклассников, отчего при встрече с ними в его голове всплывали неприятные воспоминания о насмешках и дурацких прозвищах, которые ему не давали только самые ленивые.

– Почему ты сегодня не фиолетовый? – Спросил серокожий сосед по парте.

– Не знаю, – пробурчал Макс. – Настроение не то.

Прозвучал звонок. В класс вошла строгая учительница математики Анастасия Сергеевна, чьё лицо, казалось, никогда не знало широкой палитры цветов. Дети, отбросив все лишние разговоры, резко встали со своих мест. Пренебрежительно махнув рукой, преподавательница принялась писать тему урока на старинной чёрной доске.

– Извините, – раздался скромный голос, – можно войти?

– Мария, заходите быстрее! И впредь не опаздывайте!

В класс вошла серокожая отличница Маша. Аккуратно разложив вещи на парте, она начала конспектировать каждое слово Анастасии Сергеевны в тетрадь.

Маша… Это из-за неё всё утро кожа Макса держала зелёный цвет. Маша давно нравилась ему. Ещё со второго класса, когда её родители переехали в этот отдалённый город. В детстве, когда Макс наблюдал за ней, его тело приобретало золотой цвет. «От радости!» – оправдывался он перед мальчишками. Однако теперь он испытывал совершенно другие чувства… Какие-то… излишне взрослые? Несколько недель назад ему неожиданно захотелось, чтобы Маша перестала общаться с надоедливым Вовой, а недавно в столовой он совершенно случайно понял, что её губы имеют особенную… привлекательность. Всё это заставляло его не сводить глаз с милой серокожей девчонки. Однако он не переставал думать о том, что стоит ему дать слабину, как все в классе узнают его страшную тайну…

– Радуга! – испуганно прошептал сосед по парте. – Твои ладони… Они становятся красными…

Макс с ужасом посмотрел на свои руки. Они были искристо-рубинового цвета, как у всех… влюблённых! Нужно срочно перестать смотреть на неё! Отвлечься! Подумать о чём-то плохом, о чём-то отвратительном… Но как? Он ведь несколько дней планировал этот час, клеил дурацкую валентинку! Придумывал признание! И сейчас, когда всё необходимое лежит в его портфеле, как можно думать о чём-либо другом?

– Ты совсем сдурел? – продолжал сосед. – Твоя шея! Она…

– Я знаю! Знаю!

Макс тщетно пытался растянуть рубашку, прикрыть лицо ладонями, но красный цвет был сильнее. Чувства были сильнее! Остался единственный выход. Рисковый, но всё же…

– Анастасия Сергеевна! Можно выйти?!

– Максим, эта тема крайне важна, – учительница оторвалась от доски и повернулась к классу. – Дай мне закончить… – Она осеклась. – Что с твоей кожей? Почему она… такая красная?

Все дети посмотрели на Макса. Под дружный смех ребят он прикрыл лицо небольшим портфелем.

– Ты… ты позволяешь себе проявлять чувства на уроке? – закричала Анастасия Сергеевна. – Ты должен быть серым! Это цвет вовлечённости в современную жизнь, а ты… Ты смеешь краснеть! Мало того, что отвлекаешься сам, так вдобавок отвлекаешь и своих одноклассников!

– Простите, я…

– Что ты? Что ты? Признавайся, на кого ты смотрел!

– На Машу, Анастасия Сергеевна! – ответил сосед по парте. – Он давно к ней что-то… испытывает.

– Возмутительно! Ты хочешь, чтобы она тоже перестала контролировать себя? Как ты посмел вводить отличницу в такое неловкое положение? Да как тебе такое в голову могло прийти!

– Я… Я не хотел…

– Максим, ты перешёл все границы! Сколько раз на моих уроках ты зеленел или становился фиолетовым? Тысячи! А когда выпал первый снег… Ты стал золотым! От радости! Это нужно прекращать. Для таких, как ты, есть отдельные школы. Я звоню твоим родителям. Пускай срываются с работы и говорят с директором о своём нерадивом чаде прямо сейчас.

Остаток урока прошёл скомкано: никто не следил за тем, как Анастасия Сергеевна пишет на доске уравнения. Всем было куда интереснее наблюдать за алой кожей Максима. Маша, смущённая ситуацией, хоть и сдерживалась из-за всех сил, всё равно слегка побагровела. Учительница написала ей замечание в дневник. За слабость.

Родители добрались до школы крайне быстро: уже через полчаса они стояли у дверей кабинета директора. Мать угрюмо ворчала, называя Максима позором семьи, а отец, печально вздыхая, неустанно повторял:

– Макс, я же просил…

Максима попросили подождать снаружи. Присев на скамейку в коридоре, он принялся рассматривать бесконечный поток школьников, спешащих в столовую на перемене. Все серые. Абсолютно серые. Даже Маша, которая неожиданно появилась из-за угла. Сжимая в руке дневник, она еле сдерживала слёзы. Это было её первое замечание в жизни. Посмотрев в сторону кабинета директора, отличница заметила Макса, отчего его кожа снова загорелась алым.

Не отрывая глаз от обидчика, Маша продолжала стоять на месте. Неожиданно Максим заметил, что её тело приобретает болезненно-зелёный оттенок. Её кожа покрывалась яркими болотными пятнами, чего раньше никогда не случалось. Макс помнил: тела людей зеленеют в нескольких случаях: из-за боли, неприятных воспоминаний или… из-за отвращения. Отвращения к нему. К Максу.

Сложившаяся ситуация заставила его на минуту возненавидеть всех и за всё: кожа Макса медленно наполнялась чёрным цветом, вытесняя собой все неловкости алых тонов. Прозвучал звонок. Маша побежала на урок. Ненависть сменилась безразличием. Чёрный сменился серым.

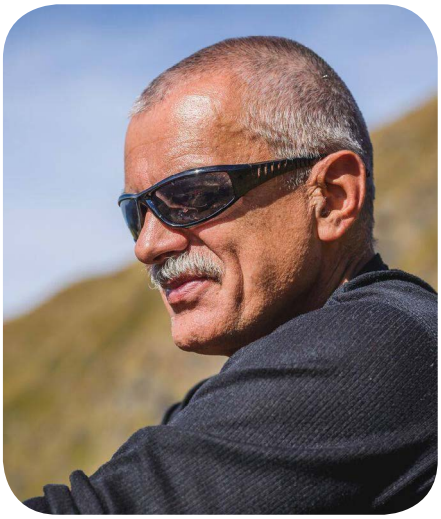
Из кабинета вышли родители.

– Пойдём домой, Макс, – отец похлопал его по плечу. – На сегодня учёбы хватит.

В машине Максим ни разу не поменял цвета. Его не радовала солнечная погода, он не переживал по поводу сложившейся ситуации, он не опасался скорого наказания… Всю дорогу он оставался серым.

С этого дня кожа Макса не меняла цвета.

Отношения в семье наладились.



Валерий Ременюк

Выборг, Ленинградская обл.

Гомеостазис

Фантастический рассказ

1. Сид Лаг

Вчера астум-Б накрыл наших фуражиров с поличным. Всю сотню отборнейших бойцов. Они уже заканчивали разделку белкового монолита в пятом квадрате. Ночная операция. Риск минимальный. Ничто, как говорится, не предвещало. И вот на тебе. Черт дёрнул астума-Б нештатно выйти в этот квадрат, врубить прожектора́ и обнаружить нашу группу. Уцелел лишь один, самый матёрый и опытный фуражир, Бейт Кун. Он схоронился в нише, вырубленной в обрабатываемом монолите, и переждал там минуты жестокой расправы. Астум-Б подверг пленных воинов, страшно сказать, глубокой заморозке. Живьём. А потом то, во что они превратились, просто утопил в водосливе. Ужас.

Бейт Кун на следующий день тайными тропами добрался в Город и сообщил в штаб о происшедшей трагедии. В посаде фуражиров, конечно, объявили трёхсуточный траур. Так всегда бывает, когда с задания не возвращаются более тридцати бойцов. Традиция. В принципе, потеря для нас, анторейцев, не смертельная. Церена через пару суток восполнит недостачу популяции и произведёт именно столько фуражиров, сколько их не вернулось с поля. Это главный закон сохранения народа – стабильность, гомеостазис. Но оперативная обстановка сложилась напряжённая. Запасов сырья для воспроизводства и поддержания популяции у церены остаётся мало. Требуется предпринять экстренные меры по доставке питания в Город. И поэтому я, Сид Лаг, командир разведгруппы, личный номер 274511, сейчас здесь. В модуле «К». И со мной двенадцать проверенных бойцов. Включая фуражира Бейта Куна, хорошо изучившего данную местность.

Наш мир не самый большой в Видимой Вселенной. Он граничит с ещё несколькими мирами, а те, в свою очередь, с другими. И так до бесконечности. При желании и в отсутствие помех со стороны астумов наш мир можно пробежать от края в край за несколько астрономических часов. Но нам его хватает. А главное, наш народ здесь один и нет нужды воевать с себе подобными за жизненное пространство. Конечно, астумы являются для анторейцев главной угрозой. Их тут двое, постоянных жителей мира. Они огромны, тупы и безжалостны. Более крупную особь мы зовём астум-А. Помельче – астум-Б. Они думают, что это ИХ мир. Мы не пытаемся убедить астумов в обратном. Нам важен гомеостазис. Возможность продлевать род из поколения в поколение, нести анторейский генотип в будущее. Как своеобразное послание из древних времён грядущим цивилизациям.

Так вот, об астумах. Одновременно с угрозой они служат для нас источником жизни – вот в чём парадокс и великая мудрость Мироздания! Астумы потребляют гигантское количество белковой пищи, клетчатку, углеводы. Всё то, что идёт и на строительство организмов нашего народа. Астумы в силу своей неуклюжести теряют много пищи во время приготовления и по-

требления. Мы прибираем остатки и на том живём. Кстати, нас кое-кто считает биороботами. Ну, это, как говорится, на здоровье. Каждый верит в свой пень, своё божество. Дело хозяйское. Мы же просто анторейцы и этого знания нам достаточно.

А впрочем, я заболтался тут слегка. Конечно, время для внутреннего монолога подходящее – моя вахта на наблюдательном посту длится два часа. Сиди себе у смотровой щели модуля в потоках тёплого воздуха, выбрасываемого системой вентиляции, да разглядывай поле – пространство впереди, куда предстоит выдвинуться с наступлением темноты. Примечай всё примечательное. Но у всего есть предел. И у моей вахты в том числе. Сейчас меня сменят Бейт Кун и стажёр Лют Баз. У Люта это первый выход в поле, он слегка нервничает. Поэтому я поставил его в пару к опытному наставнику, Бейту. Вдвоём они справятся. А я пойду в укромный уголок модуля «К», постараюсь вздремнуть пару часов перед ночной разведкой. Наша задача – найти пищу для церены и остальных анторейцев, взять образцы, доставить в Город. А ещё – проложить цепочку маячков на тропе, по которой за пищей после нас пойдут фуражиры – наши героические снабженцы. Но это всё потом. Ухожу отдохнуть…

2. Бейт Кун

Сид Лаг ушёл, дай бог ему здоровья и сил! Хороший командир, толковый. Мы с салагой Лютом его сменили. Пока следим за полем, расскажу новичку пару историй из моего фуражирского опыта. Пареньку полезно будет. Где ещё научишься премудростям нашего ремесла, как не в реальном боевом задании, да ещё с таким бывалым наставником, как я! Между прочим, этот модуль неделю назад я и обнаружил. Он стоит на полпути от Города к цели – местам вероятного появления пищевого сырья. И отсюда удобно готовить решающий скрытный бросок фуражиров. Здесь же можно схорониться до следующей темноты и на пути обратно, в Город. Мы уже пару раз так поступали. Отличное место. И главное, сухое, тёплое. Астум-А его ежедневно использует в своей работе, запускает в недрах модуля двигатели, манипулирует сенсорами интерфейса, открывает и закрывает огромный покровный блок. Мы же скрываемся в глубинах и закоулках модуля – пространства и проёмов для проникновения здесь предостаточно. Астум-А пока не догадывается о нашем присутствии.

Сид Лаг называет астумов тупыми. Тут я с ним согласен не вполне. Их ум, конечно, уступает нашему по формату и структуре, объёму оперативной и системной памяти, быстродействию. Но астумы хороши в стратегических построениях. По крайней мере, как базис для нашего анторейского мира, их стиль жизни очень благоприятен. Главное отличие механизмов мышления у астумов и анторейцев состоит в том, что астумы предпочитают мыслить индивидуально. Их стадия развития пока не позволяет им строить общую мыслительную биосеть. Не умеют пока. Хотя дальние разведчики говорят, астумы быстро осваивают инструментальные способы сетевого мышления. Но я глубоко убеждён, что анторейская система коллективного мышления пока не имеет аналогов по эффективности и ещё долго останется вне конкуренции. В обозримом мире, по крайней мере.

Суть нашего подхода заключается в том, что в центре мыслительной сети находится церена, наша мать-производительница. И когда возникает необходимость проанализировать сложную ситуацию, мы окружаем церену и подстраиваемся под тактовую частоту её мозга. Снабжаем её своей индивидуальной информацией и мнениями относительно решения проблемы. Обмениваемся свежей информацией. Отдаём и получаем приказы. На более низком уровне мы тоже умеем создавать локальные мыслительные сети, в центре которых находятся самые мудрые и умные патриархи. Но чем меньше сеть, тем она скромнее по возможностям и глубине анализа.

3. Лют Баз

Пока наставник Бейт рассказывает мне байки о былых героических походах, я скромно помалкиваю да киваю головой. В общем, веду себя как прилежный ученик на важном уроке. Но мне кажется, что наставник изрядно приукрашивает свои подвиги в нескольких эпизодах. Хотя это дело простительное, не соврёшь – красиво не расскажешь. А Бейт явно старается, чтоб его истории произвели на меня впечатление, запомнились. Симпатичный дядька! Усы, главное, рыжие отпустил, с бахромой. Девахи, наверное, с ума сходят от них на танцах. Как щекотнёт… хе-хе!

Через пару-тройку часов, когда стемнеет и астумы впадут в ночной ступор, мы выйдем из модуля в поле, на поиски пищевого сырья. Меня слегка колбасит от волнения. Это ведь первый выход. А хотелось бы отличиться, самому найти хороший запас калорийной и вкусной пищи. И чтоб церена, попробовав образцы, воскликнула: «О, это божественно! И кто же умудрился найти такую вкуснятину?» А ей командир Сид Лаг и скажи: «Вестимо кто – стажёр наш талантливый, Лют Баз! Запомните это имя, он себя ещё ого-го как покажет!»

Кстати, второй астум, который помельче в габаритах, сегодня явно не в форме. Он уже давно занял горизонтальное положение на огромном плато, укрылся ворсистым покровом и лежит неподвижно, постанывая. Я ощущаю своими сенсорами даже на расстоянии, что у него повышенная температура. И феромоны от него идут какие-то тяжёлые. Видимо, и астумы болеют, не одни мы. Не знаю, важная ли это информация для Сида, стоит ли грузить командира этим наблюдением? Пожалуй, скажу при сдаче вахты…

4. Сид Лаг

Информация стажёра, увы, подтвердилась. Я отправил четвёрку из нашей группы к астуму-Б проверить предположения Люта База. Разведка доложила: действительно, этот астум заболел. Слёг. Похоже на стресс после термодинамических перегрузок организма и воздействия внешнего вирусного возбудителя. Иммунная система дала сбой. Это не есть хорошо. Ни для кого. Во-первых, астум-Б приволок заразу из внешнего мира, а это не здорово не только для астумов, но и для анторейцев. Температурить мы не температурим, но к нарушению координации движений и снижению скорости обмена информацией в мыслительной сети вирус вполне может привести. Такое уже случалось. Во-вторых, если астумы заболевают, меняется их рацион питания, оскудевает, уменьшаются и объёмы потерь. А это подсекает нашу кормовую базу. И это особенно неприятно. А посему я принимаю решение о воздействии на астума-Б, чтобы заблокировать развитие недуга на самой ранней стадии. Мы обладаем технологией установки коллективного целительного поля. Эта процедура, конечно, потребует много энергии от нашей группы. Но тем самым мы предупредим наступление более неприятных для анторейцев последствий. Надеюсь, начальник штаба мои действия одобрит. Итак, задача группы на предстоящую ночь меняется. Мы выдвигаемся на плато ночного покоя астума-Б. В терапевтических целях.

5. Бейт Кун

Ладно, приказ командира – закон. Наш отряд скрытно достиг плато и рассредоточился по ключевым точкам генерации поля. Астум-Б действительно лежал горячий и, пардон, вонючий. Так пахнет болезнь. Мы по команде командира подняли передние антенны в направлении объекта воздействия и синхронно сгенерировали микровибрации заданной частоты. Наш контур из двенадцати узлов воздействия, рассредоточенных по периметру, создал особое поле, гибельное для возбудителя болезни. На эту затею должно уйти около часа, на большее

у нас просто не хватит энергии. Но Сид Лаг сказал, что посланного импульса, по идее, должно быть достаточно, чтобы купировать процесс в ранней стадии. Ещё бы астум-А догадался дать своему напарнику побольше горячего питья с витаминами. Нам ведь что важно в нашем мире? Стабильность. Гомеостазис.

6. Ирина

Вовка, представляешь, я вчера вечером так себя плохо почувствовала – голова разболелась, из носа потекло, хоть караул кричи! Ты ещё хоккей смотрел, а меня просто вырубило. Около девяти выпила двойную порцию аспирина, легла – и словно в яму провалилась. Ничего не помню. И вот что значит вовремя принятое лекарство! Проснулась около трёх ночи – ты сладко храпишь рядом, причмокиваешь, а у меня в голове абсолютная ясность и, не поверишь, дикий голод в животе! И ни намёка на недомогание! Ну, думаю, надо сходить на кухню, чайку с малиной попить, колбаски внутрь прокинуть. Легла-то не поужинавши.

Зажигаю ночничок, встаю и, представь себе, вижу картину маслом: в постели полно мелких рыжих муравьёв! Вот что они тут забыли, а? Меня всю аж передёрнуло от отвращения! Я их быстренько одёжной щёткой смела на пол, кого успела, потоптала. А вообще, надо с ними что-то делать. Я их даже на твоём столе, на ноутбуке видела – бегают по нему, как ни в чём не бывало! Ещё внутрь, чего доброго, залезут, коротнут там что-нибудь.

А позавчера ночью вышла на кухню воды попить – обнаружила на столе оставленный тобой кусочек шоколада и на нём целый корпоратив! Прикинь? Их там штук сто было, не меньше. Главное, облепили шоколад со всех сторон и жрут, аж хруст стоит! Чуть ли не чавкают! Я их в целлофановый пакетик стряхнула и – в морозильник. Утром в унитаз спустила. В общем, дорогой, давай займёмся этими мелкими пакостниками по-взрослому. От них, небось, и болезни все наши.

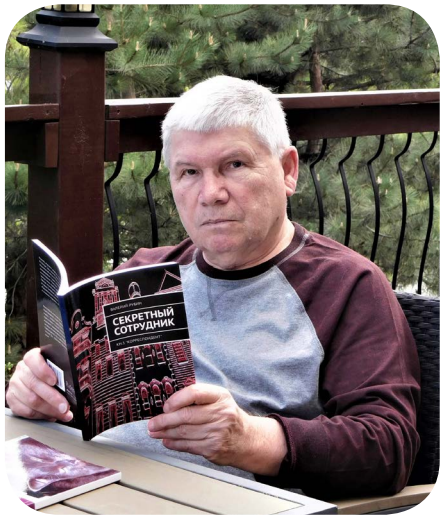
Я днём схожу в бытхимию, отравы какой прикуплю, чтоб набрызгать по углам. А тебя прошу пошарить на антресолях над ванной. По-моему, там матка и всё их кубло прячется. Пора оздоровить квартиру.

Рекомендуем книгу автора

Дело о пропавшем филине

Детский детектив

Обычный школьник, пятиклассник и любитель детективов Вася Сычиков сталкивается со странными событиями в школе: из кабинета биологии пропало чучело филина. Оказывается, что во всей школе одному только Васе важно добраться до причины исчезновения птицы. И он, следуя заветам великих авторов детективной литературы, с головой погружается в увлекательный мир расследования этой пропажи. Но очень скоро Василий понимает, что литература и реальная жизнь – совершенно разные вещи…



Валерий Рубин

Брамптон, Канада

С чего начинается роман. Совет начинающему писателю

Этот роман, вернее сказать, продолжение до настоящего, полного повествования стал моей первой попыткой написать книгу. Вам никогда не приходилось писать романы? Нет?.. Так я и думал. Я работал… какая, впрочем, разница, кем и где я работал, это неважно и никоим боком к сюжету не относится. И поскольку я тоже раньше не писал романов, то, решившись на это, естественно, столкнулся с некоторыми, мягко говоря, трудностями. А уж какие трудности ожидают на выходе книжки из типографии – это отдельная песня, сами понимаете. Как воспримет ваше сочинительство требовательный читатель? Друзья? Знакомые? Сослуживцы? Месть и преисподняя отнюдь не исключены. А какому-нибудь фанату и вовсе может прийти в голову шальная мысль насадить вашу головушку на шампур и засунуть в духовку.

Я ведь, честно говоря, даже не думал до поры до времени заниматься этим делом, так что не представлял, сколько сил и нервов будет мне стоить написание книжки, пусть первой и небольшой. А неизвестность, как известно, и манит, и пугает одновременно. Это как со скалы бухнуться в воду, не зная глубины. Или пойти жениться. Пойти жениться или сходить замуж – удачный образ, вам не кажется?

Те, что посерьёзнее, не мне чета, таки осознавали всё величие замысла и масштаб стоящей перед ними задачи, тщательно готовились, конспирировались под разными именами-паролями-псевдонимами – на всякий случай, не для славы, понятно, а на случай провала. И за время этой самой подготовки принимали решение: либо идти до конца, рискуя навлечь на себя вселенский позор, либо откладывали замысел под сукно до лучших, как говорится, времён, а то и просто забрасывали полуфабрикат в корзину для бумаг в сыром ещё состоянии.

С другой стороны, как мы уже отмечали, неизвестность манит и притягивает авторов-авантюристов. Принадлежал ли я к этой категории? А кто его знает… Однако в один из моментов почувствовал: пора, брат, пора. Сраженья сердце просит. Облачайся в доспехи – и давай на передовую. Незнание того, что ждёт тебя впереди, не должно отвлекать от поставленной цели. Плыть по течению – это участь слабых духом. Безумство храбрых спасает мир. Фантасмагория – вот оно, спасение! Скелеты в шкафу, магия, привидения, сумбур в голове и полёт фантазии, – что ещё нужно нынче для успеха?..

Надеюсь, я сумел объяснить, почему я не особенно долго раздумывал и с энтузиазмом лунатика, взобравшегося через дымоход на крышу, взялся за первую главу. Перво-наперво я задался вопросом: кто я и где я? Очень непростой вопрос, должен вам признаться, хотя и кажется навскидку проще пареной репы. Попробовать отобразить себя в роли главного героя – это ещё куда ни шло. Себя-то я как-нибудь знаю. А надо ли? Представьте, я напишу, что родился там-то и там-то, учился там-то и там-то. Думаете, это хорошо, что тебя знает всякая местная собака? Извините, конечно, поскольку имею в виду именно собаку, друга человека, которая жила с вами по соседству. Мы жили по соседству, встречались просто так… Вместе с тем надо бы показать – и показать досконально правдиво – знание местности, опи-

сание которой ложится в канву романа. Вот этим я уже мог бы гордиться, ибо пересёк свой родной город взад-вперёд и слева направо немыслимое число раз. Знал его как свои пять пальцев на левой руке. Это большой плюс для писателя, если он знает, о чём пишет, а не выдумывает всякий бред. Отдаёт себе, в общем, отчёт, а не просто стучит по клавишам компьютера. Потом, конечно, поездки по стране. Встречи с разными людьми. Всё это может очень пригодиться, если задержалось в памяти. Бывает, однако, что вылетает из головы, и с этим уже ничего не поделаешь. Поэтому, как советовал Маяковский, – а я его очень уважаю, пролетарский поэт, – глазами жадными цапайте всё, что под рукой, – возможно, и пригодится в будущей жизни. Если, конечно, я его правильно понял. Одним словом, так…

Как я пришёл к писательству, одному Богу известно, да и то сомневаюсь. Читать я любил. Это бесспорно. Набирал книжек, журналов толстых по трём-четырём библиотекам – и читал… А что вы хотите, телевизоры тогда были в зачаточном состоянии. С большим удовольствием читал, не абы как. Не скажу, что был одержим, но увлекался. В чём ещё я мог бы отличиться? Физкультура в школе – тоска смертная и пытка. Эти брусья, «козёл». Одно название чего стоит. Кроме шахмат, в которые сражался со сверстниками после уроков, – эти я сразу зауважал. В шахматный кружок я был готов ездить за тридевять земель, и ездил, соревновался. Разряд получил. В сборной играл за район. Но в шахматы играть, как вы, наверное, догадываетесь, – не книжки писать. И когда я потом, по прошествии времени, начал сочинять истории, решил: если погибать, то с музыкой. Так что дальнейшее повествование пойдёт от первого лица. Так для меня удобнее.

Рассказ от первого лица позволяет автору казаться искренним, даже если он слегка привирает с пользой для себя. К тому же автору в таком случае простительно что-то забыть, и чисто по-человечески читатель ему посочувствует, мол, с кем не бывает: вот уже и «альцгеймеры» в литературу проникли. Жанр записок при таком диагнозе просто незаменим и его можно рекомендовать всем начинающим. Получается, какую бы околесицу автор не нёс, она простительна, потому что идёт от первого лица, страдающего провалами в памяти, а то и амнезией в лёгкой форме. Да и кому нужна правда, признайтесь? Голая правда не нужна, поверьте, никому. Нечто правдоподобное? Да, чтобы быть в курсе и поддержать разговор, вставить свои пять драхм. Главное, не переборщить с правдой. Потому, кстати, если вы заметите в книге кое-где, грубо говоря, неправду, не смущайтесь. Так делают все писатели. Даже самые известные и знаменитые, состоящие в ПЕН-клубе. Дело в том, что писательская правда и правда политикана-горлана-главаря – две большие разницы. Герой наш говорит полуправду не из корыстных побуждений, а потому, что так хочет автор. Политик же купается в полуправде-полулжи, как воробей в грязной луже. И ничего: как правило, выходит сухим из воды и даже получает признание заслуг перед отечеством в виде ордена такой-сякой степени. Поэтому на всякий случай предупреждаем: наш главный герой вовсе не обязан вызывать положительные эмоции. Пусть расцветает сто цветов – пусть соревнуются сто мнений. Моя задача в том, чтобы заинтересовать читателя, а уж какую реакцию вызовут мои истории, меня волнует мало.

И последнее напоминание. Все персонажи и события, изложенные здесь, вымышлены, и всякое их сходство с реальными лицами и фактами – абсолютная случайность. Кто бы и что вам не говорил. Имейте в виду, прежде чем представить вам эти записки, я перечитал их сам от корки до корки, и мало того, посоветовался с юристом насчёт возможных судебных тяжб, связанных с конкретными личностями и их деяниями, если то и другое привидится кому-то в романе. Он мне ответствовал: комар носу не подточит, публикуйтесь смело, никто себя не узнает. Ну, а если да вдруг узнает, мы его засудим с Божьей помощью и посредством неотразимых аргументов.

(Фрагмент романа «Тель-Авивские каникулы»)

Наталья Ведищева

Липецк

Пасечник

Мистика

Ключом для объяснения успокаивающего действия дыма оказалось его влияние на рецепторы [обоняния], находящиеся в усиках пчёл… в присутствии дыма падает чувствительность рецепторов [обоняния] к феромонам тревоги.
Журнал «Пчеловодство»

В лицо, конечно, может, и не каждая пчела узнает… А когда без шапки с сеткой садишься у улья посмотреть, как пчёлки трудятся, – ни одна не жалит, чувствуют они ауру человека и запах.
Из рассказов опытного пасечника

Много было всякого в студенческой моей молодости (а у кого иначе?), но вот эта история точно заслуживает быть рассказанной.

Летом 1989 года (между вторым и третьим курсом) я с пятью подружками-сокурсницами – студотрядом! – отправилась в замечательное место: на базу отдыха для студентов и преподавателей нашего института, что располагалась в сосновом лесу, на берегу тихой речки. Работали мы там в местной столовке (посудомойками и кухонными рабочими), а жили в двух шагах от места работы, в четырёхэтажном, но очень компактном домике – на каждом этаже помещалось по две-три комнаты.

Наша команда обосновалась под самой крышей, в мансарде. Это было довольно узкое помещение, вытянутое между двумя окошками на противоположных фронтонах. Стенами в мансарде, отделяющими жилое пространство от пустот под скатами крыши, служили дээспэшные панели, оклеенные простенькими бумажными обоями. Вместо двери – люк в полу, точно по центру жилплощади.

Вдоль стен стояли железные кровати с панцирными сетками; проход между рядами – шириной ровно на ещё одну кровать. У обоих окон, а также напротив люка расположилось несколько стареньких тумбочек, похожих на ульи, облицованных уже слегка потрескавшимся от времени желтовато-рыжим шпоном. Завершала список мебели пара стульев с металлическими ножками и фанерными сиденьями – очевидно, из близкой столовой – которые постоянно кочевали по всей комнате.

Ах, какое это было чудесное лето! Мы проводили время так, как сейчас уже не получится ни при каком раскладе: без телевизора, без радио, без телефона и, разумеется, без интернета.

Во внерабочее время – купались (а потом сохли на горячем песке и болтали о всяком), пели песни под гитару, играли в теннис и волейбол. Самые «продвинутые» катались на новомодных роликах по немногочисленным асфальтовым дорожкам. И, наконец, мы просто гуляли по лесу, наслаждаясь постоянным общением, чистейшим воздухом и спокойной прозрачной водой: даже белоснежные лилии росли в местном водоёме, а уж канареечно-желтых кувшинок – без счёта.

Красота и ощущение полного, безоблачного счастья, почти как в детстве, – вот оставшееся в памяти впечатление от того времени. Поддавшись этому настрою, мы даже замки из песка как-то строили на берегу вместе со знакомыми ребятами, занимаясь этим с азартной серьёзностью детсадовцев, оккупировавших песочницу после длинной череды дождливых дней…

***

В один из выходных к нам в гости приехали ещё три подружки. С ночёвкой, чтоб не отвлекаться от полноценного загородного отдыха на разные мелочи (навроде «А во сколько там у нас последний автобус в город… был?»). Мы вместе посетили вечернюю дискотеку и потом всё никак не могли улечься: приволокли со склада матрасы, втиснули их в узкий проход между кроватями, организуя спальные места «понаехавшим», и долго ещё обсуждали всякое – несомненно, Ужасно Важное (то есть чисто по-девчачьи «чирикали» о всякой чепухе, со смехом перебивая друг друга). А после того, как уснули…

…Внезапно я пробудилась, но всё вокруг было странным, будто я до сих пор находилась внутри сна. Тусклый свет уличного фонаря, проникавший через окно, падал на девчонок, лежавших на соседних кроватях и «напольных» матрасах. Все мои подруги тихо, но явно болезненно стонали и, не открывая глаз, беспрерывно ворочались-переворачивались с боку на бок, будто пытаясь освободиться из невидимых пут. Это постоянное, абсолютно ненормальное движение вокруг должно было бы привести меня в ужас, но нет… Я спокойно смотрела на это и сама чувствовала себя мухой в киселе – настолько слабы были все мышцы, и главное – казалось, сам мозг опутывала сонная паутина, парализующая любое движение мысли.

Я спала на крайней кровати, ногами к окошку. И, открыв глаза, почти сразу заметила странный силуэт на фоне светлого оконного проёма: словно торчащая из укрытия макушка гигантской головы, снизу выступал полукруг чуть больше полуметра в длину и сантиметров на 20–30 в высоту. По его поверхности, кажущейся в полумраке комнаты абсолютно чёрной, метался взад-вперёд ярко-жёлтый кружок размером с ладонь. Не как расплывчатый луч фонарика, но словно анимированный рисунок: яркое жёлтое пятно с чёткими границами на абсолютно чёрном фоне. Рядом, в тёмном углу, находился наш «двухэтажный шкафчик»: прибыв на базу, мы выклянчили на складе лишнюю тумбочку и водрузили её на одну из тех, что уже стояли в мансарде. Поскольку «сверхнормативная» тумбочка была без дверцы, мы хозяйственно накрыли её жёлтой тряпочкой-занавеской. Теперь эта занавеска вовсю колыхалась, будто в этом углу находился локальный, комнатный вихрь; также слышался непрекращающийся звон наших металлических баллончиков со всякими куафёрными средствами, что стояли внутри, – то ли интенсивно перемещаемых ночным гостем, то ли это просто тряслась вся тумбочка целиком.

Мечущийся по круглой чёрной тени жёлтый «зайчик», больше всего напоминающий безумный глаз злодея из мультика, стонущие и ворочающиеся девчонки, бурное колыхание жёлтой занавески на тумбочке, звон и странное оцепенение, почти паралич… Вся эта совершенно дикая картина показалась мне тогда очень естественной, не вызывающей ни малейшего удивления… Мы были будто пчёлки, одурманенные дымом, дабы не мешать пасечнику заниматься в улье своими делами…

Собрав последние силы (как мыслей, так и мышц), я слабо воскликнула: «Смотрите, там кто-то есть!» Лежавшая рядом со мной (точнее – ниже, на «напольном» матрасе,

головой к окну) девочка попыталась обернуться, приподнявшись на локте, указующе вскинула, руку: «Да, девчонки, смотрите, там кто-то есть!» – и сразу же «отключилась», упав обратно на постель. Я же спокойно отвернулась к стенке (всё так же медленно, как муха в киселе) и… очень быстро и сладко заснула под звон баллончиков в тумбочке.

…Наутро никто не поверил моему рассказу о ночном происшествии. Никто, кроме меня, ничего не помнил. Только моя соседка по спальному месту, та, что очнулась ночью на краткий миг, глянула на меня задумчиво, а затем нерешительно сообщила: «Да, я вроде припоминаю, что я кричала: “Там кто-то есть!”» (Спустя 35 лет, когда я показала ей этот текст, она – взрослая, состоявшаяся женщина, мать двоих детей – вспомнила, что действительно видела тогда некое шарообразное тёмное существо рядом с собой, но почему так слабо отреагировала, не знает.)

Отравление психотропными веществами было полностью исключено. И наши спальные места в тот вечер были расположены так, что пробраться к тумбочке от люка в полу, не используя в качестве дорожки чью-либо кровать (причём только вдоль), можно было исключительно по потолку или по стенам. Из тумбочки ничего не пропало.

Что же ты искал тогда, Пасечник, у молодых, бестолковых пчёлок-девчонок? Или это мы поставили свой «улей» на твоей дорожке, а ты просто хотел пройти? И принял меры, чтобы мы ничем не побеспокоили тебя, не помешали?

Хотя… разве способны пчёлы понять мотивы и смысл действий Пасечника?

***

На память об этом лете у меня остались странные фотографии. Знакомый полупрофессиональный фотограф, услышав о них, презрительно фыркнул: «Ну, знаете, если так “аккуратно” обращаться с фотоматериалами, ещё и не то увидишь!» Возможно, он прав. Но почти на всех кадрах (чёрно-белых) после проявки стали видны чёткие белые линии, ведущие откуда-то из-за границы фото к головам людей. Кому-то линии потоньше под острым углом «бьют» в темя. У некоторых – более толстые линии – обвивают петлёй лбы. На моей старенькой «Вилии-авто» тогда слегка заедал затвор. Вероятно, именно это и позволило запечатлеть на плёнке следы нашего Пасечника, кем или чем бы он ни был.

Мы были молоды, и у нас было много других, более реальных проблем на дорогах исследования окружающего мира – это здорово помогло, смягчило стресс от контактов с Пасечником.

Да, «контактов». Именно так, во множественном числе, потому что ночным одиночным визитом это не ограничивалось…

Тем летом в стенах нашего временного жилища на всех этажах время от времени слышалось странное тиканье. Поскольку в те годы был как раз бум сообщений о паранормальных явлениях, мы сразу поняли, что это – подумаешь, обычное дело! – домовой (ассоциации с пчёлами и Пасечником ещё не приходили на ум). Правда, тонкий, звонкий звук тиканья, явно отличный от звука, издаваемого, например, сверчком, как-то не вязался со сказочным образом этого героя, но за неимением лучшего обозначения сошло и это. Иногда, собираясь большой компанией, мы вели с «тикальщиком» своеобразные диалоги, точнее – игру в «вопрос-ответ». И он никогда не подводил – тикал то один раз, то несколько – столько, сколько просили. Правда, иногда после слишком многочисленных или просто дурацких вопросов он сбивался на сердитое «тиканье», больше похожее на стрекотание.

Особенно сильное впечатление это производило на наших гостей. Поначалу они очень ехидно обсмеивали все наши «страшилки». Но когда из стены нас поддерживало и вступало в диалог «тиканье», насмешливое выражение их лиц сползало маской, оплывало, заменяясь удивлением на грани испуга. И было чему пугаться: тикать, как правило, начинало рядом с маловерными приезжими. Будто кто-то включал маленький, но странно громкий будильник. Где-то между дээспэшной панелью, заменявшей нам стенки, и скатом крыши – в тёмном пространстве, куда никому не было хода.

Никому из людей…

Елена Нестерова

Норильск, Красноярский край

Оглушение

Пора вставать. Три тридцать утра. Полчаса на то, чтобы выпить кофе, одеться…

Человеку, лежащему рядом, можно спать ещё два с половиной часа. Хорошо, что человек мне достался неконфликтный. Лежит, притворяется, что спит. Понимает, что будильник виноват. А я стараюсь не шуметь, собираясь на работу. Понимать меня он вынужден пять дней в неделю. На шестой и седьмой день и у меня, и у него выходные. Отоспаться есть возможность. Но… как только они наступают, черти нас будят в шесть тридцать утра. Случается поспать подольше, до семи. Точнее будет сказать, что в выходные мы просыпаемся в промежуток времени от шести тридцати утра до семи ноль-ноль. Хотелось бы этот момент уточнить. Мы можем проснуться, когда часы показывают и шесть сорок две, а можем и в шесть пятьдесят две встать. На прошлой неделе поздно поднялись. Было уже семь семнадцать утра.

Выходные дни сбивают с привычного ритма. Не люблю выходные. Теряюсь.

Три тридцать четыре. Пора вставать, чайник ставить.

Насыпала две чайные ложки кофе в кружку объёмом двести пятьдесят миллилитров. Налила кипятка сто миллилитров, подождала четыре минуты, чтобы кофе заварился, налила сто миллилитров холодной воды из-под крана. Выпила залпом. Вкуса не поняла.

Я так не всегда поступаю. Горячий кофе я пью утром в субботу и воскресенье, растягивая удовольствие минут на пятнадцать, восемнадцать. К сожалению, сегодня не суббота… Или к счастью, так как всё по плану. Время есть выпить ещё одну кружку тёплого кофе. Можно ещё минуты три-четыре потратить. Теперь порядок. Почувствовала, что выпила кофе.

Пора выходить. Всегда со страхом открываю входную дверь… Темно или нет в подъезде – вот в чём вопрос… Темно. Фонарик всегда со мной. Пятый этаж. Включаю фонарь. Направляю луч света наверх. Открыт люк. Страшно, но надо идти…

Первый, второй, третий шаг. Внутренний голос приказывает остановиться. Раз, два, три… вернулась к двери, дёрнула за ручку, два раза… Закрыла.

Знаю, дурная привычка – возвращаться и проверять, закрыла или не закрыла дверь, но пересилить себя не могу. Тянет всегда проверить.

Вновь три шага от двери, ещё два – и лестница. Кажется, что из открытого люка за мной наблюдают. Начинаю спускаться, считая ступеньки. Так про страх забывается.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять… площадка. Можно оглядеться, отдышаться… Ещё пять шагов, лестница. Один, два, три, четыре, пять… девять. Площадка, четвёртый этаж, четыре двери, пять шагов, лестница… девять ступенек… Третий, второй, первый этаж, почтовые ящики… Лестница, пять шагов, площадка, снова пять шагов и открываю дверь… Темно. Если бы не фонарик, который всегда со мной, не пошла бы дальше… Четыре шага. Вторая дверь, открываю её, вдыхаю холодный воздух. Свобода. Пять шагов, лестница, четыре шага, земля…

Во дворе ни одной живой души, темень… А до остановки четыреста девяносто семь шагов. Долгий путь…

Вечер. Возвращение домой. Время девятнадцать ноль-ноль. Дома буду через пятьдесят четыре минуты. Через час, самое большее. Моя остановка, выхожу. Четыреста девяносто семь шагов. Наконец-то я в своём дворе. Темно, собачники вышли прогуляться перед сном… Надо зайти в круглосуточный ларёк. Очень хочется мандаринов. Триста семьдесят восемь шагов. Купила пятнадцать мандаринов. Мел-

ких, уценёнку. Но я знаю, они сладкие, почему бы и нет…

Подошла к своему дому. Остановилась. В восемнадцати окнах пятиэтажного дома, в котором я имею честь проживать, горит свет. Двадцать окон по горизонтали. Восхитительно стройный ряд. Таких рядов пять. Вывод – мало людей свет зажгли в своих жилищах. Или на работе, или свет не любят. Последнее по себе сужу. Я свет редко включаю, только по необходимости. Ну не люблю я свет. Мне достаточно света от работающего телевизора.

Четыре подъезда. В последнем, четвёртом, на пятом этаже располагается моя квартира. Возле подъезда остановилась, достала фонарик, включила. Уверенна в том, что в подъезде будет привычно темно. Чтобы не было страшно, поднимаясь по лестнице, считаю шаги.

Первый этаж, второй, площадка, можно перевести дыхание. Хлопнула входная дверь. Шаги. Достаточно, отдохнула, пора двигаться дальше… и побыстрее. Вдруг человек в неадеквате. Третий этаж, шаги приближаются. Человек не спешит. Не тороплюсь и я. Оглядываться не стоит, и бежать тем более. Не стоит дразнить человека. Надо застыть, стать невидимкой, чтобы человек обогнал меня. Главное, когда приблизится, не смотреть ему в глаза.

Приблизился. Угораздило же меня посмотреть ему в глаза. Точно пьяный. Глаза красные, явно в неадеквате. Бормочет что-то про себя. Обратил на меня внимание. Улыбаемся друг другу. Начинаю разбирать, что человек бормочет. Кажется, требует, чтобы я вернула ему его бутылку. Бред.

Быстро всё произошло. Его руки оказались на моей шее. Мандарины побежали по лестнице, смешно подпрыгивая, словно живые.

Первый этаж, пакет с мандаринами в руках.

Второй этаж, шум, люди вышли из своих квартир. Любопытно, что произошло? Женщина лежит на площадке в неестественной позе. Что случилось и почему мне никто не ответил? Поднимусь выше на этаж. Странно, полицейские пропустили и слова не сказали, будто меня и вовсе нет.

Четвёртый, пятый этаж, шестой, седьмой.

Странно… и вновь первый этаж. Пакет с мандаринами в руках. Почтовые ящики, второй этаж. Рассвело. В подъезде тихо.

Третий день. Хотела открыть входную дверь, выйти во двор, вдохнуть свежего воздуха… Не смогла выйти из подъезда. Дёргала за ручку двери, оказывалась на втором этаже.

Четвёртый день. Сегодня поднялась до пятнадцатого этажа. Хотела сегодня на пятом войти в свою квартиру, не получилось. Стучалась, но не слышала звуков. Странно. Одышки больше нет, и колени не болят. Меня нет. Пятнадцатый этаж, люк открыт. Музыка заиграла. Слишком громко, как мне показалось. Закрыла уши, закрыла глаза.

Открыла глаза. Стою посреди комнаты. Три тридцать утра. Будильник трезвонит. Можно идти на кухню и готовить кофе. С удивлением обнаруживаю, что я уже одета для выхода. Придётся снять верхнюю одежду. На столе кружка с недопитым кофе, турка с остатками кофе на плите. Странно, кофеварку с конфорки убрала, а саму конфорку не выключила. Это просто невозможно. Обычно несколько раз перепроверю, выключила или нет.

Спокойствие… Дышим медленно, глубоко… Раз, два, три… десять… Теперь можно сесть и допить кофе, обдумать происходящее. Телефон показывает двадцать пятое число. Выпали из жизни четыре дня. Впрочем, не первый раз. Надеюсь, что глупостей за эти четыре дня не натворила и неприятных сюрпризов не будет…

Юлия Титова

Москва

Элия

Стояла тихая сумеречная погода, сухая, пустая, полусонная, порой ветреная. Межсезонье. Деревья уже почти облетели, ветер порывисто гонялся по улицам в поисках чего-то более тяжёлого, чем остатки сухой листвы и украденный с помоек мусор. Песчаные дороги подбрасывали ему горсти жёлтой пыли, и те клубились маленькими завихрениями прочь из городка. Остатки осеннего солнца были плотно затянуты скучно-серыми жадными тучами, не обещающими земле ни капли воды. Деревянные строения, стоящие вдоль улицы, производили впечатление заброшенных и унылых. Покосившиеся ставни, давно не крашенные стены и окна, потемневшие угловатые крыши, плотно запертые двери – всё это не лучилось гостеприимством и доброжелательностью.

В тот день на улице стояла мёртвая тишина. В одном из обветшалых домов в самом центре городка, в тёмной гостиной без какого бы то ни было освещения, молча склонив голову на грудь, сидела девушка лет восемнадцати. Звали её Элия Мура. Сколько прошло времени с того момента, как она с тихим вздохом устало села в обшарпанное кресло, и как долго оставалась в забытьи поглотивших её дум, нам неизвестно. Потеря её была велика. Умер отец. Всё-таки умер… Он долго болел, и надежды на выздоровление, как и денег на лечение, не было никакой, но она всё же надеялась до последнего. Она сама ухаживала за отцом, помогая ему держаться из последних сил за ускользающую жизнь, она жила ради него и, конечно, сделала всё, что позволяли её невеликие возможности. Но перед лицом наступающей смерти и её любовь, и все усилия были тщетны. Она в одиночку боролась и в одиночку встретилась с неизбежным. И тогда силы оставили её… Нет больше того, ради кого она держалась и крепилась телом и духом. Пустота и мрак внутри, мысли о будущем тяжелы весны и пугающи. А впереди ещё похороны, на которые после долгой болезни отца средств не осталось совсем.

Из родственников почти никого. Мать умерла, когда Элии было около двух лет, сразу после неудачных родов младшего брата, прожившего лишь несколько дней, а старшая на семь лет сестра, Эльза, давно покинула захолустный городок и нищую семью в поисках удачи и богатства. Много лет от неё не было ни весточки, никто не знал, как сложилась её судьба, да и жива ли она.

Однако мир не без добрых людей. Такие же небогатые, но сердобольные соседи пытаются, пусть не деньгами, но хоть словом и делом поддержать впавшую в тоску и апатию Элию. Ни принесённой еды, ни питья не видит она сейчас, горько у неё на сердце, и горечь эта чудится ей и в пище, и в воде. Только услышала совет, который замерцал, забрезжил, упал лучиком надежды в её измученную душу: волею судеб в городке оказался известный еврей-похоронщик – настолько богатый и эксцентричный, что мог взяться за работу без платы. Это значит, что у отца Элии появился шанс быть похороненным достойно, по-человечески, а не быть брошенным в безымянную яму на окраине городского кладбища, где находили последний приют нищие, бездомные и случайные заезжие, надумавшие скончаться здесь, в этом Богом забытом месте, скоропостижно и неприкаянно.

Остаётся только найти его, потенциального спасителя, и уповать на его милость. Городок небольшой, мест, где состоятельный человек может найти пристанище, немного, но этот человек слывёт чудаком. Потому поиск может усложниться. А время не терпит. Тело отца лежит в соседней комнате и, несмотря на прохладную и сухую погоду, уже начинает издавать аромат тлена, стремящийся расползтись по всему дому. Надо поторопиться.

Мысли Элии стали сбивчивы и суетливы: «Куда направиться? С чего начать? Как поднести свою необычную просьбу? Сможет ли моя ситуация заинтересовать такого известного человека? А вдруг он откажет? Или запросит большую плату? А что если слухи о чудаковатом еврее-похоронщике –

это всего лишь слухи? Прочь! Прочь лихие мысли! Прочь сомнения и страхи! Всё самое страшное уже случилось со мной, мне ли теперь бояться и отступать?! Пойду в гостиницу, там что-нибудь знают наверняка, хотя бы подскажут, где его искать».

***

Гостиница в этом маленьком городке была одна, но в ней почти никогда не бывало постояльцев. А уж заезжий богач и подавно обошёл бы её стороной. Но надо было с чего-то начинать. Элия собралась с силами и отправилась на поиски. Весь вечер блуждала она по городу, расспрашивая о похоронщике, но он будто сквозь землю провалился. Все знали, что он находится в городе, но никто не мог точно сказать, где он остановился. Ни в гостинице, ни в питейных заведениях, ни на базаре, ни даже в полицейском участке не смогли дать ей вразумительного ответа.

Отчаявшись, брела Элия в сторону дома. Заплаканное лицо обдувал ветер, распущенные волосы тяжело лежали на худеньких плечах, покрытые пылью и горем. Элия продрогла, ей страшно хотелось есть. Она словно очнулась от своей отрешённости, лишавшей её сна, жажды и чувства голода. Сейчас что-то внутри взбунтовалось в ней, и теперь она готова была бороться дальше, но уже не за жизнь и здоровье отца, а за себя, за свою собственную жизнь.

За несколько домов до её жилища девушка вдруг остановилась. Медленно подняла заплаканные глаза в сторону соседского двора. На крыльце стояли двое мужчин. Одного из них она хорошо знала, точнее, помнила, что он когда-то, много лет назад, дружил с её отцом. У соседа, такого же вдовца, как и их отец, был сын, Ролан Эбора, ровесник старшей сестры Элии. Ролан и Эльза были, что говорится, не разлей вода. Часто случалось, что эта сумасбродная парочка скрывалась из дому, убегая за пределы города, в степь, прихватывая иногда с собой малышку Элию. Ей было весело со старшей сестрой и её другом, рядом с ними маленькая девочка чувствовала себя безопасно и комфортно, ведь Эльза была ей как мать. Малышка играла со своей куклой, а дружная парочка о чём-то болтала, иногда весело, иногда очень серьёзно. А бывало, они вовсе переходили на шёпот, садились рядышком, и Ролан, держа Эльзу за руку, что-то рассказывал ей на ушко, пока та не вскрикивала, отпрянув, и не отталкивала друга с притворным возмущением.

Элии было около шести лет, когда Ролан пропал из жизни её старшей сестры. Она была слишком мала, чтобы знать подробности, и только видела, как все ночи напролёт плакала в своей постели Эльза. Никто из взрослых не говорил на эту тему, над именем Ролана повисло тяжёлое бремя тайны.

Однажды, незадолго до пропажи Ролана, зайдя в кухню в неурочный час, девочка обнаружила отца и соседа, разговаривающих на повышенных тонах, чего до этого не случалось никогда. Друзья громко спорили о чём-то, тон отца был обвиняющим, а соседа – гневным. Увидев Элию, оба замолчали, затем сосед вышел, громко хлопнув дверью. Больше он никогда не появлялся в их доме, дружба двух мужчин оборвалась так же неожиданно, как вскоре исчез Ролан.

В доме, прежде живом и радостном, поселилась грусть и тишина. Эльза долгое время не покидала свою комнату, отказывалась от еды и разговоров, а вскоре уехала из дому, не оставив после себя даже записки. С тех пор Элия, не обращая внимания на свои страдания, решила посвятить свою жизнь отцу. Она хоть и была мала, но очень искренне верила. Зная лишь коротенькую молитву, которой её научила сестра, девочка засыпала и просыпалась с ней на устах. Широко было её сердце. Она молилась за отца, выглядевшего скорбящим в последние дни, за милую сестру, пропавшую вслед за своим другом, за всех тех, кто страдал и бедствовал.

Сильно изменилась после этого происшествия и жизнь соседа. Он стал замкнутым, перестал выходить из дому, оборвал общение почти со всеми прежними друзьями, но изредка стали появляться в его доме странные, загадочные личности, о которых в городке и поговаривать-то остерегались.

И вот теперь, после стольких лет, она снова увидела соседа, стоящего на крыльце и при-

стально глядящего в её сторону. Элия сердцем почувствовала, что тот, кого она ищет, и тот, кто стоит сейчас рядом с отцом Ролана, – один и тот же человек. Сразу на душе стало как-то легко, отступили сомнения и страхи, Элия почувствовала, как спокойствие заполняет её душу, и вздох облегчения вырвался из груди. Не надо было ни о чём беспокоиться, ничего объяснять и кого-то уговаривать. Казалось, он всё знал, он был здесь именно поэтому. Он ждал её появления.

Похоронщик Эзра был незаурядной личностью, молва приписывала ему множество способностей и качеств, не присущих обычному человеку, а жизнь и деятельность его обрастали слухами и легендами. В ком-то он вызывал восхищение, в ком-то – страх, но безразличным не оставлял никого. Это могло быть любое чувство, что угодно, только не равнодушие. На Элию этот человек произвёл большое впечатление. Она подошла к крыльцу соседского дома и остановилась перед лестницей. Девушка стояла перед ним такая открытая и опустошённая, доверчивая и робкая. Знаменитый еврей был небольшого роста, худощавый, даже щупловатый, но ощущение от него исходило, как от большого человека или даже великого. С чёрными, как смоль, волосами и глазами навыкате, со жгучим пронизывающим взглядом, тяжеловатым и магическим, Эзра пришпиливал собеседника к месту, лишая возможности лгать. Большое чёрное пятно – то ли родимое, то ли какой-то кожный дефект – на бледной впалой щеке добавляло эффектности его лицу.

Он молча выслушал просьбу Элии, смотря на девушку пристально и в упор. Что-то недолго прикидывал про себя, как бы взвешивая все за и против, и… согласился. Правда, кое-какие условия всё же были: девушка должна была неукоснительно выполнять его приказания и распоряжения. И первым из них было пойти домой, отдохнуть и ни о чём не думать. Утром он обещал явиться и сделать всё необходимое.

Утро было серым, лохматым и ветреным. Казалось, погода бунтует против самой себя. Резкие порывы ветра сменялись минутами абсолютного штиля, и тем мощнее были следующие взвихрения неуступчивого шквала. Атмосфера накалялась и становилась всё более гнетущей как на улице, так и в доме Элии. Это был большой многокомнатный двухэтажный дом; построенный много десятков лет назад из тёмного тяжёлого дерева, он был рассчитан на большое количество жильцов, но при отсутствии оных казался теперь ещё более глухим, мрачным и зловещим. Освещения почти не было, дом будто стремился соответствовать череде событий, происходящих в нём последние несколько десятилетий, да и своему времени, которое было таким беспросветным и беспощадным.

Элия проснулась рано. За окном было ещё совсем темно, но она не могла больше спать. Предчувствие чего-то важного не покидало её с самого вечера, хотя в сон она провалилась, как в омут, и проспала кряду несколько долгих часов, свободная от разрывающих душу стенаний и хлопот за отцом, мучившегося болями последние месяцы жизни. Лёжа в постели, она вспоминала события последних лет. Бегство Эльзы, болезнь отца, его медленное, но неумолимое угасание, необходимость быстрого взросления, свои размышления о жизни, любви, справедливости, судьбе, Боге…

Стук в дверь вырвал её из видений прошлого. Это пришли старухи-соседки, ещё более бедные, чем семейство Мура, но пытающиеся хоть добрым словом проявить заботу об Элии, переживающей такую потерю. Узнав, какого гостя она ожидает, они резко замолчали. В глазах их читались страх и осуждение, однако уйти никто не решился.

В восемь утра явился Эзра. Его магнетизм нисколько не пострадал от смены времени суток, и Элия, снова попав под влияние его взгляда, готова была на всё, что бы он ни приказал. Её состояние напоминало эйфорию влюблённости, преданности. Девушка, словно загипнотизированная, слушала тихую речь похоронщика, ловила каждое его слово, всё больше погружаясь в состояние умиротворения и спокойствия. Он приказал положить тело отца на первом этаже, в комнате Элии, и велел всем убраться, чтобы вернуться в восемь часов вечера.

***

Элия явилась первая, ровно в восемь, как приказал Эзра. Отец, отданный на «обработку», преобразился до неузнаваемости. В жизни он был совсем неплотного сложения, невысокого росточка, седой, а за последние месяцы тело его практически высохло, пожелтело и сморщилось. Теперь же кожа его побелела, морщины разгладились, он получился словно живой, но спящий и бледный. Девушка глядела на него, и по её щекам текли слёзы. «Милый, милый папа… Как же мне будет не хватать тебя! Только с тобой я чувствовала себя защищённой и любимой. Ты придавал мне уверенности в завтрашнем дне, даже когда дела наши были совсем плохи. Ты всегда умел поддержать и вселить надежду. Ты научил меня с юмором относиться к перипетиям судьбы и смело глядеть в лицо неизбежного. И вот теперь я прощаюсь с тобой…»

Размышления Элии прервал Эзра. Мастер-еврей в её присутствии должен был произвести заключительные приёмы, которые должны были что-то показать. Он нажал на подвздошные кости трупа, и отец зашевелился. От увиденного Элия вздрогнула, сделала шаг назад и оторопела. Бледность залила её лицо, зрачки расширились, дыхание замерло, руки потянулись к горлу и, казалось, попытались сдержать сдавленный крик. Эзра невозмутимо продолжил. Он снова нажал на подвздошные кости и что-то там покрутил. Отец потянул руку к правому глазу, словно хотел его потереть. Сердце в груди Элии громко ухнуло и остановилось. Она испытывала сейчас смесь ужаса и благоговения. В голове всё смешалось. Мысли после короткого затишья хлынули бурной рекой, но Элия была словно парализована и не могла пошевелить даже кончиком пальца.

– Смотри и слушай! – сказал Эзра. – Сейчас я сделаю заключительное движение.

Он ещё раз нажал на кости отца, и тот, как бы завершая предыдущее движение, потёр глаз, из которого в тот же миг потекла слеза. Дальше произошло нечто, о чём впоследствии Элия будет вспоминать с сомнением в ясности собственного разума. Отец открыл глаза и покачал головой, в горле его клокотало, он пытался выдавить из непослушного тела какие-то звуки. Было видно, что давалось ему это ценой невероятных усилий. После этого еврей сказал, что больше ждать нельзя, а то может произойти непоправимое. Элия рухнула на колени, рыдания душили её, она с мольбой смотрела на Эзру в ожидании его объяснения. Но он молчал. Тогда она с криком подбежала к отцу и уже почти схватила его за руки, когда Эзра резким жестом прервал её движение.

– Не сходи с места! Иначе я ничем не смогу помочь! Ни тебе, ни ему!

Элия остановилась как вкопанная и снова упала на колени. Тем временем отец продолжал попытки что-то сказать дочери. Она уставилась на него немигающим взором, бессильная как-либо помочь, и сложила руки в молитвенном жесте, бесшумно бормоча молитву.

– Брось свои глупости, не теряй время и слушай его! – казалось, Эзра не кричал, а грохотал над ней. – Сейчас тебе придётся сделать выбор! Ты можешь спасти его! Ты можешь избавить его от мучений! Сейчас или никогда! Решай сию минуту, у нас больше нет времени!

– Но как? Что я должна сделать? – Элия недоумённо смотрела на Эзру.

– Ты можешь отдать свою жизнь ему, – уже тихим голосом сказал мастер-еврей, – и получить взамен его смерть.

– Но… разве это возможно?

– У тебя есть три минуты, чтобы дать ответ, – голос Эзры звучал спокойно, но жёстко. После услышанного у Элии появился металлический привкус во рту, – на вопросы времени нет. – И он повернулся, чтобы оставить её наедине со своими мыслями. Но едва Эзра отвернулся, девушка заговорила.

– Я согласна, – ни тени сомнения не возникало больше у неё, – если я могу вернуть жизнь тому, кого люблю больше всех на свете, то я сделаю это! Чем бы ни пришлось мне для этого пожертвовать!

В голосе Элии звучали вызов и страсть. Знаменитый похоронщик не отводил взгляда от её бледного возбуждённого лица. Казалось, он читал её мысли, видел порывы

души, обонял чувства. Взгляд его выражал удовлетворение и одобрение.

– Хорошо! – резко сказал он, как бы нехотя отрывая взгляд от пылкого создания. – Тогда ещё одна формальность. Он, – Эзра направил указательный палец в сторону мертвеца, – он должен согласиться на этот обмен.

В течение всего этого разговора отец Элии корчился в бесплодных попытках заговорить. Лицо его было искажено страданием и болью. В груди клокотали чувства и слова, поделиться которыми ему до сих пор не удавалось. Но вот случилось чудо. Как по мановению волшебной палочки, слова заструились из мёртвого горла.

– Не-ет…– звук был сиплым и не похожим на голос мужчины при жизни, но слова звучали чётко и понятно. – Нет… живи ты… – голова продолжала раскачиваться из стороны в сторону в знак протеста, но больше он ничего не сказал.

– Да будет так! – воскликнул Эзра. – Три минуты истекли, – лёгкое выражение досады и одновременно одобрения мелькнуло на лице этого влиятельного человека, но уже в следующую секунду оно не выражало ничего, кроме величия и спокойствия.

В тот же миг тело отца Элии снова стало неподвижным, холодным и окоченевшим, ничем не напоминающим о только что произошедшем.

Немногим отличалось тело девушки: в беспамятстве лежала она на полу возле гроба отца, бледная, ослабевшая, холодная. Только дыхание чуть теплилось из её полураскрытых губ. Эзра заботливо перенёс несчастную на мягкое глубокое кресло и ловким движением откупорил какую-то склянку, чтобы поднести её к носу бедняжки.

Элия пришла в себя мгновенно. Туманные воспоминания больше напоминали ночные кошмары или горячечный бред. Она мельком посмотрела на тело покойного отца, а затем вопросительно взглянула на Эзру. Он молча кивнул. В комнате повисла тишина.

Вскоре начали приходить соседки-старухи, которые сразу же обступили с воплями и плачем гроб отца. Пришёл и отец Ролана. Он вёл себя странно: вошёл в дом развязно, держался навеселе, но улыбка застыла на лице и приняла глуповатый вид, когда взгляд коснулся Элии. Как будто он не ожидал её увидеть… Или предвкушал увидеть кого-то другого. С того момента сосед стал жаться по углам, то и дело отходил в сторонку, словно желая уйти, но почему-то не смея покинуть этот дом. Смотрел он всё больше в пол, но иногда осмеливался поднимать глаза то на Элию – с удивлением и сожалением, то на Эзру – со страхом и пристыженностью. Для девушки такое поведение взрослого мужчины было загадочным, а вот для Эзры, похоже, тут тайны никакой не было. Его взгляд в отношении отца Ролана всегда оставался строгим и укоризненным. В какой-то момент сосед подошёл к телу бывшего друга и попробовал было незаметно прикоснуться к нему, но Элия увидела его попытку и заволновалась, не зная, как отвадить ретивого гостя от отца. За неё это сделал еврей, тут же подойдя и строго выговорив нарушителю.

Вопрос крутился на языке, но она не решалась задать его своему магнетическому повелителю. Он, однако, прочёл всё в её глазах и, отведя в сторону, поведал давнюю историю знакомства с соседом, бывшим другом её отца.

Дело происходило более десяти лет назад. Эзра гостил тогда в соседнем городе у своих давних приятелей. Он уже прославился в определённых кругах как личность, окутанная тайной. Кто-то считал его колдуном, кто-то – учёным, но определённо человеком, открывшим эликсир бессмертия. Что уж точно являлось большой для всех загадкой, так это возраст Эзры. По самым приблизительным подсчётам, исходя из историй о нём, которые возникали в разных частях света в разное время, его деятельность насчитывала более семидесяти лет, но точных цифр никто бы не смог сказать наверняка. Так вот, были у Эзры и поклонники-почитатели, были и злословы, но его мало трогали и те, и другие. Он жил одиноко, на широкую ногу, много путешествовал и никогда не афишировал себя и свою деятельность. Объявлялся тут и там, кому-то помогал, кому-то отказывал, никогда не выдавая своего истинного интереса к делам, за которые брался.

В один из дней явился к нему молодой мужчина и попросил выслушать его просьбу.

– У тебя кто-то умер? – спросил его Эзра.

– Нет… Пока нет, – ответил мужчина.

– Так зачем ты пришёл? – Эзра сурово посмотрел на просящего, и тот сжался под его взглядом, ощущая пронзительность чёрных глаз, как резкую колкую болезненность в области лба и сердца.

Гость понял, что этот человек видит насквозь его самого и просьбу, с которой он собирался обратиться.

– Ты знаешь цену?

Мужчина ещё больше сжался под тяжестью вопросов.

– Да, я знаю цену… Это жизнь самого любимого человека, – морщась от своих слов, произнёс он.

– И ты готов к такой жертве? Хорошо, ожидай меня в ближайшее время, – не дожидаясь ответа, сказал Эзра, развернулся на каблуках и зашёл в дом, давая понять, что разговор окончен.

Этим мужчиной был сосед Элии, отец Ролана. Долгое время его мучили сильные головные боли, и он узнал, что жить ему осталось несколько месяцев. Ему посоветовали готовиться к смерти и готовить свою семью к этому событию или разыскать еврея-похоронщика, известного как Эзра. Если тот возьмётся, заверяли его, то, возможно, жизнь удастся сохранить. Поговаривали, правда, что это может стоить жизни кому-то из близких умирающего. «Стоит ли придавать значение сплетням, когда твоя жизнь висит на волоске?» – подумал тогда Эбора-старший. По стечению обстоятельств знаменитый маг находился поблизости, и умирающий мужчина бросился к нему.

Вернувшись домой после разговора с Эзрой, он направился к другу, отцу Элии, чтобы поделиться с ним новостью. Но вместо поддержки друг начал убеждать его отказаться от этой безумной фантазии, ведь ценой её воплощения может стать жизнь сына.

– Неужели ты способен забрать жизнь у своего ребёнка, чтобы избавиться от смертельной болезни?! – возмущался отец Элии. – Даже не стать бессмертным, а всего лишь продлить свою жизнь на несколько лет! Да и ради своего собственного бессмертия не стал бы я делать этого! Ведь после такой жертвы жизнь эта станет жалкой и никчёмной. Одумайся, друг, прошу тебя!

– Тебе легко говорить, – отвечал Эбора-старший, – ты жив и здоров, и тебе на протяжении многих лет ничего не предвещает смерти, а я уже слышу её дыхание в мой затылок, вот-вот она похлопает меня по плечу! Это чудовищно, как ты не понимаешь?

– Чудовищно то, что ты собираешься сделать с сыном! Ничто на свете не сможет оправдать твой поступок! – сказал отец Элии. Голос его звучал осуждающе и печально.

– Я уверен, что будь ты на смертном одре, то заговорил бы по-другому! – воскликнул Эбора-старший с последней надеждой.

– Нет, ничто не заставило бы меня лишить жизни моего ребёнка. Подумай крепко, прежде чем совершить такую чудовищную ошибку, прошу тебя, друг мой!

– Время нас рассудит, – Эбора-старший говорил с надрывом, нотки обиды и непонимания превратились в гневные выкрики, – время и жизнь!

Примерно в то время маленькая Элия и застала друзей в день, когда они перестали быть друзьями. А вскоре исчез и друг её любимой сестры, Ролан. Теперь Элия понимала, что произошло с мальчиком. Отец обменял свою смерть на его жизнь, а сын не отказал отцу в его требовании. Слухи об этой страшной истории всё же как-то просочились, и Эльза, несчастная сестра Элии, не смогла вынести такого чудовищного известия. Она сбежала подальше от того места, где живёт теперь не своей жизнью отец того, кого она так беззаветно любила.

Стала понятна и причина странного поведения соседа на похоронах её отца. Он знал, на что способен Эзра, и ожидал увидеть старого друга, совершившего такой же выбор, как и он много лет назад. Он был готов бросить в лицо тому, кто тогда осудил его: «Ну что? Вот видишь? Я же говорил, что по-другому невозможно!» Эбора-старший нисколько не сомневался, что пред лицом смерти любой человек готов отдать самое дорогое, пожертвовать чем или кем

угодно, только бы сохранить свою жизнь. Но он просчитался…

По распоряжению Эзры эту ночь отец должен был провести в комнате Элии, и она, похоже, должна оставаться с ним. Это её смущало и немного пугало, но девушка молча согласилась, помня о данном обещании выполнять беспрекословно все приказы похоронщика.

Позже, когда все гости разошлись и дом опустел, девушка поднялась с евреем на второй этаж, где он выбрал себе комнату для ночлега. Выбирал Эзра сам, прохаживаясь по коридору уверенно, словно не раз бывал здесь. Ни он, ни Элия за вечер не проронили друг другу ни слова, так же молча она оставила его на пороге выбранной комнаты и поспешила к телу отца, где ей предстояло провести ближайшую ночь.

Сна не было ни в одном глазу, и девушка сидела на жёстком стуле возле гроба и всматривалась в бледное лицо отца. «А может, мне всё это просто привиделось? – думала она. – Да, скорее всего, так и было, моё уставшее за последние месяцы сознание сыграло со мной злую шутку. Надо выбросить эти видения из головы. Жизнь продолжается, и рано или поздно мы с отцом встретимся».

И снова в её мысли вторгся Эзра. «Поднимись ко мне», – приказал он. Голос звучал в голове Элии, но так ясно, как будто еврей находился рядом. «Поднимись немедленно».

Девушка поспешила.

Уже через несколько минут состоялся разговор. Где-то на втором этаже, в другом крыле дома, в почти неосвещённой комнате, собрались трое: Эзра, Элия и… её вторая половинка – юная девушка, но не сестра, и даже совсем не похожая на неё! Но Элия была абсолютно уверена, что по причинам, ей неизвестным, она как бы разделилась надвое. Новая гостья выглядела очень эффектно: идеальная осанка, уверенность, манеры, жесты, речь – всё в ней казалось совершенным. Когда Элия вошла в комнату – в скромном тёмном платьице, без косметики, с поникшей головой и опущенным скромным взглядом, – та стояла позади Эзры, с длинными завитыми волосами, ярко накрашенная, в обтягивающем чёрном одеянии. В её глазах Элия прочла интерес к себе и какое-то ожидание и надежду.

Разговор пошёл о том, чтобы вступить в отношения с евреем, остаться с ним в роли его спутницы до конца дней. Это не было платой за его услуги, нет. Позаботился об отце Элии он бескорыстно, как и обещал. Но Элия оказалась для него находкой. Той, которую он искал всю свою жизнь, а, по всей видимости, длина её выходила за рамки возможных представлений обычного человека. Чистота Элии, её внутренний свет, бескорыстная душа, незамутнённый ум и огромный потенциал, недоступный пока обычному взору, вдохновили его на небывалые доселе решения и перспективы. Но реализовать он их мог теперь только с её помощью, с её добровольной и чистосердечной поддержкой. Поэтому тут он не мог приказывать, напротив, эта новая всплывшая деталь событийной ленты приказывала ему. И он подчинялся.

Эзра беседовал с ними двумя, ведь, обладая магическими способностями и влиянием, он мог делать это с обеими половинками одновременно. Объявившаяся «половинка» Элии была согласна, сама же девушка сомневалась, она сидела и грустно молчала. Еврей сказал, что согласия одной половинки недостаточно, так как, при всей привлекательности, он не «видит» её нижнюю половину – не физического тела, а как-то иначе. «Половинка» убеждала Элию согласиться, так как это предложение избавило бы их от многих бед в будущем, да и человек этот был необыкновенного влияния и магнетизма. Они могли у него многому научиться и изменить свою жизнь.

Тут Элия вздрогнула и… проснулась. Она по-прежнему сидела возле тела отца, на жёстком стуле при свете тусклой лампады. В углу комнаты девушка заметила какой-то несмелый блеск. Она поднялась со стула, подошла поближе и увидела, что на столике у кресла лежал мерцающий в свете лампады огромный драгоценный камень тёмно-красного цвета. В доме больше никого не было…

Владимир Соколов

Хабаровск

Продавцы и покупатели

Рассказ

О, как она заразительно смеялась, эта маленькая молоденькая китаяночка, продавщица фруктового лотка, примкнувшего к воротам территории гостиницы «Золотая гора»! Глядя на неё, тоже хотелось расхохотаться, но я делал умную и строгую мину и продолжал торговаться, потому как знал, что все продавцы любят, чтобы с ними обязательно поторговались. Тогда они испытывают истинное удовольствие от своего занятия.

Я показывал на груши, а потом на окошечко своего миниатюрного калькулятора.

Она брала его и высвечивала на экране число двенадцать, и это означало – она просит двенадцать юаней за полкилограмма груш. Но я давно знал, что местные продавцы для русских все цены завышают в два и даже в три раза, поэтому набирал на клавиатуре цифру три и показывал ей. Но она не соглашалась и показывала рукой вверх два раза, что означало: поднимай, дружок, выше цену.

Я набирал на клавиатуре: три, запятая, ноль один. Это означало, что я согласен на три целых и одну сотую долю юаня. И показывал ей. Увидев такую цифру, она хваталась за голову, а потом безудержно хохотала, показывая рукой опять: вверх, вверх! Тогда я снова набирал три целых, но уже ноль два, тем самым добавив ещё одну сотую. Это приводило её в неописуемый восторг! Она заливалась звонким детским смехом, потом брала мою счётную машинку и показывала пожилому китайцу, вероятно, своему отцу, который находился рядом и с лёгкой усмешкой по-отечески наблюдал за этой сценой. Она возвращала машинку мне и опять рукой показывала: выше, выше! Я снова добавлял одну сотую и опять показывал ей. Она хохотала как ребёнок. Потом я переходил на десятые доли.

Так мы забавлялись до тех пор, пока не останавливались на четырёх юанях. По такой же цене они продавали груши и своим соотечественникам. Довольные собой, мы с улыбкой расставались. Она махала мне на прощание рукой, а я говорил ей:

– Гуд бай!

Как ни странно, но они это слово хорошо понимали.

В ответ она говорила:

– Бай-бай.

И мы расходились. Я обычно шёл на пляж. Она же зазывала других отдыхающих. Но, возвращаясь с пляжа, я вновь проходил мимо этой палатки. Она, увидев меня, улыбалась и была похожа на майское солнышко, а от её плоского лица с маленьким курносым носиком исходила какая-то тёплая и светлая волна. Мы опять азартно торговались – либо за сливы, либо за яблоки, а потом весело прощались. Так было почти каждый день.

Наступил последний вечер моего пребывания в этом уютном курортном городке. Что-то не спалось, и я пошёл погулять. Вышел за ворота гостиничного комплекса. Напротив, через дорогу, было кафе под открытым небом. За столиками сидело несколько посетителей. Я решил там посидеть, попить пива, посмотреть на ночное море, послушать бесконечный шелест и шуршание песка.

Шустрый официант выловил королевских креветок в одном из аквариумов, которых стояла целая галерея, тут же их пожарил и подал вместе с напитком. Мягкий июльский вечер и ласковый напев слабых вечерних морских волн настроили душу на лирический и чуть грустный мотив. Мне всегда печально расставаться с теми местами, где я оказывался по воле случая даже на короткий отрезок времени.

«Вот завтра уеду, – думал я, – а когда-нибудь возвращусь сюда? Здесь так тепло и так приятно отдыхать! Нет ни повседневной суеты, нет ни шумливых отдыхающих, нет ни вечно что-то ищущих по магазинам и бутикам дородных тёток в сопровождении толстых и лысых мужиков, таскающих за ними полные сумки, набитые различным барахлом».

Городок полностью приспособлен только для отдыха. Не даром он был закрыт долгое время для посещения, потому что здесь отдыхала пекинская элита. До сих пор здесь много закрытых пансионатов, у ворот которых стоят часовые.

Занятый своими мыслями, я и не заметил, как пролетело два часа. Решил ещё раз прогуляться по берегу моря.

Пройдя по пешеходной асфальтированной тропинке сотню шагов, я заметил, что во дворе профсоюзной гостиницы, прямо на земле, расположился импровизированный рынок. Решил заглянуть туда и посмотреть, чем торгуют в ночное время. Продавцов было десятка два.

Они разложили на ковриках, на низких столиках, на белых тряпках, а то и просто на упаковочном картоне всякие мелкие вещицы. Тут были бусы, серьги и браслеты из натурального жемчуга, которого в этих краях было великое множество; большие и маленькие морские раковины; поделки из натуральных и искусственных камней, большинство которых были зелёного или бледно-зелёного цвета; поделки мелких чучел лошадей, коров, коз, быков из натуральной шкуры; корабли и кораблики из алебастра, выполненные по старинным китайским мотивам и облепленные снаружи мелкими ракушками, придающими им неповторимый колорит.

Просмотрев предложенный товар, я остановил свой взгляд на небольшой фигурке лучника из зелёного камня. Продавец, видя мою заинтересованность, стал что-то говорить, очевидно, расхваливать товар, но я ничего не понимал, а только слушал его. Потом достал свой походный калькулятор и подал ему. Он высветил на табло сорок юаней. Для поделки из настоящего камня это было дёшево, а из искусственного – дорого. Но на меня что-то нашло и я решил маленько поразвлечься.

Я показал ему рукой вверх, мол, поднимай, дружок, поднимай, как это делала смешливая продавщица из фруктовой палатки. Но он ничего не понимал, а только озадаченными глазами уставился на меня. Тогда я взял счётную машинку и высветил сорок пять юаней! Это привело его в ещё большее недоумение, и он опять высветил на машинке сорок. Тогда я высветил сорок семь!

Он что-то прокричал своим друзьям-продавцам. Думаю, нечто в духе: «Вот, какой-то сумасшедший русский не хочет покупать статуэтку за сорок, а хочет за сорок семь, да ещё и торгуется!»

Вокруг нас начали собираться продавцы: всем было интересно посмотреть на русского ненормального. А мне, как говорится, попала шлея под хвост! Я опять взял машинку и высветил пятьдесят! Все вокруг зацокали языком и что-то заговорили между собой, но никто не понимал меня и чего я хочу, да я и сам не понимал уже, что делаю, просто хотелось подурачиться.

Да и статуэтка по большому счёту была мне не нужна. Просто в глазах стояло лицо лучезарной продавщицы-китаяночки, и я стал торговаться, только в обратную сторону, не на уменьшение, а на увеличение. До китайца ещё не доходил смысл моего шуточного развлечения, хотя жестами я ему показывал: увеличивай цену.

Наконец он что-то сообразил и высветил – пятьдесят один. Я – пятьдесят два.

Он – пятьдесят три. Я ожидал улыбки на его лице, но нет! Он торговался на полном серьёзе. Я понял, что такие шутки выше его понимания, и решил назвать окончательную цену – пятьдесят восемь. Он – шестьдесят. Я замахал руками и хотел уйти, но не тут-то было. Плотная стена китайцев окружала меня.

«Будут бить, как Остапа Бендера», – пронеслось в голове. Но бежать мне было некуда. Если только в море – напроситься к русалкам на чаепитие! «Доигрался, дружок!» – говорил я сам себе.

Я сунул ему в руки сотню. Он добросовестно отсчитал мне сорок юаней.

Тут все опять дружелюбно заулыбались и расступились, чтобы я ушёл. Они хлопали меня по плечу и что-то восхищённо говорили, но мне было это безразлично, потому что сделал вывод: не надо шутить на серьёзном мероприятии!

На следующее утро я опять увидел смешливую китаянку. Она предлагала поторговаться, но я показал на солнце, потом на горизонт и сказал: «Ту-ту». Она поняла, что вечером я уеду. Я вытащил из сумочки вчерашнюю статуэтку и подал ей как подарок. Но она замахала руками: «Ноу, ноу!» Я настаивал. Она посмотрела на отца. Он едва заметно кивнул. Тогда она взяла статуэтку и вдруг, совсем для меня неожиданно, произнесла: «Сипасибо!»

Я улыбнулся и произнёс: «Бай-бай!» Она расплылась в очаровательной улыбке, сложила вместе ладони около лица и, слегка поклонившись, ответила: «Бай-бай!»

Я помахал ей рукой, на этой минорной ноте мы и расстались.

У меня остались приятные воспоминания о море, о чистом пляже, о хорошем обслуживании и доброжелательных китайцах. Надеюсь, у них тоже.

Рекомендуем книги автора

Зуб акулы
Сказка

Книга в каталоге
knigi-market.ru/zub-akuly-vladimir-sokolov

Десять солнышек
Стихи для детей

Книга в каталоге
knigi-market.ru/desyat-solnyshek

Наталья Шарапова

Анапа

Подарок

С котом и собакой, жирафом и волком…
Подарок лежал под сверкающей ёлкой!
Свой час он с большим нетерпением ждал,
Да только его Дед Мороз не вручал.

Принёс Снеговик представительный список,
Составлен он был из ребячьих записок!
Подарки настала пора раздавать!
Стал перечень тут же Мороз изучать:

«Тимошка просил легковую машину…
Ну что же, не буду тянуть я резину,
Не вижу причины, послушным он был,
Бесспорно, награду за труд заслужил.

А Даша мечтала о сказочном платье,
Принцессой на празднике стать в одночасье!
Ну как я могу не исполнить мечту
И девичью скрыть от людей красоту?

А что же заказывал мальчик Макарка?
Его ждёт сюрприз из коробочки яркой?
Простите, ошибся, он “Лего” хотел,
Его в свой мешок положить я успел!

Но чей же подарок под ёлкой остался?
Неужто напрасно я нёс, надрывался?
Просила лиса? А быть может, медведь?..»
Решился немедля Мороз посмотреть.

Внезапно увидел приклеенный стикер,
Прочёл: «За старание срочно вручите
От гнома Читайкина важный пакет!
А что в нём лежит, извините, – секрет!»

Растерянно смотрит Мороз на коробку,
Кому предназначена эта находка?
Нельзя ошибиться, пакет кто-то ждёт:
«Прошу всех старательных выйти вперёд!»

И тут, засмеявшись, шагнула малышка
«Я знаю, – сказала, – сюрприз этот – книжка!
Письмо самолично писала не зря,
Под ёлкой пакет ожидает *меня!»*

Расплывшись мгновенно в довольной улыбке,
Мороз закряхтел: «Избежал я ошибки!
Держи свой подарок, по праву он твой!
Могу уезжать со спокойной душой.

Посылка нашла своего адресата!»
Махнул добродушно: «До встречи, ребята!» –
«Читайкину, – крикнула Ника, – привет!» –
Открыв отправителя толстый пакет.

Лежала там книга – чудесные сказки
С картинками дивными в виде раскраски,
На каждой страничке живёт волшебство,
Ну как не прочесть и не встретить его?

Гостья

Кустарник сирени стоял в зимней шапке,
Зимы изучая морозной повадки.
Как вдруг на него приземлилась снежинка:
Изящная, лёгкая, будто пушинка!

От счастья она возбуждённо блестела
И звонко смеялась: «Ура! Долетела!
Давайте знакомиться! Как вы прекрасны!
Я вижу, проделала путь не напрасно!

Здесь всё интересно и всё по-другому,
Завидую вашему счастью земному:
Гирлянды, игрушки и ёлка большая!..»
И куст не стерпел: «Ты откуда такая?»

«С той тучки! – Снежинка на небо кивнула. –
Она, пролетая над вами, чихнула.
А я путешествовать с детства привыкла,
Слетев, во владения тайно проникла.

Люблю поглазеть на сады, буреломы…
Мы с солнышком даже немного знакомы!..»
Но куст перебил: «Извини, это странно,
Учесть попрошу, не терплю я обмана!

Как может снежинка с огнём подружиться?
В правдивости слов разреши усомниться!
Возможно, ты просто, малышка, не знаешь?
Чуть солнце пригреет, ты тут же растаешь!

Короткий твой век, так что будь осторожна!
Запомни: пропасть в нашем мире несложно…»
Но гостья невольно в ответ рассмеялась:
«Я солнца, мой друг, никогда не боялась!

Готова своим поделиться секретом:
Я с солнцем как раз познакомилась летом!..»
Не выдержав, куст закачался от злости:
«Ты брось сочинять! – рассердился на гостью. –

Снежинки живут исключительно в стужу!
От солнышка вмиг превращаются в лужу!
К чему эти враки, скажи, попрыгунья?
На землю стряхнуть не мешает мне лгунью!..»

«Зачем же так злиться, мой добрый приятель?
Как будто весной вы не видели капель!.. –
Снежинка вздохнула, отпрянув от края. –
Конечно же, я под лучами растаю!

Потом под землёй просочусь быстро в реку,
С друзьями отправлюсь по белому свету,
А солнце пригреет лишь только лучами,
Вернусь я на облако, к папе и маме.

И вновь путешествовать буду по небу,
И с ветром вести бесконечно беседу,
Летая над морем, над лесом дремучим…
Покуда не станет то облако тучей.

А с севера ветер вернётся суровый,
И я к приключениям буду готова,
Снежинкой сверкающей стану мгновенно,
На землю вернусь в Новый год непременно!

Вот так пребываю я в круговороте,
Не зря происходит всё это в природе…
Клянусь, я сказала чистейшую правду!
Сломаем же к искренней дружбе преграду!»

И куст, устыдившись, воскликнул смущённо:
«Твой жизненный путь интересен, бесспорно!
Такие курьёзы мне даже не снились!..»
И в ту же минуту друзья помирились.

Слово об «Уральских сказаниях»

С волнением держу в руках «Уральские сказания» с дарственным автографом писателя Николая Ильича Перевозчикова. Много лет назад мне неоднократно приходилось бывать в Златоусте, Кыштыме, Каслях, Кусе и других городах и заводских посёлках Урала. И вот теперь с каждой страницей книги я с радостью и интересом прохожу по краю чудной природы и замечательных людей – трудолюбивых, мудрых, совестливых, всей сущностью преданных Родине – России.

Во всех новеллах, составляющих книгу, без надуманных перехлёстов описана жизнь простых людей, попавших в сложнейшие обстоятельства, из которых они выходят, не теряя совести и чести.

В критические моменты жизни своих героев автор не прячется за их спины, не отталкивает их, а стремится неназойливо выводить их на дорогу высокой человеческой нравственности, традиционной духовности, веры в добро и справедливость. Видимо, поэтому каждое сказание заканчивается благополучно.

Автор обладает русским языком высокой культуры, не злоупотребляет диалектами, в его речи нет сквернословия и иноязычного мусора. Поэтому «Уральские сказания» читаются и детьми, и взрослыми с истинным наслаждением.

На первый взгляд «Уральские сказания» видятся как чудесная мозаика разнообразных историй и событий, в которых оказываются его герои. Но если всмотреться, то мы увидим, что талантливый и мудрый писатель представил нам картину на вечную тему – как соотносятся друг с другом богатство и человеческое счастье. Сколько надо денег, какое надо иметь богатство, чтобы чувствовать себя счастливым?

Оказывается, богатство не делает человека счастливым. Деньги, роскошь, хоромы, омнибусы и дилижансы, заморские путешествия, а сегодня – эксклюзивные автомобили, личные самолёты, белоснежные яхты, виллы на берегах тёплых морей не делают человека счастливым. Вспомним судьбу Алексея, будущего иконописца, соблазнившегося волшебной шкатулкой. Богатство может утолять тщеславие, но не может укротить алчность наживы, очерствляет душу, убивает богом данные творческие способности человека, отвергает его от бескорыстного благодеяния.

Именно эти черты в поведении Алексея заметила его жена Екатерина – стал чёрствым, отказался помочь умирающей матери, перестал давать милостыню блаженным и немощным. А какой точный портрет современного богатого барина дал автор в новелле про пёсика Дружка-Грига! Узнав, что Дружок обучен еженедельно прибегать в сельскую аптеку и магазин, где в его упряжечку клали лекарства и кое-какие продукты, которые он исправно доставлял старушкам в свою деревню, барин пленил собачку, приказал сломать саночки и выбросить в лесу. А Дружка задумал использовать для того, чтобы он доставлял барину на рыбалку удочки и коньяк из магазина. Пусть, мол, у моих приятелей челюсть отвиснет от зависти!

Сердце барина, если оно вообще было в его громоздком теле, не дрогнуло от того, что во время пленения Дружка из его котомочки выпал коробочек с лекарством, без которого жизнь старой учительницы в заброшенной деревне может остановиться в любое время. А когда молодой приятель барина высказал ему сожаление по поводу пленения Дружка и казуса с лекарством, тот твёрдо оборвал: «Не умничай! Делай то, что тебе сказано!» Поздно вечером, освобождая Дружка из клетки и закрепив саночки в его упряжке, дочка барина молвила: «Ты, собачка, моего отца прости, большие деньги у него ум и совесть отшибли. Счастливого пути».

Истинное счастье, справедливо утверждает автор «Уральских сказаний», постигает тот, кто ищет его не в деньгах и богатстве,

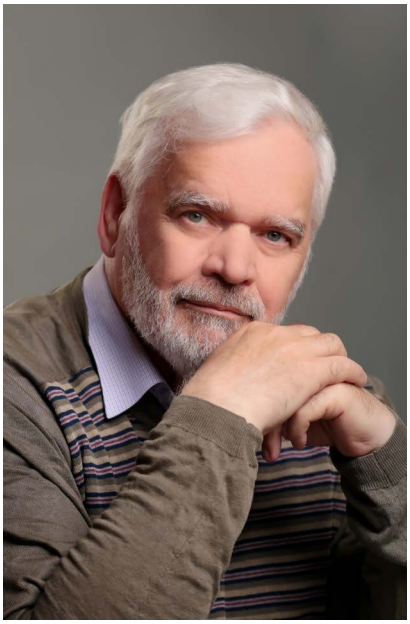
а в труде, в профессиональном совершенстве, в полезной для семьи и людей деятельности. Случилось так, что солдат Василий, отслужив срок в царской армии, волей судьбы оказался в Стамбуле у своего знакомого Амана, которого когда-то спас от смерти на поле боя. Благодарный турецкий господин встретил Василия дружелюбно, расположил в своём дворце, предложил большие деньги, чтобы Василий открыл, как говорят сегодня, «своё дело», лавку с товарами, и начинал богатеть. Но Василий думал о счастье иначе. «Деньги, – сказал он Аману, – и украсть могут, и потерять их возможно, а вот ежели я мастером стану, то мастерство при мне на всю жизнь останется».

Удивился Аман, но согласился, ведь Василий был его дорогой гость…

Василий стал овладевать ремеслом чеканщика и вскоре стал таким мастером, что выполнял самые сложные заказы, удивляя покупателей своим качеством и обогащая хозяина растущими барышами. Вернувшись на родину, в Россию, Василий занялся любимым делом. В заказах не было отбоя, люди восхищались его изделиями – вазами, кубками, кувшинами, табакерками, красивыми рамочками для икон. К восточному орнаменту Василий добавлял русские узоры. И жена его, турчанка Адель, проявила себя как мастерица бисерной вышивки, умелица кроить и шить красивую одежду. В любви, труде и радости вырастили Василий и Адель троих детей, дали им профессии и образование. Вот оно, счастье-то истинное!

Золотыми руками, светлой головой на всю округу славился кузнец Тимофей, который всех удивлял отменным искусством, качеством изделий. На потеху людям он обучил молотобойному делу прирученного медведя. Читаешь «…Сказания» и явственно ощущаешь, что с удивительной подковой, изготовленной золотыми руками кузнеца Тимофея, радость и счастье приходит в дом её обладателя.

Сегодня можно встретить немало пишущих людей, которые в угоду политической ситуации готовы пнуть ногой советскую власть, бросить в неё ком грязи, получая за это публичное одобрение, а то и награды не только в нашей стране, но и от эмигрантского зарубежья. Да, время было сложное и не просто переходное, а переломное, но измерять его шаблоном нельзя.



После трагедии в храме во время операции продразвёрстки автор устами председателя сельсовета за чаепитием спрашивает у следователя: зачем продотрядовцы подчистую выгребают хлеб у крестьян? Как это понимать? Город спасаем, а нам от голода помирать? Следователь отвечает: «Если тебя моё мнение интересует, скажу – это несправедливо. И добавлю: к советской власти столько фальшивых попутчиков пристроилось и идейных дураков, карьеристов, да и саботажников немало. Пока разберёшься, кто есть кто, они столько бед натворят, столько человеческих жизней покалечат».

Удивительно, но в годы богоборчества в храме села, где жила племянница Алексея-иконописца Ирина Андреевна, периодически появлялся лик иконы Пресвятой Богородицы, вызывая восхищения и радость верующих. Неужели никто не донёс в НКВД об этих фактах? Никто, отвечает

Ирина Андреевна, доносов в НКВД не строчил из их деревни, люди жили в согласии и поддержке друг дружки. «…Сейчас, – говорит Ирина Андреевна, – многие смелые стали, зная, что за это ничего не будет, клянут почём зря Сталина. За расстрелы, за то, что в лагерях народу сгинуло немало. Всё это верно, да только сами простые люди поменьше бы писали доносы. Кто из зависти, кто по злобе, а кто просто из-за того, что душонки подленькие. Тогда бы и народу меньше пострадало…»

Такая оценка событий ушедших лет свидетельствует о высокой гражданской, политической, нравственной зрелости писателя Н. Перевозчикова.

Потрясающее впечатление оставляет у читателя новелла «Дружок-Григ» – настоящая копия нынешних дней. Новый хозяин собачки рассказал Дружку, что его сын с невесткой вложили средства в строительство жилья, а компания, конечно же, обанкротилась, вот он и предложил молодым перебраться в его трёхкомнатную квартиру. Вскоре сын посоветовал отцу-пенсионеру на лето, а там, глядишь, и на зиму переехать в «летнюю резиденцию», расположенную в полуживой деревушке, где не было никаких признаков цивилизации – школы, медпункта, магазина, почты, водопровода, транспортного сообщения с городом. Доживали здесь люди, отдавшие свой трудовой и гражданский долг государству, а теперь оказались беззащитными и никому не нужными.

В сезонную распутицу и зимой автолавка заглядывала сюда раз в месяц, потому что частному бизнесу это невыгодно… Всю эту картину наблюдал и мучительно переживал дворовый пёсик Дружок. Из русских народных сказок и бесед мы знаем, что братья наши меньшие умеют разговаривать между собой, высказывают очень мудрые суждения, которые автор достоверно перевёл на человеческий язык.

Дружок недоумевал, зачем новый хозяин пригласил к себе в дом старушек на новоселье, накрыл стол такими вкусностями, что у него закружилась голова. Но странное дело: старушки пришли в лучших платьях, которые у них лежали много лет, напомаженные, с подведёнными бровями, ели мало, рюмки лишь пригубили, но много и тепло разговаривали, пели песни и озорные частушки, а учительница русского языка читала стихи Есенина, в которых поэт признавался, что «зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове…»

От этих слов у Дружка забилось сердце, он расплакался, тонко завывая. Расходились гости поздно вечером радостные, взволнованные, и Дружок понял, каким может быть целительным искреннее человеческое общение. В ответ на ласку, невероятно вкусную пищу, особенно ливерную колбасу, внимание со стороны соседей Дружку захотелось сделать для людей что-то очень нужное. Он быстро усвоил уроки, понял смысл своих еженедельных командировок в сельскую аптеку и магазин и исполнял эту работу с радостью.

Дружок решил подарить девочке с грустными глазами, освободившей его из клетки, самое ценное и дорогое, что он хранил в укромном месте, – сахарную косточку, и положить к её ногам…

По вечерам вместе с хозяином Дружок внимательно слушал «Песню Сольвейг» норвежского композитора Эварда Грига, сердце его сжималось от волнения и переживаний…

Я помню, как после войны, когда в каждом доме радость Победы густо смешивалась с горькими слезами о погибших на фронте, в нашей саманной избушке собрались соседи у радио-тарелки послушать «Литературные чтения». Ираклий Андроников, известные артисты читали произведения Пушкина, Лермонтова, Чехова, Толстого, советских писателей и поэтов. Женщины и дети, затаив дыхание, слушали чтецов. Душа грелась от добрых слов, отходила от тревоги и нужды, расправлялись плечи, укреплялась вера и надежда на лучшую жизнь. Я знаю, что люди во всех концах нашей великой Родины с удовольствием услышали бы на волнах радио или каналах телевизоров «Уральские сказания» талантливого писателя Н. И. Перевозчикова.

Николай Чепасов

Челябинск, ноябрь 2019 г.

Книжные бестселлеры

18 + ФАНТАСТИКА, ФЭНТЕЗИ и ПРОСТО НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 350 руб. / страница прозы; 550 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске – 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. – 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ – по графику на сайте journalsp.ru.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

_____

_____

_____

Полный почтовый адрес:

_____

_____

_____

_____

_____

_____

Номер телефона:

_____

Кол-во экземпляров журнала:

_____

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

_____

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное): На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги (Яндекс.Касса) / Почтовый перевод

Ваш координатор:

_____

Подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Наши услуги

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Издательский грант «Новые имена»:

- Издание прозы в серии «Бестселлер»;
- Продвижение изданной книги.

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться – присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

планета книг

#КНИГА
Интернет-магазин современной литературы

На полках наших магазинов «Планета книг» и «#Книга» более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru

ISSN 2224-0756

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
soyuz-pisatelei.ru